

№ 7

ЕКАТЕРИНБУРГ

2000

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БЕЛАЯ РОССИЯ»

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№7

ЕКАТЕРИНБУРГ

2000

Очередной номер альманаха «Белая армия. Белое дело» продолжает освещение различных аспектов истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. Авторы статей и материалов вводят в оборот многие неизвестные ранее факты и документы и на их основе предпринимают попытку правдивого воссоздания исторических картин прошлого. Специальный раздел альманаха посвящен раскрытию малоизученных страниц белоэмиграции. Издание рассчитано на всех, кому не безразлична судьба России.

**Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.**

- Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций
- Перепечатка только с разрешения редакции

© НИЦ «БЕЛАЯ РОССИЯ»
© Дмитриев Н.И. Составление, редакция.
Екатеринбург, 2000
© Сакнынь Ю.П. Оформление. 1995

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! Более полугода минуло со времени последней встречи с Вами на страницах альманаха. Эти месяцы не прошли даром для нашего Центра, который продолжал, по мере своих сил и средств, наращивать исследовательский потенциал по изучению различных сторон Белого движения. В настоящий момент творческие и деловые контакты установлены с представителями более шестидесяти городов России. Мы с удовлетворением можем констатировать наметившуюся тенденцию оказания взаимной помощи в установлении истины по вопросам как уточнения биографических сведений и конкретных событий, так и в решении различных аспектов творческого сотрудничества и расширения числа единомышленников. Позвольте искренне поблагодарить всех наших коллег за потраченное время и усилия по оказанию бескорыстного содействия НИЦ «Белая Россия».

Новой чертой деятельности Центра явилась работа по подготовке и выпуску поистине уникальной монографии нашего автора и соратника А.М.Кручинина «Российский полк с финским именем: очерки истории Оровайского полка (1811-1920)», явившейся результатом многолетних кропотливых исследований и продолжившей дореволюционную традицию написания полковых историй Российской армии. Отдельные главы книги проливают свет на ту немалую роль, которую полк и его подразделения сыграли в период не только Отечественной 1812 года и Первой мировой войн, но и в составе армии А.В.Колчака в годы Гражданской войны. Описываемые события и их участники воспринимаются живее и нагляднее, благодаря большому количеству собранных по крупицам фотоиллюстраций.

Что же касается настоящего номера, то, как и прежде, на его страницах представлены самые разнообразные материалы. О действиях Чехословацкого корпуса в Сибири, хронологии жизни генерала Р.Гайды рассказывают публикации П.А.Новикова и А.М.Кручинина. Думается, настало время более основательно подойти к исследованию этой проблемы, учитывая тот факт, что сохранилось немало источников, пусть и разрозненных, но позволяющих внести в ее решение дополнительные и весьма существенные уточнения.

Впервые столь подробно о боевой деятельности отряда подполковника Н.П.Орлова, упомянутого в качестве одного из основных оппонентов большевиков в Коми крае в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», повествует сыктывкарский исследователь М.В.Таскаев.

Характерной особенностью номера является присутствие во многих статьях недавно открытых для широкого использования документов, переданных из фондов специальных архивов. Работы С.В.Дрокова о знаменитом процессе на Атамановском хуторе и С.В.Смирнова о судьбах неизвестных офицеров Белой армии лишнее свидетельство всей важности обращения исследователей к данной группе источников. А сколько еще тайн хранят документы действующих архивов органов госбезопасности и министерства внутренних дел?

По сложившейся уже доброй традиции редакция альманаха предоставила слово трем новым авторам. Объемная работа петербургского историка С.Е.Глезерова посвящена истории издательского дела Северо-Западного отряда Белого лагеря, длительное время остававшегося за рамками профессионального изучения. Мы публикуем первую часть статьи, в которой, на наш взгляд, особый интерес представляет раздел, связанный с участием в Белом движении известного писателя Л.Н.Андреева, претендовавшего на роль лидера в организации антибольшевистской агитации и пропаганды. Полную биографию и боевой путь генерал-лейтенанта Г.А.Вержбицкого рассматривает в своей публикации уссурийский преподаватель А.Ю.Бушин. Редакция поздравляет дебютантов с успешным началом. Наши приветствия адресованы также москвичу К.В.Фомину, представившему интересные сведения о Белой армии на Дальнем Востоке в соавторстве с известным уже автором, профессором В.Н.Фоминим.

В разделе «Жизнь в эмиграции» редакция завершает публикацию материалов В.Ф.Ершова о военных обществах и союзах зарубежной России. А Р.М.Абинякин выступает с собственной

версией о возможной причастности полковника С.А.Мацылева к нашумевшему похищению в Париже начальника РОВС генерала Е.К.Миллера.

В заключение позвольте пригласить всех, готовых к сотрудничеству с нами, коллег и читателей выступить со своими исследованиями на страницах будущих номеров альманаха. Требования к предлагаемым к опубликованию работам остаются прежними: наличие печатного текста в одном-двух экземплярах, его литературного изложения, иллюстраций, файла на дискете 3,5 дюйма в редакторе Microsoft Word 7,0 для Windows 95. Обращаем Ваше особое внимание на необходимость тщательной выверки научно-справочного аппарата, приводимого в сносках, в строгом соответствии с принятой в альманахе практикой.

Всех желающих установить с редакцией контакты, высказать свои отзывы и пожелания, сделать пожертвования в Общественный фонд издания и заявки на номера альманаха и публикацию в нем просим обращаться по адресу: Россия, 620002, г.Екатеринбург, до востребования. Дмитриеву Николаю Ивановичу.

ВОССТАНОВИМ ВМЕСТЕ ИМЕНА ГЕРОЕВ БЕЛОГО ДЕЛА!

Уважаемые коллеги!

Кемеровское отделение заочного обучения Омского юридического института МВД РФ и Государственный архив Кемеровской области приглашают Вас принять участие в 4 научной конференции «История Белой Сибири», которая состоится в Кемерово 6-7 февраля 2001 г.

На конференции предполагается обсудить самые разнообразные вопросы историографии, источниковедения и истории Урала, Сибири и Дальнего Востока в период правления антибольшевистских правительств (1918-1922 гг.), а также судьбы восточной ветви российской эмиграции.

Тезисы объемом до трех машинописных страниц, сноски в конце текста, направлять до 1 октября 2000 г. по адресу: 650099, Кемерово-99, до востребования. Звягину Сергею Павловичу. К тезисам необходимо приложить сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученые степень и звание, место работы, домашний адрес.

Тел. для справок: 8-(3842)-51-06-64.

Оргкомитет

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Новиков П.А.

ЧАСТИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (МАЙ - АВГУСТ 1918 Г.)

Первые бои. Зборов - Челябинск

Начнем с истории возникновения Чехословацкого корпуса - боевого организма, сыгравшего важную роль в Гражданской войне в России. По указанию В.Крала в России в 1914 г. насчитывалось 120 000 чешских колонистов¹. С началом Первой мировой войны чехи, проживавшие или застигнутые войной в России, стали вступать в «Чешскую дружину», чтобы в составе Русской армии бороться за независимость своей Родины. После присяги 11 октября 1914 г. дружина была отправлена на фронт. Первоначально она насчитывала 903 человека (рядовых - 744 чеха и 133 нестроевых русских, а также 26 офицеров, в основном русских). Части дружины как роты или полуроты прикомандировывались к штабам русских дивизий Юго-Западного фронта для нужд разведки, принимая участие как в боях, так и пропаганде².

Указанные силы активно пополнялись переходящими на сторону России чехами австро-венгерской армии. Так например, 28 австро-венгерский полк, сформированный в Праге, 3 апреля 1915 г. в Дукельском ущелье без выстрела сдался русским, уходя в плен со знаменем и музыкой. Аналогично поступил и 36 полк. В начале февраля 1916 г. чешские части в России были объединены (переименованы) в полк, а в середине апреля генерал М.В.Алексеев разрешил начать формирование стрелковой бригады.

Чехословацкая бригада приняла участие в русском летнем наступлении 1917 г. Историк А.А.Керсновский так описывает один из его эпизодов: «На рассвете знойного дня 18 июня 1917 г. под гром могучей артиллерии наши армии Юго-Западного фронта перешли в свое последнее наступление... Весь день шел упорный бой, а на следующий день генерал Эрдели (командующий 11 русской армией) нанес сокрушительный удар 49 корпусом генерала Селивачева по 9 австро-венгерскому корпусу у Зборова. В 49 армейский корпус входили 4-я и 6 Финляндские стрелковые, 82 пехотная дивизии и Чехословацкая бригада полковника Троянова. 4 Финляндская дивизия нанесла удар по 32 венгерской и 223 германской пехотным дивизиям, а чехословаки - по 19 австро-венгерской дивизии, в значительной степени, состоявшей из чехов... Атаковавшие с огромным порывом чехи опрокинули втрое сильнеего неприятеля и взяли 6000 пленных и 15 орудий (потеряв 150 убитыми и 1000 ранеными из 5000 бывших в строю). Ввод в дело чехословацких частей потряс австро-венгерское командование, и войска 9 австро-венгерского корпуса были ночью же выведены в резерв и сменены 51 германским корпусом»³.

В сообщении русской Ставки от 3 июля 1917 г. говорилось: «На Злочевском направлении наше наступление успешно продолжается. 19 июня около 15-ти часов, после ожесточенного упорного боя Зарайский полк, овладел дер.Пресовце и доблестные войска 4 финляндской дивизии и Чехословацкой бригады овладели сильно укрепленными позициями противника на высотах западнее и юго-западнее дер.Зборова и укрепленной дер.Коршилув, прорвав три линии окопов противника. Противник отошел за реку Стрыпа. Чехословацкая бригада захватила в плен 62 офицера и 3150 солдат, 15 орудий и много пулеметов, большинство которых обращено против неприятеля»⁴. В награду полки получили названия и Георгиевские ленты на знамена. Генерал А.А.Брусилов отмечал: «Бригада задержала несколько вражеских дивизий. Пал цвет чехословацкой интеллигенции»⁵.

«Крупный успех пробил льды недоверия и непонимания», а доблестное поведение бригады вызвало разрешение формировать 2 чехословацкую дивизию (из военнопленных чехов и словаков, захваченных Русской армией в боях, при этом брали в полки из концентрационных лагерей только лучших, испытанных людей⁶). До осени 1917 г. 300 вербовщиков-эмигрантов набрали 21760 новых добровольцев. 26 сентября генерал Н.Н.Духонин разрешил сформировать Отдельный Чехословацкий корпус из двух дивизий и запасной бригады как часть русской армии⁷. Во второй половине 1917 г. в отдаленных деревнях Волынской и Полтавской губерний организуются полки Чехословацкой армии.

Однако военный успех Зборовской победы не мог быть развит. «Вместо того, чтобы поддержать истекавших кровью братьев, резервы митинговали, выносили резолюции о недоверии министрам-капиталистам, о мире без аннексий и контрибуций ... пока (6 июля) на митингующие толпы не обрушился бронированный кулак врага... И за четыре (последовавших) дня революционная подлость отдала врагу все то, что было добыто безмерной доблестью и кровью 700 тысяч русских офицеров и солдат за четыре месяца Брусиловского наступления 1916 г.» О поведении русских говорят слова Л.Г.Корнилова, принявшего командование Юго-Западным фронтом: «На полях, которые нельзя назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых Русская армия не знала с самого начала своего существования»⁸.

«Только самые крепкие части, где имелось больше старых настоящих офицеров и солдат, сохраняли еще вид воинской силы. И среди них 1 чехословацкая дивизия (состоявшая из добровольцев-чехов, живших в России или бежавших туда для активного участия в борьбе). За этот период она проявила много доблести и оказала немало подвигов; эта дивизия пыталась сдержать натиск германцев на Стоходе, старалась сдержать около себя и худшее, а именно - разложение Русской армии, сохраняя в себе и дисциплину, и даже внешний воинский вид; в грустные дни тарнопольских боев в июне 1917 г. 1 чешская дивизия совместно с немногими крепкими русскими частями прилагала все силы, чтобы остановить бегство «революционных войск» 18 июня и преградить вражеское вторжение вглубь страны». В приказе Верховного Главнокомандующего генерала от кавалерии А.А.Брусилова №634 от 15 июля 1917 г. в списке «доблестных могучих частей славной революционной Русской армии, записавшихся в «ЧАСТИ СМЕРТИ»... постановивших принять на себя ответственный, тяжкий, но почетный долг умереть за Родину, не зная сомнений и колебаний в борьбе с жестоким врагом...» стоял 3 Чешский Яна Жижки стрелковый полк⁹.

После событий октября 1917 г. положение чехословаков, находившихся на Украине усложнилось. Комиссар Временного правительства при штабе Юго-Западного фронта Григорьев 27 октября распорядился двинуть чехословаков на Киев, где они некоторое время участвовали в боях против Красной гвардии. Зимой 1917-1918 гг. командование корпуса с согласия филиала Чехословацкого Национального Совета (ЧНС, председатель Т.Г.Масарик, заместитель П.Макса) и украинской Центральной Рады использовало личный состав для полицейских, охранных и реквизиционных функций. 12 января 1918 г. Рада провозгласила Украину самостоятельным государством и пошла на сепаратный мир с немцами. 15 января филиал ЧНС провозгласил чехословацкие вооруженные силы в России «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции»¹⁰. 18 февраля Т.Г.Масарик заявил, что решен вопрос о финансировании корпуса и его переброске на Западный фронт. Решено ехать через Сибирь, так как «на Мурмане дорога не в порядке, а Архангельск замерз до мая». В этот же день части 1 Чехословацкой дивизии начали отход на левый берег Днестра. Оторвавшись от немцев и гайдамаков, чехи стали лихорадочно искать подвижной состав для эвакуации, продовольствие и боеприпасы. Главнокомандующий советскими войсками В.А.Антонов-Овсенко из Курска отдал приказ «не выполнять неподтвержденные им приказы в отношении передвижения чехословацких эшелонов»¹¹.

Важное значение для чехов приобрел железнодорожный узел Бахмач, к которому двигались австро-немецкие части. Бои там происходили с 7 по 14 марта 1918 г., причем особо упорные 10 марта. От Гомеля немцы наступали 61-м и 224-м, от Крут 349 саксонским и одним неустановленным полками. От чехов сражались 6 полк (полностью с 9 марта), два батальона 4 полка, 3 батареи 1 артбригады, а также временно батальон 1 запасного полка¹².

В течение 12-14 марта указанные части вели арьергардный бой с австро-германцами и гайдамаками, а на Бахмач спешно грузились остальные части корпуса. Подполковник Б.Ф.Ушаков, начальник чешского арьергарда, доносил: «У немцев не было ни численного, ни технического превосходства, и чешские войска могли держать Бахмач и далее. Однако перед командованием арьергарда была поставлена задача - без нужды не ввязываться в борьбу, а вывести войска из боя с наименьшими потерями, погрузить и отправить их из Бахмача, чтобы они соединились с ос-

тальными частями корпуса. Эту задачу удалось выполнить, причем главные трудности при выполнении создавали не немцы; они вытекали из внутривойсковой обстановки в России; иными словами выполнение этой задачи тормозили командиры советских войск, поэтому пришлось пустить в ход дипломатию, угрозы, лесть и даже использовать то обстоятельство, что комиссары не имели никаких познаний в военном деле¹³.

6 чешский полк захватил 27 паровозов и 300 вагонов, а 7-й соответственно 25 и 549. Как только были захвачены необходимый подвижной состав и уголь, погружены солдаты, боеприпасы, реквизированное продовольствие, вооружение и снаряжение, чехословаки, используя обман (под видом составов с ранеными отправлены из Бахмача 2 эшелона с подразделениями 6-го, 7-го и 4 полков) и угрожая оружием, спешно двинули свои эшелоны к границам Российской советской республики. Антонов-Овсеенко сообщал, что «положение под Бахмачем серьезное, благодаря предательскому поведению командного состава чехословацкой дивизии»¹⁴.

13-14 марта 1918 г. в Курске происходили переговоры между П.Максой и В.А.Антоновым-Овсеенко, и было достигнуто соглашение о сдаче чехами части оружия в Харькове, Белгороде, Курске, Воронеже и Пензе. Не обошлось без инцидентов. На ст.Бобров 20 марта чехи захватили паровоз от почтового поезда, а на ст.Лукашевка - тысячи тонн овса, продовольствия и фуража. В ответ командование Московского военного округа дало директиву местным советам «остановить и разоружить эшелоны». Председатель Пензенского совета Кураев распорядился «не пропускать эшелоны до согласования вопроса об их передвижении». Командир 2 Чехословацкой дивизии генерал Подгарецкий отреагировал тем, что с вооруженным конвоем ворвался к Кураеву и угрожал повесить его, «если приказ не будет отменен», а командир 8 полка полковник Писаренко на одной из станций «устроил вооруженную демонстрацию»¹⁵. 24-25 марта в Пензе в поезде филиала ЧСНХ шла дискуссия о сдаче оружия. 26 марта в Пензу совет народных комиссаров направил предписание удалить из корпуса «контрреволюционный командный состав, оставив 100 винтовок и пулемет на 1000 человек как условие немедленного продвижения эшелонов во Владивосток». Чехословацкое командование вынуждено было уволить 30 марта 1918 г. командира 2 дивизии генерала Подгарецкого, командиров полков: 7-го - полковника Смуглова и 8-го - полковника Писаренко. Всего удалили 15 русских офицеров.

Однако в корпусе продолжали оставаться как русские генералы: командир корпуса - В.Н.Шокоров, начальник штаба корпуса - М.К.Дитерихс, командир 1 дивизии - Н.П.Коломенский, так и русские офицеры: начальник штаба 1 дивизии - полковник Леонтьев (на должности видимо сменил удаленного подполковника Дормана¹⁶), временный начальник штаба 2 дивизии - подполковник Б.Ф.Ушаков, командиры полков: 1-го - капитан А.П.Степанов, 3-го - подполковник С.Н.Войцеховский, артиллеристы - капитан Померанцев, капитан Воронов, штабс-капитан Куликовский и другие. Отметим, что по словам В.Голечека, впоследствии перед предстоящей борьбой оставили чешские части генерал Коломенский и полковник Леонтьев. Однако в корпусе по-прежнему оставался довольно высоким процент офицеров: 1 офицер приходился на 16 рядовых¹⁷.

По версии самих чехов, «советская власть по указке Берлина и Вены чинила всяческие препятствия движению чехословацких эшелонов, несмотря на то, что в Киеве и Пензе Чехословацкая армия согласилась передать почти все оружие, вывезенное из Украины от наступавших германцев, и оставила себе самое незначительное количество винтовок и патронов для личной безопасности и необходимого запаса от нападения хулиганов и вооруженных военнопленных немцев и мадьяр»¹⁸. В Сердобске было передано аэропланов и прочего имущества на 3,5 млн.

**Подполковник
Ушаков Борис Федорович**
Фото из коллекции Н.Б.Неуймина

рублей. По договору от 26 марта и согласно приказа по корпусу № 35 в каждом эшелоне без исключения разрешалось оставить вооруженную роту из 168 человек, включая унтер-офицеров, и один пулемет. Поэтому в Пензе демобилизовались все чешские части, кроме 1-го, 4-го и 1 запасного полков. Приходилось однако и позднее дополнительно «выкупаться», отдавая оружие в Самаре, Омске, Иркутске, даже в Уфе и Златоусте.

По утверждениям же красных, «чехи скрывали в вагонах громадное количество винтовок, пулеметов и даже орудий, эшелоны были наполнены не только военным имуществом, но и домашними вещами, мебелью и т.п. (до 600 вагонов)». Однако они признавали, что 4 апреля в Пензе чехи сдали местному совету 50 тысяч винтовок, 5 млн. патронов, 1200 пулеметов, 6000 лент, 72 орудия и 3 аэроплана¹⁹. В первых числах апреля 1918 г. совнарком дал распоряжение о пропуске во Владивосток сначала двух, а потом четырех разоруженных эшелонов в сутки. 13 апреля на совещании офицеров 1 Чехословацкой дивизии в Кирсанове было решено требовать от филиала ЧСНС прекращения сдачи оружия. Во второй половине апреля ситуация в связи с выходом частей атамана Г.М.Семенова к Карымской еще более усложнилась. В конце месяца появились сообщения, что самая боеспособная 1 дивизия, не достигшая еще и Урала, должна двигаться к Архангельску. Это вызвало новое недовольство.

Несколько слов о «челябинском инциденте» 14-17 мая. Брошенной из эшелона австро-венгерских военнопленных железной дорогой был ранен чешский солдат Ф. Духачек. Чехи остановили эшелон, отцепили три вагона с военнопленными, избili десятерых из них, а мадьяра И.Малика, указанного как виновника ранения, закололи штыками. 17 мая комиссия, созданная Челябинским советом арестовала 10 чехословаков. В ответ командование 3-го и 6 чешских полков, стоявших эшелонами на станции выслало депутацию с требованием освободить арестованных. Хотя комиссия и согласилась исполнить это, подполковник С.Н.Войцеховский в тот же день с подразделениями своего полка осадил вокзал, арестовал коменданта, разоружил охрану и захватил вагоны с оружием, стоявшие на путях. Вооруженные батальоны 6 полка оцепили центр города, разоружили красноармейцев, захватили арсенал, военный комиссариат, произвели в нем обыск и перерезали телефонную линию²⁰. Иными словами, Войцеховский уже 17 мая устроил своеобразную репетицию. В ответ на челябинские события в Москве в ночь на 21 мая были арестованы заместители председателя филиала ЧСНС П. Макса и Б. Чермак. Сами арестованные (или от их имени) 21 мая издали приказ о беспрекословной сдаче всего оружия «без всякого исключения, официальным представителям местных советов».

20 мая в Челябинске состоялось совещание членов филиала ЧСНС и командиров полков с приехавшими делегатами от обеих дивизий. Решили не подчиняться распоряжению об изменении маршрута и сдаче оружия, а двигаться на восток, не останавливаясь перед вооруженной силой. Был образован новый руководящий орган Временный исполнительный Комитет (ВИК) из 11 человек. В него вошли и три командира полков: 3-го - подполковник С.Н.Войцеховский, 4-го - поручик С.Чечек и 7-го - капитан Р.Гайда. Чечеку поручалось общее командование в районе Пензы-Самары, Войцеховскому - в районе Челябинска, а Гайде - на запад и восток от Новониколаевска. Немедленно во все стороны были разосланы курьеры с ориентировкой: «оружия не сдавать, готовиться к бою». Макс, сидевшему в ЧК, была послана телеграмма: «Съезд избрал Исполнительный комитет для руководства передвижением. Не издавайте приказов, они не будут приниматься во внимание». В совнарком также направили депешу о том, что так как «советское правительство не может обеспечить свободный и беспрепятственный проезд корпуса, съезд решил оружия не сдавать»²¹.

Общее расположение

Чешский капитан В. Голечек в 1919 г. так описывал расположение чехов накануне решительных событий: «На линии Сердобск-Пенза - вооруженные эшелоны 4 полка и 1 батальона 1 полка, в Пензе - остальные эшелоны 1 полка, причем оружие полка сложено в запечатанном вагоне, но не передано комиссии красных. Кроме того, в Пензе - два батальона 1 запасного полка (без оружия) и шестой эшелон новобранцев.

В Кузнецке стояли 2-я и 3 батареи 1 артбригады (без орудий), в Сызрани - штаб артбригады, 1-я и 4 батареи (без орудий) и первый самостоятельный пензенский полубатальон (новобранцев без оружия). На линии Сызрань-Самара-Уфа-Златоуст-Челябинск чехословацких эшелонов не было, исключая поезд штаба 1 полка с нестроевыми командами, подъезжавшего к Златоусту. В Челябинске находились все без исключения демобилизованные эшелоны 2-го и 3-го и два

эшелона 6 полков. Еще два эшелона 6 полка двигались из Петропавловска на восток, одновременно одинокий эшелон политического представительства [отделения для России ЧСНС-П.Н.] и штаба корпуса (с 3 ротой ударного батальона) отъезжал из Омска на запад. В Омске - столице советской власти в Западной Сибири - эшелонов не было. На линии Омск - Новониколаевск находился один эшелон 6 полка на ст.Чулымская, в Новониколаевске два эшелона 7 полка (все демобилизованные), в Мариинске - эшелон 7 полка и эшелон 2 артбригады...

На пути Мариинск-Нижеудинск находился в Канске эшелон ударного батальона (без 3 роты), эшелон 2 запасного полка (3 роты) двигался из Канска в Нижеудинск, куда прибыл в час ночи на 28 мая, а в Нижеудинске ужестояли хлебопекарни 2 дивизии с охраной в составе одной роты 8 полка. На ст.Половина (западнее Иркутска) стоял эшелон 2 запасного полка, в то время как к Иркутску приближались эшелон 7 полка, эшелон авиационного парка с охраной в составе 4 роты 7 полка, а к Иркутску подъезжал эшелон 2 артбригады (без орудий). От Иркутска двигался на Владивосток один эшелон 7 полка и инженерная рота 2 дивизии. Во Владивостоке уже сконцентрировались 5-й и 8 полки и несколько эшелонов 2 запасного полка»²².

Таким образом, события разделили чехов на шесть групп:

1). Пензенская (1 дивизия) состояла из 1 Яна Гуса полка (2800 штыков, без штаба), 4 Прокопа Великого полка (3500 штыков), 1 запасного полка (1300 штыков), 1 инженерной роты (150 человек) и хлебопекарни 1 дивизии, всего около 8000 человек. Во главе этой группы встал поручик С. Чечек, его помощниками стали возглавившие: авангард - поручик Швец, арьергард - подпоручик Воженилек²³. 2). Челябинская (сборная) во главе с подполковником С.Н.Войцеховским состояла из части 2 Георга Исподобрата, 3 Яна Жижки, 6 Ганатского (2 батальона) полков, к ним присоединилась 3 рота и курганский батальон новобранцев, всего более 8000 человек. 3). Группа капитана Р.Гайды состояла из полутора батальонов 7 Татранского полка, батальона 6 полка, в общем около 2000 человек. 4). Группа капитана Э. Кадлеца в Мариинске имела две роты 7 полка и три батареи 2 артбригады, всего около 800 человек. 5). Дальше на восток, в район Канск - Нижеудинск, была выдвинута группа подполковника Б.Ф. Ушакова, насчитывавшая три роты ударного батальона (эшелон), эшелон 2 запасного полка и обозный эшелон 2 дивизии (хлебопекарни № 20А), в целом около 1000 человек. 6). Владивостокская группа с генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом во главе включала 5 Пражско-Масажыньский и 8 Моравско-Силезский полки, батальон 7 полка, 3 батальон 2 запасного полка, 1 дивизион 2 артбригады, 2 инженерную роту, авиационный отряд, парковый дивизион, всего около 14000 чел²⁴.

Вместо отдельных групп Гайды, Кадлеца и Ушакова красные говорили о Сибирской группе (2 Чешская дивизия), «растянутой от Кургана до Иркутска». Именно часть сил этой группы выступление корпуса и застало на территории Восточной Сибири. В нижеследующей таблице приводится расположение эшелонов группы в порядке их следования, составленное по данным различных источников²⁵. Отсутствие прямых указаний оставляет пробелы в таблице.

Непосредственное руководство пятью последними из указанных в таблице эшелонов осуществлял командир 7 Татранского полка капитан Р.Гайда. Суммарно в них насчитывалось 3258 чехословаков, вооруженных 24 пулеметами и 926 винтовками. Восточнее Иркутска, на Забайкальской ж.д. на 2 июня 1918 г. находилось 7 эшелонов чехов.

Поручик Станислав Чечек

Эшелоны Сибирской группы чехословаков в Восточной Сибири

Время и место нахождения эшелона (май 1918г.)	Командиры эшелонов	Численность (чел.)	Принадлежность войск эшелона
26-е, 18.30, в Иркутске	командир бригады капитан Померанцев, командир батареи штабс-капитан Новак	600	3 батареи 1 дивизиона 2 артиллерийской бригады
26/27-е, на ст.Иннокентьевская	штабс-капитан Гоблик	700	Три роты Татранского полка
23-е, разоружен в Красноярске, 26/27-е, на ст.Иннокентьевская	поручик Фиала	300	Авиационный, он же - «эшелон штаба с вспомогательными службами»
28-е, на ст.Половина, 29-31-е, на ст.Михалево			Эшелон 8 Моравско-Силезского полка
29-е и 10 июня, в Нижнеудинске	«капитан Полак: «Я, начальник двух эшелонов» «Свобода -?»»	Вместе 500	Батальон 2 запасного полка, обозный эшелон 2 дивизии (хлебопечкарни № 20А) с ротой 8 полка
28/29-е, в Канске	подполковник Б.Ф.Ушаков	500	Три роты ударного батальона
25/26-е, в Маринске	капитан Э.Кадлец		Две роты 7 Татранского полка
25/26-е, в Мариинске	капитан Воронов		Имущество трех батарей (без орудий) 2 артиллерийской бригады
25/26-е, в Новониколаевске	штабс-капитан Кульвашер	814	Три роты 7 Татранского полка
25/26-е, в Новониколаевске	штабс-капитан Каудельк		Три роты 7 Татранского полка
25/26-е, на ст.Чулымская	штабс-капитан Чеговский	860	Три роты 6 Ганатского полка

По данным генерал-квартирмейстера Чехословацкого корпуса подполковника В.В.Клецандры, у Чечека было 8000 человек, у Войцеховского - 8800, у Гайды - 4500 и у Дитерихса - около 14000 человек. Итого 35300 человек. Согласно данным, приводимым Ф.Д.Волковым, «корпус в 1918 г. насчитывал в своем составе 37451 пехотинца и 638 кавалеристов»²⁶.

По версии самих чехов, во второй половине мая советское правительство приказало «вполне обезоружить чехословаков, расформировать их части, расстрелять отдельных солдат и офицеров, а всю массу перевести в лагеря военнопленных. В 20-х числах мая советские отряды, состоящие почти исключительно из немцев и мадьяр в четырех местах: 25 мая в Марьяновке (под Омском), 26 - в Иркутске, 27 рано утром в Златоусте, Сердобске предательски напали на почти безоружные эшелоны чехословаков. Подобными преступными и предательскими действиями чехословацкие полки были вынуждены выступить на свою защиту против советской власти»²⁷.

Уместно привести своеобразный «разбор полетов» и с советской стороны. Она обещала: «Чехословаки неожиданно и почти в один и тот же день напали на гг. Челябинск, Новониколаевск

и Мариинск и свергли там советскую власть. Города Западной Сибири оказались поэтому совершенно разобщенными, а малочисленные красногвардейские отряды, вследствие перерыва ж.д., лишены были возможности объединиться, чтобы общими силами нанести сокрушительный удар чехословакам и были вынуждены действовать враздробь и порознь и успеха конечно иметь не могли, тем более что чехословаки были значительно лучше вооружены и дисциплинированы»²⁸.

По версии В.М.Крутовского, выступление чехословаков «вынудило» областников, несмотря на неподготовленность последних на аналогичные действия, учесть, что хотя обе группы «преследуют различные цели, но идя совместно легче достигнут их - чехословаки пробьют дорогу на восток, а областники сбросят иго большевизма. К сожалению, выступление это не могло быть сделано одновременно и дружно по всей Сибири. Подполье, прекращение ж.д. движения и телеграфного сообщения не дали возможности отдельным группам сибиряков, оторванным друг от друга, выступить дружно и совместно»²⁹.

Пользуясь случаем, коснемся процесса становления и чисто русских антибольшевистских сил в Сибири. Первые тайные организации появляются в конце 1917 г., но широкие шаги по созданию будущей Белой Сибирской армии были сделаны в начале 1918 г. В ночь на 26 января Томский совет разогнал Сибирскую областную думу. Избежавшие ареста ее члены избрали Временное правительство автономной Сибири во главе с эсером П.Я.Дербером, поручив организацию свержения советской власти своему военному министру - эсеру, подполковнику А.А.Краковецкому. Он разделил Сибирь на два военных округа, назначив уполномоченными в Восточно-Сибирском округе прапорщика Н.С.Калашникова, в Западно-Сибирском - штабс-капитана А.Фризеля (оба эсеры).

Параллельно эсеровским организациям и независимо от них формировались непартийные офицерские объединения, получившие преобладающее значение в общесибирском подполье³⁰. Эсеры сумели наладить контакты с ними, но при сближении возникали большие трудности. Офицеры, большей частью монархически настроенные, долго и упорно не хотели иметь ничего общего с эсерами, считая их «политическими болтунами и виновниками всех бед». В результате эсеры утратили руководящую роль, и на их место выдвинулись более старшие в чинах офицеры: в Западно-Сибирском округе - подполковник А.Н.Гришин-Алмазов, в Восточно-Сибирском - полковник А.В.Эллерц-Усов. Тайные военные организации существовали не менее чем в 37 населенных пунктах от Урала до Забайкалья. В них состояло, по оценкам Н.С.Ларькова, около 6000 подпольщиков, в том числе свыше 3800 - в Западной и до 2200 - в Восточной Сибири. Поименные списки (возможно, неполные) трех организаций - Иркутской, Канской и Нижнеудинской - содержат 442 фамилии. Около половины их членов (51,4%) офицеры, причем в Иркутской организации этот процент доходил до 68,6, а в Канской составлял лишь 26,7%. Зато в рядах последней состояло около половины солдат-фронтовиков. Учащиеся и гимназисты имелись только в Иркутской организации (28 человек). В Иркутской и Нижнеудинской организации состояло также 19 юнкеров и кадетов. Рост числа подпольщиков происходил с декабря 1917 г. до начала весны 1918 г. Достигнув в марте пика, затем приток добровольцев сократился. Это свидетельствует о том, что активные противники большевизма быстро определились³¹.

Зачатки Иркутской военной организации появились в январе 1918 г. Создавший первую ячейку Н.С.Калашников (руководитель организации с 1 января по 11 июля) 10 января привлек в нее враждебного советской власти офицера А.В.Эллерц-Усова. Этот последний, бывший командир 58 Сибирского стрелкового полка Русской Императорской армии, 30 января возглавил отряд военной организации, а с 11 мая и весь подпольный Восточно-Сибирский округ. Эллерц-Усов, опытный строевой офицер, «представлял все гарантии, что управление организацией и работа по дальнейшему ее усовершенствованию вестись будут в духе начал, на которых строилась армия в дореволюционное время»³². Организация разбивалась на отделения, взводы и роты. При штабе (начальник - полковник Петухов) существовала контрразведка (поручик Моисеев), проводившая проверку вступающих в организацию. Были созданы мобилизационная часть во главе с поручиком Малышевым (инспектор отряда), информационное бюро (поручик Морминов и подпоручик В.И.Поршнев), спецгруппа для связи с подпольными организациями Забайкалья (капитан Давыдов, подпоручик Соловьев и др.). Начальником артиллерии являлся Б.Иванов, командирами рот: капитаны Ф.С.Решетин, Ракетин, штабс-капитаны Ф.Колчин, К.Козловский, поручик Л.Матов, подпоручик Д.Маклаков. Взводом гимназистов командовал Миллер. Среди рядовых членов Иркутской организации находились генерал-майоры М.П.Никитин и Тарнопольский. В кадровом составе были офицеры и генералы, юнкера и учащиеся, казаки и вольноопределяющиеся.

Иркутск при разработке планов был разбит подпольщиками на сектора, в которых намечены сборные пункты, места хранения оружия. Местом сосредоточения резервов Иркутской организации являлось с.Пивовариха. Организация имела «филиалы в Усолье, Черемхово, Балаганске, Нижнеудинске, Канске». В Иркутске 25 апреля 1918 г. был выпущен № 1 «Известий Военной организации Восточной Сибири».

Иркутск, Нижнеудинск, Канск

Приходится признать, что выступление чешских легионеров и их роль на начальном этапе Гражданской войны в Сибири до сих пор нуждается в уточнении и освобождении от мифотворчества. Нарочито мутно излагаются, например попытки разоружения чехов. Постараемся осмыслить имеющиеся факты, относящиеся к первой половине 1918 г. Система хронологии и причинно-следственных связей событий в Восточной Сибири представляется автору в следующем, не претендующем на бесспорность, виде.

С одной стороны, в чехословацких эшелонах находилась масса русских офицеров, как среди командного состава, так и пробиравшихся в Забайкалье и Маньчжурию. «Последние, следовавшие без средств из России в Сибирь, находили очень часто приют и бесплатную езду в эшелонах, направлявшихся как и они на восток»³³.

Одновременно вступал в действие важный фактор деятельности атамана Г.М.Семенова, ставшего одним из тех руководителей, кто на основе частично сохранившихся организации частей старой армии, местных ресурсов, помощи союзников России по Мировой войне сумел создать очаги русской власти и военной организации, начав борьбу за восстановление национальной государственности и порядка. На протяжении длительного периода в 1918 г. для советской власти в Сибири Семенов являлся ближайшим открытым и потому главным противником. Для красных он был опасен не только своими действиями, но и тем, что играл роль своеобразного магнита, маяка, притягивавшего все активные антибольшевистские силы. Именно этот аспект деятельности атамана был наиболее опасен для красных.

Вот почему ЦИК советов Сибири (Центросибирь) 28 марта 1918 г. запретил бывшим офицерам въезд в Восточную Сибирь без вызова «до минования политических осложнений на Дальнем Востоке ввиду массового участия бывших офицеров в контрреволюционных выступлениях..., считая Енисейскую губернию границей, до которой допустим их въезд»³⁴. Посланец Добровольческой армии генерал В.Е. Флуг, выехавший из Иркутска на восток 25 мая свидетельствовал, что «драконовские меры... были установлены большевиками на пропускном пункте ст.Слюдянка [восточнее Иркутска - П.Н.], с целью пресечения дальнейшего пути всем, внушающим малейшее подозрение в принадлежности к офицерскому составу прежней армии... Особенно приходилось опасаться свирепствовавшего на ст.Слюдянка комиссара Дашкова, слава о котором - в известном смысле - гремела по всей Сибири, начиная с Челябинска»³⁵. А.В.Колчак, анализируя методы Белой контрразведки, и вообще поведение офицеров на Дальнем Востоке, отмечал: «Большей частью это был вопрос мести. Люди, которые пробрались сюда с величайшим риском и опасностями, хотя бы через Слюдянку, где погибло по крайней мере до 400 офицеров, люди, прошедшие через эту школу, конечно, выслеживали лиц, которых они узнали по дороге...»³⁶. В этой связи для большевиков в Сибири было не столько опасно оружие в эшелонах, сколько состав и поведение тех, кто в них находился.

Имели большевики и печальный опыт с проезжавшими на восток по Транссибирской магистрали сербскими войсками. В январе 1918 г. «через Иркутск с Румынского фронта проходят эшелоны сербских войск (5000 человек)»³⁷, а к концу апреля 1918 г. по данным красных, воюя на стороне атамана Г.М.Семенова, уже погибло около 100 сербов³⁸.

С другой стороны, надежных сил для разоружения чехов не было, а признаться в этом центру не хотелось. Документально установлена значительная доля среди красноармейцев Иркутска интернационалистов, то есть пленных немцев, мадьяр, работавших в Черемховском угольном бассейне китайцев, а также бывших ссыльно-каторжных. Прибывший 1 мая 1918 г. на ст.Черемхово американский журналист А.Р.Вильямс свидетельствовал, что «сбросив с себя железные цепи, бывшие каторжники добровольно подчинились железной дисциплине Красной армии». Надолго ли? Среди черемховских красногвардейцев преобладало влияние анархистов.

С учетом взаимовлияния трех сил - Г.М.Семенова, Чехословацкого корпуса и русских офицеров - для большевиков было важно не столько разоружить чехов, сколько вырвать или создать условия для удаления из корпуса русских офицеров, представлявших потенциальную опасность. Попытки задержать чехов и выловить русских офицеров в их эшелонах продолжались два меся-

ца. У большевиков не было иного выхода как волокитить, задерживать и пытаться разоружать чешские эшелоны, чтобы комиссар Дашков в Слюдянке и ему подобные могли действовать против офицеров безопасно и наверняка.

Общая хронология дальнейших событий такова. 23 мая два эшелона 6 полка по приказу С.Н.Войцеховского двинулись на Омск, 24 мая прибыли в Петропавловск и, угрожая оружием, захватили паровозы. Вечером 25 мая у ст.Марьяновка в 40 верстах западнее Омска их атаковал красноармейский отряд из Омска, готовившийся следовать на семеновский фронт и имевший приказ задержать и разоружить эшелоны. Красные понесли потери, но и чехи были вынуждены отойти на запад.

Тем временем в Восточной Сибири большевики начали в Красноярске с разоружения авиационно-штабного эшелона 2 Чешской дивизии, в котором, вероятно, следовал начальник штаба дивизии подполковник Б.Ф.Ушаков. Здесь у большевиков было достаточно сил, и разоружение имело место 23-24 мая. Представитель чехов Я.Шлангель, выехавший из Омска 21 мая и прибывший в Иркутск 26 мая свидетельствует: «По дороге ничего особенного не видел, только в Красноярске был авиационный эшелон обезоружен»³⁹. Ушакова похоже большевикам взять не удалось, и подполковник скрылся. Установив связь с местным подпольем, он вскоре выступил в Канске, дождавшись эшелона ударного батальона. Красноярскую подпольную организацию, которая насчитывала, по одним данным 600, а по другим, не более 480 человек, возглавлял полковник В.П.Гулидов, сменивший поручика Лысенко, Канскую (в апреле 1918 г. - 280 человек) - прапорщик П.Д.Марценко⁴⁰.

Вернувшись с вышеупомянутого совещания в Челябинске, капитан Р. Гайда послал утром 25 мая шифрованную телеграмму начальнику штаба полка Э.Кадлецу в Мариинск с приказом занять город, а командиру 1 батальона 6 полка штабс-капитану Чеговскому - занять ст.Чулымская. В Мариинске подразделения капитанов Э.Кадлеца и Воронова к 14 часам 25 мая захватили город, на станции обезоружили небольшой большевистский «партизанский» отряд, спешивший на семеновский фронт, захватив два орудия. Гайда выступил в Новониколаевске в ночь на 26 мая, уже имея информацию от Кадлеца. Связи с группой эшелонов, находившихся в районе Иркутска, у него видимо не было.

25 мая Западно-Сибирский совет телеграфировал о мариинских событиях в Москву. В ответ последовала известная депеша народного комиссара по военным делам Л.Д.Троцкого, перехваченная чехами: «Все советы под страхом суровой ответственности обязаны немедленно разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии ж.д. должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь военнопленных»⁴¹. Содержание приказа стало известно чехословацкому командованию и было расценено как объявление войны корпусу.

Командир обезоруженного отряда красных в Мариинске сумел сообщить о случившемся в Красноярск или на соседнюю станцию. Сведения о выступлении чехов в Мариинске в тот же день были получены в Иркутске, большевики которого с вечера 25 мая стали готовиться к встрече с чешскими эшелонами. Кровавое столкновение произошло во второй половине дня 26 мая и закончилось соглашением, по которому оружие эшелонами 3 батареи (командир - штабс-капитан Новак) 1 дивизиона 2 артбригады (командир - капитан Померанцев⁴²) и 7 полка (командир эшелона штабс-капитан Гоблик) сдавалось в Чите. Об этом свидетельствует запись переговоров по прямому проводу председателя Центросибири Н.Н.Яковлева с председателем Владивостокского совета К.А.Сухановым и представителями чехословацких войск во Владивостоке 29-30 мая. Фактически никакого разоружения в Иркутске не было, а имела место лишь попытка сделать это. Сборный авиационный эшелон поручика Фиалы уже был разоружен в Красноярске, поэтому то красные и писали о двух эшелонах, шедших впереди него. Однако через два дня, вечером 28 мая, чехи заняли Канск и Нижнеудинск. Большевики видимо плохо контролировали телеграфистов железной дороги и информация о событиях в Иркутске попала в эшелон 8 полка, стоявший на ст.Половина, а от него - в Нижнеудинск и Канск. Этот эшелон вооруженной силой 28 мая захватил паровоз и без остановки проехал в Иркутск. Красные «не применили никаких репрессий и мирно пропустили через Иркутск, учитывая нервное настроение»⁴³. Получается, что именно столкновение в Иркутске послужило причиной решительных действий чехов в один и тот же день 28 мая в Половине, Нижнеудинске и Канске. А начал разоружать чехов Красноярск, упустив Б.Ф.Ушакова. Такова примерная хронология действий чехов и красных в Восточной Сибири. Напуская же туман, большевики предпочитали рассуждать о численном превосходстве чехов и белых, маскируя свои упущения и не желая привлекать внимание к своей зависимости от каторжников, анархистов и военнопленных.

Но вернемся к более подробному рассмотрению событий в Иркутске. В изложении самих чехов ход их был следующим: «Коварное нападение произошло 26 мая 1918 г., когда чехословацкие артиллеристы, отбив голыми руками преступное нападение, захватив неприятельские пулеметы и заняв вокзал, не только не наказали виновных, но даже по настоянию представителей союзников вернули совету захваченное и, сверх того, все свое оружие и продолжали по соглашению с Иркутским советом свой путь на восток без оружия. Эшелон 7 полка и второй - авиационного отряда находились в то время на ст. Батарейная. Узнав о нападении в Иркутске, они заняли станцию, забрали множество винтовок, пулеметов и зарядов и, начав наступать на Иркутск, скоро стояли перед его стенами. Но утром 27 мая они также сдали все оружие и были отправлены на восток»⁴⁴.

Интересную, но и малопонятную информацию привел в августе 1918 г. В.М. Крутовский: «Начались изолированные выступления, которые к счастью почти повсюду имели успех и только к сожалению в Иркутске после удачного выступления произошло какое-то опять же непонятное, какое-то вмешательство каких-то соглашателей извне и это повлекло к тому, что удачное начало было здесь ликвидировано, большевики успели собрать свои немецкие силы, которые под началом немца барона Таубе оказали серьезное сопротивление, не ликвидированное еще и по сей час, когда мы пишем наши заметки»⁴⁵.

Красная версия указывала: «В конце мая 1918 г. в Иркутске стало известно о действиях чехословаков на западе. 26 мая город был встревожен, как муравейник. По городу мчались верховые, на вокзале ж. д. дружина красногвардейцев разоружала чехословацкий эшелон. Разоружение шло спокойно, но вдруг раздался выстрел как будто из чешского вагона. Этот провокационный выстрел нарушил мирный ход событий. Высадившиеся чехи построились в боевой порядок и начали наступление на станцию. Начался бой со смешанным отрядом ж. д. и интернационалистов. Чехи захватили разведку последних со стороны Иннокентьевской и расстреляли ее на месте, арестовали комиссара лагеря военнопленных и угрожали обстрелом военному городку. Прибывший из города броневик и вылетевший на позиции аэроплан произвели на чехов отрезвляющее действие. Столкновение закончилось соглашением о частичном разоружении эшелона и пропуске его дальше на восток. 50 человек убитых и 100 раненых с обеих сторон были результатом. Разоружение второго эшелона на ст. Иннокентьевской после этого прошло спокойно. Эти разоруженные эшелоны, а позднее еще два были отправлены на восток с комиссаром и благополучно прибыли во Владивосток»⁴⁶.

В.С. Познанский пишет, что эшелон капитана Новака, а затем еще два, сдав все оружие, продолжили дальше. «В Иннокентьевскую вернулся местный совдеп, а созданный во время мятежа комитет Временного Сибирского правительства ликвидирован. Советская сторона приложила все усилия, чтобы не дать разгореться бою в Иркутске (так как в нем масса антисоветских элементов, в т.ч. офицеров), который обязательно повторил бы декабрьские события [бои 1917 г., вторые по кровопролитности после Москвы - П.Н.]»⁴⁷. Он же указывает силы красных, принявшие участие в стычке в Иркутске - 1 Сибирский стрелковый полк, кавдивизион венгров-интернационалистов, маршевые роты барнаульцев, анжеро-судженцев и черемховцев, поддержанные батареями и тремя бронепоездами.

Менее лицеприятно для красных свидетельство иркутского современника событий Н.С. Романова: «В 4.45 26 мая в Глазково началась стрельба - большевики требовали оружие с эшелона проезжавших чехословаков. Чехами у красноармейцев отобрали пушку и два пулемета. В 6.30 над городом кружил аэроплан, второй пролетел к Иннокентьевской. В 23 часа стрельба в Иннокентьевской. Чехи отогнали большевиков за Иркутский мост, захватили склады военного снаряжения и всю ж. д. линию от Иннокентьевской до Иркутска. В 8.00 27 мая проехал начальник чешских эшелонов с национальным флагом для переговоров. Стрельбы не было. 31 мая в предместье Глазково состоялись похороны 15-ти убитых на ст. Иркутск чехословаков (из состава 2 батареи 1 дивизиона 2 артбригады)»⁴⁸. В иркутских больницах находилось 37 раненых чехов.

Все советские исследователи особо подчеркивают факт разоружения эшелонов в Иркутске, как «единственный случай массового разоружения белочехов в начале их выступления», хотя, как видно из приведенных подробностей, вряд ли правомерна такая трактовка.

Тем временем в ночь на 29 мая в Нижнеудинске «местные контрреволюционеры арестовали совет. Принимали ли участие два чешских эшелона, стоявшие там, в аресте совдепа - не выяснено»⁴⁹. Местная антибольшевистская организация начала формироваться несколько раньше Иркутской и к весне 1918 г. уже стала крупным повстанческим отрядом. Ее основателями были есаул Г.В. Кузнецов и бывший член 4 Государственной Думы от Иркутской губернии эсер И.Н. Маньков, а среди участников - полковник Бонч-Омаловский и сотник А.С. Трофимов. В ходе

событий было расстреляно несколько членов совдепа и до 100 человек арестовано. Возглавивший уездный комитет Временного Сибирского правительства И.Н.Маньков потребовал от Иркутского губсовдепа самороспуска и разоружения Красной гвардии. 3 июня в Иркутске говорили, что из Нижнеудинска советские организации получили ультиматум о передаче в 12 часов власти городской думе и земским управлениям.

Одновременно на территории Енисейской губернии появился еще один очаг антисоветской борьбы. В ночь на 29 мая чехи под командованием подполковника Б.Ф.Ушакова захватили Канск⁵⁰. По признаниям красных, сделанным на заседании Красноярского совета 7 июня 1918 г.: «В Канске чехи насчитывают 500 человек без кавалерии. Имелось небольшое количество белогвардейцев, но они теперь разоружены чехословаками и отправлены в уезд, где организывают богатое крестьянство и просто недовольных. Буржуи..., свергнув советы, создали хоть какое-нибудь управление ? Они не посмели и навязали всю административную ответственность Канскому Чингис-хану Ушакову, русскому франко-чехословаку»⁵¹.

После короткого боя канские красногвардейцы отошли в сторону Красноярска и закрепились у ст.Клюквенной. При приближении чехословацкого эшелона к станции он был обстрелян из орудий, начался бой. Чехи оказались организованными и вооруженными лучше красных частей и заставили отряд отступить.

В Западной Сибири подполковник С.Н.Войцеховский «в ночь с 26 на 27 мая 1918 г., командуя частями 2-го и 3 чехословацких полков, занял без потерь Челябинск, причем было взято в плен два советских полка, состоявших из мадьяр и немцев, около 14 легких орудий, 15000 винтовок, несколько десятков пулеметов и много военного имущества»⁵². 31 мая 3 ударной ротой и 2 ротой 3 полка под общим командованием штабс-капитана Жака был занят Петропавловск, а 2 июня отрядами 2 полка, частями 4 эшелона новобранцев и караульной ротой из поезда корпусного интендантства - Курган. Дальнейшей задачей чехов стало стремление к воссоединению своих разбросанных по Транссибирской магистрали групп.

(Продолжение следует)

Приложение

«убиты в междоусобии на ст.Иркутск... и погребены 18 мая 1918 г.[по старому стилю-П.Н.]... протоиреями Михаилом Копыловым и Алексеем Куркиным с причтом на приходском кладбище* в братской могиле чехословаки:

1. Яков Кашпар (27 лет)
2. Антоний Юзефович Фолта (29 лет)
3. Юзеф Иосиф Петрович Швачек (30 лет)
4. Иван Владимирович Пекло (31 год)
5. Виктор Шафран (27 лет)
6. Алексей Матяско (25 лет)
7. Иван Ироуш (23 года)
8. Иосиф Вrabский (28 лет)
9. Алексей Антонович Горак (24 года)
10. Франциск Павлович Ирку (23 года)
11. Антон Иванович Элуш (24 года)
12. Вячеслав Петрович Вицек (27 лет)
13. Павел Юсифович Лацко (28 лет)
14. Иосиф Иванович Папшол (30 лет)
15. Франциск Петрович Сидек (28 лет)
16. чехословак Иосиф Отара (21 год)... умер от «заражения крови вследствие огнестрельного ранения» 29 мая и похоронен 1 июня 1918 г.... протоиреем Алексеем Куркиным с псаломщиком Андреем Строкашиным на приходском кладбище с пением «Св. Бог»

Метрическая книга Глазковской Николо-Иннокентьевской церкви за 1918г. Архив управления записи актов гражданского состояния г.Иркутска. ИНН 139.

* Старо-Глазковское кладбище, захоронения с нач. XIXв. до 1930х гг. Уничтожено после 1945 г. Центр кладбища совпадал с территорией современной березовой роши, расположенной между улицами К.Цеткин, Шмидта-Грибоедова и 4-й Железнодорожной, края разрушены строительством домов и трамвайных путей.

- ¹ Краль В. О контрреволюционной и антисоветской деятельности Масарика и Бенеша. -М., 1955. -С.52.
- ² Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. -М., 1965. -С. 21
- ³ Керсновский А.А. История Русской армии. -М., 1994. -Т.4. -С.284.
- ⁴ Цит. по: Голечек В. Чехословацкое войско в России. -Иркутск, 1919. -С.3.
- ⁵ Цит. по: Куделя И. Первая годовщина Чехословацкой республики. -Иркутск, 1919. -С.6.
- ⁶ Сахаров К.В. Чехословацкий корпус//Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. -М.-Л., 1926. -Т.3. -С.322.
- ⁷ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... -С.96.
- ⁸ Керсновский А.А. История Русской армии. -С.285,289,291,292.
- ⁹ Росс Н.Г. Ударные части в Русской армии (весна и лето 1917 г.)//Новый Часовой (Санкт-Петербург). -1994. -№2. -С.135-136.
- ¹⁰ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... -С.147.
- ¹¹ Там же. -С.158.
- ¹² Голечек В. Чехословацкое войско в России. -Иркутск, 1919. -С.6.
- ¹³ Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... -С.159.
- ¹⁴ Там же. -С.160.
- ¹⁵ Там же. -С.181.
- ¹⁶ Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. //Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). -1997. -№4. -С.15.
- ¹⁷ Софинов П. Чехословацкий мятеж//Исторический журнал. -1940. -№12. -С.48.
- ¹⁸ Известия войск Восточного фронта (Иркутск). -1918. -26 авг.
- ¹⁹ Рябиков В.В. Центросибирь. -Новосибирск, 1949. -С.62.
- ²⁰ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... -С.202.
- ²¹ Там же. -С.206.
- ²² Голечек В. Чехословацкое войско в России. -С.20-21.
- ²³ Там же. -С.47.
- ²⁴ Там же. -С.38.
- ²⁵ См.: Подвиг Центросибири. Сб. док. -Иркутск, 1986. -С.311,317; Симонов Д.Г. К вопросу о свержении советской власти в Новониколаевске (май 1918 г.) // История Белой Сибири. Тез. 2 науч. конф. - Кемерово, 1997. -С.132; Государственный архив Иркутской области. Ф.342р. Оп. 1. Д.51. Л.18.
- ²⁶ Волков Ф.Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России// Вопросы истории. -1971. -№ 2. -С.103.
- ²⁷ Известия войск восточного фронта. -1918. -26 авг.
- ²⁸ Вегман В., Циркунов Ю. Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова. -Новосибирск, 1934. -С.13.
- ²⁹ Сибирские записки (Красноярск). -1918. - № 2/3.
- ³⁰ См.: Сибирь в период Гражданской войны. -Кемерово, 1995. -С.69.
- ³¹ Ларьков Н.С. Основные этапы и особенности довоенного строительства Сибири в 1918 г. //История Белой Сибири. Тез. 1 науч. конф. -Кемерово, 1995. -С.4.
- ³² Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г.// Архив русской революции. -М., 1991. -Т.9-10. -С.263.
- ³³ Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. -М., 1922. -С.17.
- ³⁴ Подвиг Центросибири. -С.127,293.
- ³⁵ Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. -С.264.
- ³⁶ Цит. по: Арестант пятой камеры. -М., 1990. -С.377.
- ³⁷ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. -Иркутск, 1994. -С.270.
- ³⁸ Подвиг Центросибири. -С.123.
- ³⁹ Там же. - С.317.
- ⁴⁰ Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. -Иркутск, 1974. -Вып.2. -С.138.
- ⁴¹ Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. -С.18.
- ⁴² Впоследствии в Приморье в начале июля 1918 г. капитан Померанцев находился среди руководителей чехов, действовавших у озера Ханка.
- ⁴³ Подвиг Центросибири. -С.311-312.
- ⁴⁴ Голечек В. Чехословацкое войско в России. -Иркутск, 1919. -С.23.
- ⁴⁵ Сибирские записки (Красноярск). -1918. -№ 2/3.
- ⁴⁶ Рябиков В.В. Центросибирь. -С.66.
- ⁴⁷ Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. -Новосибирск, 1973. -С.170.
- ⁴⁸ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. -С.290-291, 365.
- ⁴⁹ Подвиг Центросибири. -С.311-312.

⁵⁰ См.: Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири... -С.174.

⁵¹ Документы героической борьбы. Сб. док. и мат. -Красноярск,1959. -С.54.

⁵² Русская Армия (Омск). -1919. -12 июля

Судьба Сергея Николаевича Войцеховского после Гражданской войны такова. Согласно лично-муделу (№ 2435, архивное - № 108) заключенного ОЗЕРЛАГа Войцеховского Сергея Николаевича, хранящемуся в архиве управления исправительно-трудовых лагерей по Иркутской области, до мая 1945 г. он проживал с семьей в Праге по улице Конвецкой №5, был чехословацким подданным и имел чин генерала армии. По анкете дела, его семья состояла из жены Маргариты Викторовны (дочери полковника Темникова), сестры Зинаиды Николаевны и сына Юрия, 1910 г. рождения. Также по сведениям дела отец С.Н.Войцеховского - Николай Карпович умер в 1920 г., а мать - Мария Михайловна - в 1934 г. в Праге. После прихода в Чехословакию Красной армии С.Н.Войцеховский был арестован СМЕРШем, и с 30 мая 1945 г. содержался в Москве в Бутырской тюрьме. Осужден 15 сентября 1945 г. Особым Совещанием при НКВД по статье 58, пунктам 4 («помощь международной буржуазии»), 6 («шпионаж») и 11 («довесок к любому предыдущему, если преступное деяние готовилось организационно или преступники вступали в организацию»), протокол ОСО № 34.

До мая 1949 г. С.Н.Войцеховский содержался в УНЖЛАГе (ст.Сухобезводная Горьковской ж. д.). 25 мая 1949 г. этапом прибыл в ОЗЕРЛАГ (город Тайшет Иркутской обл.). Из-за слабого здоровья и преклонного возраста квалифицировался как инвалид, работал санитаром лагерной больницы, где сам лечился в 1949 г. Советский публицист Борис Дьяков в книге «Повесть о пережитом» запечатлел следующую сцену, относящуюся к марту 1951 г.: «за гробом умершего в лагере коммуниста Дабкина идет белогвардейский генерал Войцеховский, опирающийся на палку и занятый своими мыслями».

Сергей Николаевич Войцеховский умер в 7.30 7 апреля 1951 г. от «туберкулеза легких и старческого маразма» - такова стандартная бюрократическая формулировка, принятая в «органах». Похоронен на кладбище Центральной больницы №1 ОЗЕРЛАГА вблизи села Шевченко (примерно в 35 км северо-восточнее Тайшета) Тайшетского района Иркутской области в могиле глубиной 1,5 метра, обозначенной знаком 4-36.

ПОДПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ ОРЛОВ

Подполковник Н.П. Орлов - единственный из белогвардейских офицеров Коми края, который упоминается на страницах капитальной советской энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1987. -С.436). Известность пришла к нему после того, когда ноябре 1919 г. партизанский отряд Орлова сходу захватил в Коми крае два города, считавшихся глубоким советским тылом, и попытался создать угрозу Великому Устюгу и Котласу. Храбрость и решительность Н.П. Орлова были вынуждены признать и его враги. Велико-устюжская газета «Советская мысль» в номере от 17 декабря 1919 г. так писала о нем: «Вид... не внушительный: невысокий, худощавый, с низким лбом и решительными, тусклыми, черными глазами... властный, громкий и грубый голос. Его «хлопцы», как он называл своих солдат, его боялись... В бой шел всегда пьяный, отличался смелостью и решительностью. Во время наступления был первым, ободряя трусливых белогвардейцев». К сожалению, фотографии Орлова пока нигде не найдены, поэтому публикация в «Советской мысли» является своеобразным словесным портретом подполковника.

Николай Петрович Орлов родился в 1894 г., в Гороховце Ковровского уезда Владимирской губернии, в семье отставного генерал-майора, предводителя уездного дворянства и владельца 300 десятин земли. В советской историографии утверждается, что до Первой мировой войны Орлов был офицером жандармерии, однако есть и другая версия, согласно которой он был учителем. Так или иначе, но школу прапорщиков Орлов закончил, уже будучи на фронтах Первой мировой. Воевал прапорщик Орлов, наверное, отважно. В фондах Яренского краеведческого музея есть один любопытный документ, в котором утверждается, что сам император Николай II, обходя на смотре фронтовые части, пожаловал Орлову именные золотые часы. К сожалению, за какие боевые подвиги и где получил прапорщик Орлов такую награду, документ умалчивает. Летом 1917 г. Орлов был произведен в штабс-капитаны.

В августе 1918 г. Н.П. Орлов принял активное участие в антибольшевистском восстании в Архангельске, сразу был назначен командиром 1 роты 1 русского экспедиционного отряда, направленного против красных на Двинском направлении. Командующий русскими белогвардейскими войсками на Севере, в то время каперанг, Г.Е. Чаплин в своих воспоминаниях позднее писал: «Одна рота и батарея, почти сплошь офицерского состава, под командой капитана Орлова и подполковника Дилакторского (оба убиты в 1919 г.) были посланы на Двинское направление, где с французской ротой и польским отрядом разбили красных в целом ряде боев, причем белые дошли до Нижней Тоймы, пункта, который нами впоследствии никогда более достигнут не был»¹.

В марте 1919 г. Н.П. Орлов был повышен в чине до капитана. В это время он являлся офицером контрольного пункта контрразведки в Холмогорах. (Именно служба в Холмогорах и явилась, наверное, источником утверждения советских историков, что Орлов был жандармским офицером). Тыловая служба развращала офицерство, падал боевой дух, катилась «ко всем чертям» воинская дисциплина. В мемуарах управляющего отделом внутренних дел Временного правительства Северной области (ВПСО) В.И. Игнатьева, впервые изданных в 1922г., когда их автор сидел в Ново-Николаевской московской тюрьме, можно найти абзац о штабс-капитане Орлове. Игнатьев писал: «Офицерство сильно пьянствовало в тылу. Особенно безобразничали офицеры так называемых контрольных пунктов - отделений на местах контрразведки, пьянствовали, арестовывали крестьян, избивали, истязали, издевались над арестованными социалистами (был среди них такой башибузук штабс-капитан Орлов, к сожалению другие фамилии я забыл). Несмотря на протесты мои и местных властей, этих господ не убирали: Орлова по моему настоянию опубликованным приказом уволили из Холмогор, но при проезде через город я узнал, что он все-таки и по-прежнему безобразничает»². Впрочем, осенью 1919г. «башибузук» Орлов оставил тыл и вновь был на фронте.

В августе 1919 г. началась эвакуация войск Антанты с Севера России. Планировалось уже к октябрю вывезти в Европу все военное имущество, эвакуировать людские контингенты, в том числе и Северную Добровольческую армию белых [так именуются в некоторых исторических работах русские белогвардейские формирования Северной области - М.Т.]. Главнокомандующий армией генерал - лейтенант Е.К. Миллер получил предложение посадить армию на пароходы союзников и кружным путем вокруг Европы прибыть в распоряжение А.И. Деникина.

2 августа 1919 г. Миллер телеграммой на имя Н.Н.Юденича делился своими планами продолжения борьбы с большевиками на Севере после ухода союзников: «По малочисленности и нравственному состоянию войск после ухода англичан держать нынешний фронт не представится возможным: с потерей веры у солдат в то, что мы сильнее большевиков и что своими силами можем хотя бы отстоять ныне занимаемую территорию, сразу возникнет большое дезертирство для непосредственного спасения своего деревенского имущества... Перед правительством дилемма: или отстаиваться с офицерством и оставшимися верными долгу солдатами до крайнего истощения в конце концов в самом Архангельске... или заблаговременно отказаться от борьбы с большевиками в Северной области и перевести весь офицерский, до 9000 человек, и здоровый солдатский элемент, а также военное имущество на другой фронт, к Деникину или даже, может быть, в Сибирь... Что выгоднее в общих целях?... Я полагаю, если есть твердая уверенность, что власть большевиков будет сломлена до наступления зимы наступлением вашим, адмирала Колчака и Деникина и вследствие внутреннего разложения, то нам нужно оставаться здесь до последнего, дабы не дать им даром в последнюю минуту моральный и материальный успех, могущий благоприятно повлиять на действия их на решающих фронтах...»³. Проводившееся в августе 1919 г. в Архангельске Земско-Городское совещание высказалось за продолжение войны с большевиками на Севере, опираясь на собственные силы. Совещание приняло обращение к населению Северной области и грамоту к солдатам Белой армии о продолжении борьбы с большевизмом.

Последние корабли союзников оставили Архангельск 27 сентября 1919 г. Эвакуация войск Антанты сопровождалась массовым уничтожением военного имущества: сжигались аэропланы, портились орудия, тонны снарядов, патронов, десятки машин были утоплены в реках и море. Не уничтожено было только продовольствие, переданное Антантой населению Северной области. Объясняя причины массового уничтожения военного имущества, союзники заявляли, что не собираются вооружать Красную армию. По мнению союзников, падение Северной области было теперь только вопросом времени. Между тем, Северная Добровольческая армия белых оставалась еще достаточно боеспособной.

В сентябре 1919 г. белые предприняли ряд крупных наступательных операций практически на всех участках Северного фронта, овладели важной железнодорожной станцией Плесецкая на пути к Вологде. В Архангельске формировались особые ударные отряды для действий на стратегических направлениях. Одним из таких отрядов стал Особый Вычегодский добровольческий отряд капитана Н.П.Орлова, сформированный в августе 1919 г. в Архангельске по инициативе бывшего председателя Усть-Сысольской уездной Земской управы С.О.Латкина и помощника начальника Архангельской губернии, а в дальнейшем помощника начальника Онежского района Г.Н.Сосунова. Вот что писал С.О.Латкин в докладной записке по поводу создания особого отряда для действий в Коми крае еще в 1918 г.: «Появление такого отряда в Усть-Сысольске сразу решило бы, по -моему, участь всех советов привычегодских уездов и следовательно, значительно поколебало бы силу Котласа, да и этот отряд или освобожденное от советов население перерезало бы путь партиям красноармейцев и большевиков из Котласа на Печору и в Мезенский уезд»⁴. Основу отряда составили бывшие красноармейцы Ижмо-Печорского и Вашко-Мезенского полков, перешедшие на сторону белых.

О случаях массового перехода красноармейцев к белым на Северном фронте подробно описано в мемуарах бывшего военного прокурора Северной области С.Ц.Добровольского. Прокурор отмечал, что солдаты Белой армии на Севере делились на три категории - мобилизованных, добровольцев и бывших красноармейцев. О последних Добровольский писал: «Ненависть красноармейцев к своим комиссарам и коммунистам не знала пределов, и они обыкновенно собственноручно расстреливали последних. Исполосованные спины пленных были лучшим средством агитации против большевиков. Они охотно демонстрировали их перед нашими войсками и деревенским населением, рассказывая о тех дисциплинарных мерах, которые применяла рабоче-крестьянская власть, поддерживая пролетарскую железную дисциплину в своей армии. Кроме розог, в качестве наказания применялись тяжелые принудительные работы с переводом на голодный паек и расстрел. Можно легко себе представить их настроение, когда вместо кровавой массовой расправы и «палочной офицерской дисциплины», о чем им прожужжала уши большевистская агитационная литература, их встречало человеческое обращение, обильный паек и отличное обмундирование. Какими легкими казались им обычные требования воинской дисциплины, и видно было, с какой охотой они их выполняли. За исключением ничтожной части, признанной мало надежной, вся прочая масса их была взята в наши войска, причем составленные из них войсковые части до конца оставались верными нам»⁵.

Архангельская газета «За Россию» в номере от 26 августа 1919 г. опубликовала заметку об организации военной экспедиции на нижнюю Вычегду: «По инициативе группы вологжан организован добровольческий зырянский отряд, в который вступили военнопленные красноармейцы-зыряне. Во главе отряда стоят - известный в Вычегодском крае общественный деятель и старый политический работник С.Л. и широко популярный здесь капитан О., боевой офицер, энергичный и активный работник нашего общего дела. Зыряне идут освободить родные места от владычества коммунистов. Подъем и желание свергнуть власть советов огромное. Рассказывают, как к группе зырян добровольцев подошел юркий человек в хорошем пальто, с бегающими глазами, и завел разговор на тему о злостных выдумках белогардов, и ответом на первую, очень осторожную фразу был дружный хохот солдат. «Пойдем-ка с нами, мы тебе покажем, как товарищи живут... Нет, брат, не надуешь... слышали мы все там, в Советской России... теперь послушай нас... Мы еще не то скажем, что в архангельских газетах печатают... Проходи, пока не попало...» Юркий сконфуженно поплелся обратно. Здесь почва агитации испорчена самими же коммунистами, которые жестоко уже поплатились от руки зырян во время их перехода к нам. Зырянская сила растет так же, как и крепнет вера в освобождение родного их края от власти издыхающих большевиков».

Всего под командованием Н.П. Орлова насчитывалось 260 - 280 человек, из них 50 офицеров и унтер-офицеров. Комендантом Особого отряда являлся прапорщик А.А. Скорохватов. В числе офицеров находились бывшие красные командиры штабс-капитан К.Г. Калинин и прапорщик А.С. Евдокимов, а также поручик Глыжев, прапорщики Б.С. Корсаков, Обрезков и др. Сохранились сведения, что в отряде были и несколько казачьих офицеров с Дона, сформировавших каввзвод из 25 всадников (по данным коми историка П.Г. Доронина, в отряде Орлова было 60 кавалеристов). На вооружении отряда находились восемь пулеметов и автоматические ружья.

Н.П. Орлов получил от командования задачу выйти на Вычегду, произвести переполох в глубоким советском тылу, взять по возможности Яренск, а в районе Усть-Сысольска соединиться с частями 10 Северного Печорского полка, которые должны были начать наступление на противника с востока одновременно с Особым Вычегодским отрядом.

Перед походом Николай Петрович женился. Его невеста Александра Плашкина владела до революции земельными угодьями под Сольвычегодском. Она сопровождала мужа в экспедиции. В Архангельске иронизировали, что Орловы едут на Вычегду освободить свое имение от большевиков. Г.Н. Сосунов отправил Н.П. Орлову напутственное письмо: «На прощание мне хочется до земли поклонится вам, поблагодарить вас за доброе ко мне отношение, забыть все и принять от меня искренние пожелания успехов... Берегите себя, храни вас Господь во всех военных делах и трудностях. Я ясно вижу светлый конец этого дела, за которое мы с вами с 1914 г. бьемся... Итак, да здравствует наша мечта - Россия, и в ее воссоздании есть и наши кровь и слезы»⁶.

10 сентября 1919 г. отряд Орлова погрузился на пароход «Мурман» и два тральщика и вдоль побережья Белого моря отправился на Мезень. Доплыв до Усть-Вашки, Орлов задержался здесь до середины октября, занявшись разведкой и запасаясь довольствием и фуражом. Разведкоманда фельдфебеля А.В. Жданова 16 октября добралась до Ертома, где узнала, что красные на Удоре тоже занимаются разведкой. Незадолго до прибытия Жданова в Ертоме поймали было двух красных шпионов, но те 13 октября сумели бежать. Добравшись охотничьими тропами до Нюхчи, красные шпионы сообщили штабу 54 дивизии о появлении Особого Вычегодского отряда на Удоре.

Между тем, удорские коммунисты-беженцы, осевшие после эвакуации красных с Удоры в Яренске, неоднократно писали командованию 6 Красной армии, что советские войска не стремятся к наступлению на Удору: «Местный штаб... не приходит на помощь несчастному... десяти-тысячному населению. Красноармейцы открыто говорят, что они не находят нужным наступать в Мезенском и Удорском районе. Военные власти не считаются с нами». Беженцы прямо заявляли, что военный комиссар Яренского уезда Ф.С. Коковкин относится к делу освобождения Удоры от белых «враждебно». 6 сентября 1919 г. удорские беженцы написали наказ делегатам III съезда советов Северо-Двинской губернии, где отмечали: «Мы, удорцы, испытавшие на своей спине прелести белогвардейского управления, все до одного стоим на советской платформе и горим желанием отомстить своре белых душителей живой свободной мысли и трудящегося класса за те муки, которые лично мы претерпели от них и какие ныне испытывают наши семейства. Уполномочиваем своих делегатов осветить то безотрадное положение, какое создалось у нас на родине, где все сочувствующие власти советов расстреляны, посажены по тюрьмам, а семьи их подвержены различным издевательствам. Порка и насильствие стали обыденным явлением. Кучки бандитов ездят из села в село и производят все то, от чего волосы встают дыбом. Грабеж имущества почти без разбору у всех привел население к тому, что даже те, которые ранее ждали

белых, теперь воочию убедились, что представляет эта свора, и ждут ныне избавления со стороны красных». Удорцы призвали делегатов губернского съезда: «Слыша вопли наших семейств, поручаем нашим делегатам внести внеочередное заявление об освобождении Удоры от бело-гвардейских банд...»⁷.

Красноармейская газета «Наша война» еще 28 июня 1919 г. опубликовала материал о зверствах [так в газете называли порку розгами - М.Т.] белых на Удоре: «Прибывшие с Удоры в Яренск сообщают о тех зверствах, какие белогвардейцы чинили над бедным и средним крестьянином Удоры... Все семьи советских работников... ограблены... В дер.Селиб публично высекали розгами крестьянина, его жену и их двенадцатилетнюю дочь... В дер.Разгорт выпороли розгами и также публично крестьянина и его жену... В с.Глотова выпороли розгами публично жену советского работника за то только, что муж ее состоит на советской службе... По словам прибывших с Удоры, порка розгой и битье нагайкой белогвардейцами является обычным средством «внушения» за малейшее сочувствие Советской власти».

В свою очередь архангельские газеты публиковали факты произвола со стороны большевиков во время их пребывания на Удоре. Так, «Северное утро» сообщало, что со слов крестьянина Мезенского уезда А.Е.Зотикова [бывшего коменданта Важгорта - М.Т.], выступавшего на митинге перед рабочими судоремонтного завода в Соломбале, «большевики зачастую перед расстрелом намеченных жертв еще порют. Издеваясь над крестьянами некоторых деревень за то, что они зажиточные, работают в поте лица, а не занимаются мотовством, - порят их плетьюми, не считаясь ни с возрастом, ни с положением. Например, в одной из деревенек был выворот плетьюми 70-летний крестьянин Б. Порят не только мужское население, но и женщин. Порят так, что, как только появятся раны, посыпают их солью и снова стегают плетьюми»⁸. «Русский Север» 18 сентября 1919 г. опубликовал постановление Усть-Вашской (Лешуконской) волости: «Всенародное собрание граждан Лешуконской волости 12 сентября единогласно постановило: 1). продолжить неустанную и самую решительную борьбу с большевиками; 2). всемерно защищать край от разграбления его со стороны диких банд красноармейцев и энергично содействовать правительству Северной области; 3). никто из Лешуконской волости, способный носить оружие, не имеет никакого права отказываться от несения военной службы».

Штаб 6 Красной армии обязал военного комиссара Яренского уезда Ф.С.Коковкина развернуть подготовку наступления на удорском направлении. Коковкин сообщил, что не располагает сведениями о численности противника, и что разведотряд последнего в 20 человек с пулеметом 17 сентября доходил до ст.Повью в 22 верстах от Айкино, откуда был выбит айкинским гарнизоном. Коковкину не нравилась активизация противника, но он был вынужден выполнять указание штаба армии. 24 октября 1919 г. Ф.С.Коковкин издал приказ по боевым отрядам Яренского уезда о начале наступления на Удору. Предполагалось сосредоточить сводный отряд красноармейцев в 450 штыков в районе сел Айкино-Усть-Вымь для движения на Кослан, а сформированный в Яренске партизанский отряд из удорских беженцев-коммунистов направить на Ертом. Наступление планировалось на 1 ноября 1919 г. Однако планам наступления на Удору не суждено было сбыться. Поступили сведения о появлении отряда Н.П.Орлова, и уже 28 октября 1919 г. Коковкин отменил приказ о наступлении и велел выслать разведгруппы по Черво-Лоптюгскому тракту, по Шежамо-Бутканскому тракту (до починка Яренга) и по Турья-Глотовскому тракту (до починка Пегышдор); всячески усилить охранение в районе Турья-Весляна. По сообщению Коковкина в велико-устюжский губвоенкомат силы красных на 29 октября 1919 г. были распределены следующим образом: в Яренске находились 4 стрелковая рота в 230 человек, караульная команда в 70 штыков и с пулеметом «Максим»; в Айкино-Шежаме размещались отряд в 100 и караульная рота в 80 штыков; в Усть-Выми имела рота в 100 человек (причем, часть из них были конными), а в Турье и Княжпогосте были заставы по 50 человек на каждой. В итоге под общим командованием Яренского военкома находилось около 700 человек. Правда часть из них, в частности яренская стрелковая рота, находились в стадии формирования и были безоружными.

В конце октября 1919 г. Особый Вычегодский добровольческий отряд начал спускаться с Удоры на юг. Орлов разделил свой отряд на две части. Полурота в 60 штыков под командованием поручика Глыжева была направлена по Турья-Глотовскому тракту на Вымь, где стояли заставы красных. Последние без боя оставили Турью и Княжпогост и отошли в Усть-Вымь. Большая же часть орловского отряда выступила по Шежамо-Бутканскому тракту на Вычегду. Утром 28 октября 1919 г. разведгруппа красных, посланная по Шежамо-Бутканскому тракту, встретилась с авангардом орловского отряда и поспешно отошла в Айкино-Шежам, где находилось до 180 штыков советского гарнизона. Днем 29 октября конный разведотряд красных из 35 всадников обнаружил противника уже недалеко от Айкино. Получив известие, что противник совсем ря-

дом, начальник айкинско-шежамского гарнизона Н.И.Щепетев растерялся и, связавшись по телефону с Яренском, стал запрашивать инструкции. Ф.С.Коковкин на страницах коми областной газеты «Югид туй» («Светлый путь») в 1925 г. вспоминал: «Я никогда не забуду, как ротный командир Щепетев в истерике по телефону стонал мне в трубку: «что мне делать, белые в двух верстах». Во время разговора телефонный провод был перерезан. Раздались винтовочные выстрелы, взорвалась пара гранат (одна граната красными была брошена прямо под ноги Н.П.Орлову, находящемуся в передовых цепях белогвардейцев, но не взорвалась), после чего гарнизон Айкино без боя сложил оружие. Щепетев попытался спрятаться в стоге сена, но был обнаружен и доставлен к Орлову. Некоторое время красный командир (кстати, большевик) служил у белых дневальным на посту у цейхгауза, а потом его отправили в Архангельск на тыловые работы, где Щепетев попытался устроиться учителем, написав прошение об этом в архангельское земство.

Н.П.Орлов и С.О.Латкин отправили донесение в Архангельск, где сообщали, что «...в 7 часов вечера с боем заняли Айкино, в 9 часов вечера с боем же заняли село Шежам, выбив противника из окопов. Наши трофеи в Айкино и Шежаме - пленные солдаты и один офицер (командир роты), винтовки, пулеметы, патроны, пулеметные ленты, продукты, часть обмундирования, телефонный аппарат, вся канцелярия военная и прочее»⁹.

Усть-вымский гарнизон красных, пытаясь выяснить обстановку, направил в сторону Айкино конную разведку в 30 сабель. Она была обстреляна белыми и, потеряв 11 человек убитыми, ранеными и разбежавшимися, вернулась обратно, после чего красные в панике оставили Усть-Вымь и переправились через реку в с.Вогваздино. В Айкино тем временем прибыл обоз отряда Орлова.

В Айкино и других вычегодских волостях получило распространение заранее напечатанное в Архангельске воззвание Е.К.Миллера «К населению Вычегодского края», в котором, в частности, писалось: «Вот уже больше двух лет, как царствуют в России большевики. Они обещали дать всему народу хлеб, мир и спокойствие. Они обещали дать народу полную волю. И что же есть в действительности? Хлеба нет и подвоза его ждать нечего, так как самые хлебородные губернии уже отбиты от большевиков. Теперь комиссары отбирают даже ваш хлеб, жители Вычегды! Чем вы будете питаться потом? Вам всем грозит голод, а может быть и голодная смерть. Большевики обещали дать Вам мир. Что же вы получили? Мобилизация за мобилизацией следуют вместо мира. Кровь льется рекой за благополучие немецких агентов - Лениных, Бронштейнов, Мандельбаумов и прочих правителей русского народа. Большевики обещали вам дать спокойствие. Вместо этого спокойствия вы видите только страх и трепет перед комиссарскими револьверами и коммунистическими штыками. В каждом доме льются слезы матерей, жен, детей и невест. Большевики надругались над самым дорогим, над самым святым народа. Они надругались над православной религией. Монастыри обращены в тюрьмы, очень многие церкви в казармы, священные сосуды служат большевикам для питья водки. Большевики дошли даже до того, что не постеснялись кощунственно надругаться над святыми мощами Сергия Радонежского. Народ все терпел, но всякому терпению бывает конец... Население Вычегодского края! К тебе наше обращение: достаточно терпеть злую тиранию насильников, довольно голода и страха! Довольно ругательств над церковью! Довольно расстрелов стариков, женщин и детей. Пора свергнуть с себя большевистское иго! Северное правительство обращается к тебе, население Вычегодского края, с призывом свергнуть советскую власть, чтобы потом сразу же созвать Всероссийское Учредительное Собрание, которое решит, как должна управляться Россия. Вам большевики говорят, что окраинные правительства хотят восстановить прежнее самодержавие. Не верьте этому. Колчак, Деникин, Юденич и Северное правительство - все заявляют категорически, что только сам народ через своих выборных установит форму правления»¹⁰. Айкинский священник П.А.Богословский отслужил благодарственный молебен за успех Белого дела на Коми земле.

После занятия Айкино Н.П.Орлов предпринял перегруппировку своего отряда. Большая часть пленных (около 90 человек) добровольно вступила в ряды белых, что позволило Орлову начать комплектацию двух стрелковых рот под названием 1 и 2 Вычегодские роты. Часть пленных отправили в Архангельск, часть отпустили на поруки местному населению. В начале ноября сводный отряд Орлова, оставив в Айкино комендантский взвод, выступил по направлению к Гаму. Обращаясь к солдатам с приказом о наступлении на Яренск, Н.П.Орлов писал: «Я хочу обратиться к вам и сказать вам от лица народа спасибо, что вы освободили Айкинскую волость от ига грабителей-комиссаров. Надеюсь, что жидовский яренский кагал будет также успешно разгромлен. К жителям относиться хорошо, не обижать их ни словом, ни делом, ибо это есть ваши отцы. К мобилизованным красноармейцам, сдающимся добровольно в плен, относиться по-братски...

Комиссары и зловердные коммунисты будут мною расстреляны, на это мне дана власть. Этим способом мы освободим народ от власти этих разбойников-грабителей¹¹.

Известие о появлении белых на нижней Вычегде вызвало шок в Усть-Сысольске и Яренске, считавшихся тыловыми городами. Гражданская власть была срочно свернута и созданы ревкомы, объявившие Усть-Сысольский и Яренский уезды на осадном положении. В Яренске ревком возглавил председатель уездисполкома С.И.Покровский, в Усть-Сысольске - командир 478 стрелкового полка (бывший Ижмо-Печорский полк) А.А.Маегов, прибывший в город в отпуск по болезни буквально за два дня до вторжения Орлова (по положению о ревкомах ими должны были руководить либо военные комиссары, либо председатели исполкомов советов, однако военком уезда В.П.Юркин и председатель уездисполкома Е.А.Напалков не решились взять на себя столь большую ответственность и уговорили больного Маегова встать во главе ревкома). Телефонная связь между Яренском и Усть-Сысольском была прервана, и если яренский ревком мог напрямую сообщаться с губернским центром, то Усть-Сысольск оказался в полной изоляции. Для связи между уездными городами был сформирован партизанский отряд из палевицких и прокопьевских коммунистов под руководством яренского военрука П.И.Попова. В Яренске и Усть-Сысольске объявили мобилизацию, ревкомы начали реквизицию у населения охотничьих ружей, седел и амуниции.

30 октября 1919 г. губвоенком Г.С.Дудников на переговорах с Ф.С.Коковкиным настоял на срочном контрударе по противнику: «Немедленно восстановите связь с Усть-Вымем. Возмущен. Действия ваши пассивны. Немедленно, еще раз подтверждаю, примите энергичные решительные меры, минуя все препятствия, ликвидировать наступление противника, чем избежите предание суду»¹². Получив такую взбучку от начальства, Коковкин развернул подготовку контрнаступления на Айкино. Планировалось «прокинуть противника и преследовать его». 31 октября красные вернулись в Усть-Вымь, где началась концентрация ударной группировки войск из Усть-Сысольского уезда под общим командованием военспеца А.О.Прокушева. С верхней Вычегды в Усть-Вымь перебрасывались все наличные силы, в Усть-Сысольске и Яренске срочно формировались новые стрелковые и караульные роты и команды, в строй становились больные и увечные солдаты. За неделю численность усть-вымской группировки достигла свыше 600 штыков при четырех пулеметах. 1 ноября в сторону Айкино была выдвинута застава в 80 штыков, разместившаяся в Тыдоре.

Военком Ф.С.Коковкин собрал в Яренске под свое начало около 400 человек, учитывая отряд яренских коммунистов под руководством М.П.Минина. Коковкин предложил А.О.Прокушеву план совместного контрудара по белым и в начале ноября с отрядом около полутора тысяч человек выступил по направлению к Гаму. Общие силы красных между Яренском и Усть-Вымью составляли менее тысячи человек, что было вполне достаточно для разгрома Орлова. Однако план контрнаступления красных провалился.

По дороге к Гаму часть красноармейцев яренского отряда разбежалась. Заняв Гам, где уже стоял заслон красных в 40 штыков, Коковкин издал приказ: «Противник занимает Айкино и Шежам силою до 300 штыков при трех пулеметах и 8 автоматах, имеет кавалерию, прекрасно вооружен винтовками русского образца, имеются ручные гранаты и кроме того, наступает силою в 60 штыков от с.Глотова на с.Турью... Приказываю 4 ноября ... напасть на с.Шежам с восточной и северо-восточной стороны». Однако уже 3 ноября гамский отряд Коковкина был вынужден вступить в бой с внезапно появившимся неприятелем, который наступал на село с нескольких сторон - по тракту и через наволоку. Во время перестрелки левый фланг красных неожиданно бросил оружие и поднял руки вверх. Остатки отряда Коковкина с трудом вырвались из окружения и разрозненными группками бежали на Жешарт. Усть-вымская группа красных решила не участвовать в кампании и меланхолично наблюдала за дальнейшим ходом развития событий. Не зная о судьбе самого Ф.С.Коковкина и его отряда, из Яренска сообщили в Великий Устюг, что «... отряд Коковкина при Айкино и Гаме разбит, он сам наверное обезоружен, из 120 человек осталось только 30. Остальные по сведениям окружены, но еще держатся». Далее добавлялось, что «... для обороны Яренска принимаются все меры, создан реввоенсовет [имеется в виду ревком - М.Т.] и ревтрибунал. Гражданское население мобилизовано для рытья окопов»¹³. Прибывший вскоре в Яренск ротный фельдшер А.Гульшин, бывший с Коковкиным в Гаме, сообщил, что в плен к Орлову при Гаме попало 50 красноармейцев, часть которых тут же перешла на службу к белым. Сам Гульшин тоже попал в плен, но сумел бежать. Фельдшер оценивал численность орловского отряда, продолжавшего движение на Яренск, в 320-350 человек при 11 пулеметах.

О гамском бое красный партизан С.И.Титов вспоминал: «Утром 3 ноября белые подошли к с.Гам. Завязалась жестокая схватка, продолжавшаяся несколько часов. Белогвардейцы, пользу-

ясь своим численным превосходством, окружили нас и предложили сдаться. Но никто из наших не дрогнул в этот критический момент. Помню, как Д.С.Лукин крикнул в ответ: «Умрем, но не сдадимся!» На главном направлении боя наступление белых сдерживал пулеметчик Жилев. Когда он был смертельно ранен, его место занял второй номер (к сожалению, не помню фамилии бойца). Прикрывая наш отход, он отстреливался до последнего патрона и погиб как герой. Благодаря их подвигу, нам удалось прорваться сквозь кольцо белых»¹⁴.

Н.П.Орлов, реквизируя в Гапе подводы с ящиками, 4 ноября занял Жешарт. Яренский гарнизон был полностью деморализован слишком быстрым поворотом событий. «Во избежание паники», как сообщал яренский ревком, пришлось обезоружить и отправить в глубокий тыл городскую стрелковую роту. Разведка сообщала, что противник перебрасывает силы на левый берег Вычегды у жешартской переправы. Группа удорских партизан в 20 человек из остатков гамского отряда обстреляла переправу неприятеля, после чего поспешно ретировалась в Яренск. Поскольку сил оборонять город фактически не осталось, ревком отдал приказ оставить Яренск. Началась эвакуация советских учреждений, сопровождавшаяся страшной паникой. Не успели обозы с грузами и беженцы дойти до деревни Микшина Гора, как им навстречу встретилась посланная из Сольвычегодска рота красноармейцев в 115 штыков. Ревком отменил приказ о сдаче города. Горожане продолжили рытье окопов на восточной окраине Яренска. Коммунистический отряд М.П.Минина отправили в тыл противника для сбора информации (12 большевиков отказались идти, их разоружили, заставили сдать верхнюю одежду и обувь и навсегда исключили из рядов красных партизан). Днем 5 ноября Коковкин с новым поспешно собранным отрядом в 150 человек выступил навстречу Орлову, намереваясь дойти до Межого, но уже в пяти верстах от Яренска наткнулся на кавалерийский разъезд противника. Завязалась перестрелка, в ходе которой красные отступили на заранее подготовленные позиции и стали ждать атаки белых.

Тем временем Орлов, воспользовавшись услугами местных крестьян А.Чувашева и А.Маланина, в ночь на 6 ноября обошел город и ворвался в него с запада через предместье Долбиловку, что было для защитников Яренска полным сюрпризом. Для лучшего эффекта белые подожгли паромную пристань. Под пулеметным огнем защитники города стали разбегаться из окопов в разные стороны, вплавь переправляясь на другой берег Кижмолы (а по реке в это время шла шуга). Организованно отступил только отряд удорских партизан под командованием А.А.Артемяева, рассеявший взвод белых на яренском мосту. Коковкин, совершенно потеряв управление войсками, покинул город с красноармейцем Габовым, единственным, кто остался у него в подчинении (позднее, на страницах газеты «Югид туй» Коковкин вспоминал: «Я лично, как командир, в Яренске попал в самое дурацкое положение: наступающим противником был отрезан в штабе (уездвоенкомате) от всех действующих частей и только под покровом ночи удалось перебраться через цепь противника с одним красноармейцем Габовым»).

Есть несколько версий о гибели председателя яренского ревкома С.И.Покровского. Согласно первой, он застрелился, во второй, был убит каким-то красноармейцем и, согласно третьей, получил вражескую пулю в висок во время беспорядочной перестрелки на улице и скончался в больнице, не приходя в сознание.

При отступлении часть красноармейцев была обстреляна отрядом коммунистов Минина, который к этому времени тоже обошел город с запада и решил как-то проявить себя, приняв отступавших за наступающих белых. Разобравшись, что к чему, Минин под угрозой расстрела заставил бегущих красноармейцев присоединиться к его отряду и лесами двинулся на с.Лена. В деревне Верхний Кряж коммунисты устроили митинг по случаю второй годовщины Октябрьского переворота, поклявшись: «Тысяча голов паразитов за каждую голову коммуниста. Да здравствует Красный Террор!»

В с.Лена отряды не стали задерживаться и отступили до Козьмино, где Коковкину каким-то образом удалось остановить исход и организовать оборону. В Котлас и Устюг полетели панические телеграммы с просьбой о помощи. На переговорах северо-двинского губвоенкома Дудникова с начдивом 54 дивизии Филипповским и комбригом 45 бригады ВОХР Парамоновым 6 ноября прозвучало: «Сегодня в час ночи наши части оставили Яренск. Учреждения, уездвоенкомат эвакуировались в Лену и сейчас эвакуируются в Урдуму. Телеграф Лена снимается для эвакуации. В районе Лена - Яренск 25 штыков наших...». Филипповский коротко охарактеризовал положение: «В одни сутки отступить на 55 верст совершенно недопустимо. Это не отступление, а бегство»¹⁵.

8 ноября 1919 г. на экстренном заседании Сольвычегодский уездком РКП(б) констатировал: «С занятием г.Яренска белыми, если конечно это правда, [в Сольвычегодске не хотели поверить в столь ужасные новости, а один из членов губревкома даже назвал известие о взятии Яренска и

Усть-Сысольска белыми «сказочным» - М.Т.] положение нашего Вилегодского района угрожающее. От Яренска до Селян, где начинается этот хлебный угол Виледи Сольвычегодского уезда, всего лишь 60 верст и, если залетит искра разложения в Виледи со стороны белых, где население и ранее было почти контрреволюционное вследствие своей темноты, а теперь тем более в связи с отчуждением излишков хлеба, то предстоит большое опасение, чтобы там в Виледи не вспыхнул пожар восстания... [Необходимо принятие] самых срочных мер, дабы не дать возможности проникнуть белогвардейцам в сторону Виледи... за нашей Виледью по соседству находятся хлебные Лальский и Никольский уезды»¹⁶.

9 ноября был создан северо-двинский губревком под председательством И.М.Шумилова. Учитывая критическую ситуацию на фронте, Великий Устюг был объявлен на военном положении. Губчека арестовала заложников и этапировала их в Вологду. Началась срочная мобилизация. (Интересно, что узнав о панике в губернском центре Северо-Двинской губернии и создании губревкома командующий 6 Красной армией А.А.Самойло телеграммой из Вологды от 11 ноября приказал «немедленно губревкому упраздниться», что правда не было выполнено). Великий Устюг выпустил «Обращение Северо-Двинского революционного комитета ко всем гражданам Северо-Двинской губернии об оказании отпора белобандитам», где в частности, писалось: «Наемники русского и иностранного капитала появились в пределах нашей губернии. Они заняли часть Яренского уезда и город Яренск, так как малочисленный гарнизон этого города не мог отразить натиск белогвардейского отряда, состоящего почти исключительно из золотопогонного офицерства. Лживыми обещаниями они прельстили темное, уставшее от пятилетней войны население, и оно не оказало им никакого противодействия. Граждане! Что же могут дать поработители поработенным? Правда, их слова многообещающи: тут и белая мука, и мануфактура, и сельскохозяйственные орудия, а на самом деле - фунтовый паек советского хлеба уменьшается вдвое, их солдаты оборваны и при всяком удобном случае заменяют свои лохмотья красноармейской одеждой, снимая ее с убитых, раненых и взятых в плен, значит, о сукне и ситце для населения и говорить не приходится, то же самое с плугами, топорами, косами, серпами - откуда они могут их взять, когда вся промышленность заграничных разбойников исключительно изготовляет орудия убийства и не в состоянии удовлетворить требования на инвентарь даже своих народов. Все, что они обещают, дать не в состоянии, но что они непременно дадут: мужику - земского начальника и стражника, а рабочему - фабриканта-кровопийцу и казацкую нагайку, это ясно для каждого из нас. Неужели мы для того проливали потоки крови, чтобы снова очутиться у разбитого корыта?»¹⁷.

Сосредоточенные в Козьмино остатки красноармейских отрядов получили приказ №11 от 9 ноября 1919г., призванный покончить с паникерством: «Ни один красноармеец во время боя не имеет права покидать своего места без приказа начальника и бросать оружия. Красноармейцы, коим было выдано оружие и оказавшиеся без оружия, а также оставившие свои места, будут считаться врагами революции и расстреливаться на месте». Приказ был подписан Ф.С.Кокочкиным и начальником его оперативного штаба В.Серебрянниковым. Уцелевшие силы красных в Козьмино по состоянию на 8 ноября были таковы: сольвычегодская рота - 34 человек, 28 винтовок; удорский партизанский отряд - 33 человека, 31 винтовка; отряд Минина - 63 штыка. Кроме того, уже успело подойти пополнение из Котласа - 70 человек (из них летучий отряд волчека в 17 человек с пулеметом), и в Урдоме был собран отряд в 52 человека, правда, почти безоружных. На переговорах с губвоенкомом Кокочкин сообщил, что «отряду ЧК поручено произвести облаву по деревням с целью поиска дезертиров». 10 ноября красные предприняли разведмарш до Лены, в пяти верстах от Лены отряду встретился комвзод яренского гарнизона красных Гладышев, проинформировавший Кокочкина о подходе крупных белогвардейских сил к Лене. Красные поспешно отступили. Как оказалось впоследствии, Гладышев перешел на сторону белых и работал теперь юго-западнее Яренска в качестве агента-provokatora (Лена никогда не занималась белыми). Впоследствии Гладышев и работавший с ним на пару Пашин были расстреляны за измену и распускание ложных слухов. Вернувшись в Козьмино, Кокочкин занялся концентрацией войск.

7 ноября 1919 г. Н.П.Орлов торжественно вошел в захваченный Яренск. Бывший купец М.И.Щеголев преподнес ему хлеб - соль. Ювелир В.П.Берников выступил на народном митинге у Покровского собора с призывом поддержать освободителей от большевизма «словом и делом» (позднее он был расстрелян красными как яренский «Кузьма Минин»). Орлов объявил в Яренске мобилизацию, которая увеличила численность его отряда до 400 - 500 штыков и сабель. Под военный штаб была отведена советская школа второй ступени. По городу разошлись патрули, начавшие аресты коммунистов и активистов советской власти. Патрули были снабжены боль-

шим количеством фотографий разыскиваемых, что говорит об успешной работе белогвардейской разведки. По свидетельству очевидцев, большую помощь в розыске яренских большевиков, не успевших покинуть город, оказали патрулям дети. «Местные мальники помогали арестовывать коммунистов».

Архангельская газета «Русский Север» писала в номере от 20 ноября 1919 г.: «Нашими партизанами во главе с штабс-капитаном Орловым, работающим в тылу противника, занят гор.Яренск и поднято восстание против коммунистов, которые, мобилизовав всех «ответственных работников», оказывают упорное сопротивление действиям наших партизан». Планировалось перевести в Яренск штаб 1 Северного Мезенского стрелкового полка и развивать наступление на Котлас.

Из яренской тюрьмы выпустили всех арестованных поначалу меньшевиков-интернационалистов. Был выпущен на свободу и секретарь яренской организации РСДРП (интернационалист) Макаров, который добрался потом до Великого Устюга и 17 ноября изложил на заседании северо-двинского губревтрибунала обстоятельства падения Яренска: «Сольвычгодская рота - настроение бодрое, Яренск отдавать не думали. Противник обошел нас так быстро, что мы не успели даже расставить посты. Белые прошли безусловно под руководством местного жителя. Красноармейцы Сольвычгодской роты большей частью бежали. Ревком до последнего момента оставался в уездисполкоме. Тов.Покровский и все бывшие с ним товарищи выбежали на улицу и оказались под перекрестным пулеметным огнем. Тов.Проскуряков пропал без вести. Тов.Покровский убит или застрелился сам. Расстреляны: Жданов, Леушев, Симаков и шесть красноармейцев. В первую очередь из Яренска эвакуировали казначейство, денежную отчетность, дела, громоздкие вещи оставались. Остался почти весь обоз в руках противника, кроме денежной отчетности... Осталась баржа с табаком и маслом и весь керосин. Весь Союз кооперативов остался в руках противника. Противник увозит все по направлению к Айкино. Везде на своем пути белые организуют Земские Управы. Коммунистов белые уничтожают, к интернационалистам же отношение снисходительное»¹⁸.

Из массы яренских коммунистов каратели расстреляли всего пять человек. По данным А.В.Попова, автора рукописной работы по истории усть-вымской уездной парторганизации РКП(б), написанной в 1935 г. и ныне хранящейся в фондах Коми республиканского государственного архива общественно-политических движений и формирований (КРГАОПДФ), большое действие белым в расстреле пяти коммунистов оказали другие коммунисты, в частности некто А.В.Павликов.Были расстреляны также семь красноармейцев, изъявившие желание стать белогвардейцами, а потом снова попытавшиеся перебежать на советскую сторону. Эти семеро были расстреляны для острастки всего орловского отряда, почти полностью состоявшего из бывших красноармейцев. Часть большевиков, в основном руководящего звена, перешла на службу к белым, в том числе член яренского ревкома И.Д.Проскуряков, зав. канцелярией уездного военкомата В.К.Тырин, зав. транспортным отделом уездисполкома А.Д.Ершов, зав.техническим отделом уездисполкома П.П.Кобычев, начальник советской милиции 2 района Яренского уезда С.К.Калинин, председатель Коквицкого совдепа Седрысев, районный техник К.В.Осколков и др. О фактах перехода яренских коммунистов на службу к белым (причем, на руководящие должности) констатировала газета «Югд туй» в 1925 г.: «В руки Орлову попали тт. Симаков, Габов, А.К.Туркин, С.П.Вурдов. Первые двое расстреляны, а последние каким-то образом устроились в штабе Орлова и спасли свои жизни». По Яренскому уезду местное население устраивало самосуды над коммунистами. Так, по данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, «... кулаки села Оквад близ Усть-Выми при нашествии банды Орлова убили двадцать советских людей, в том числе 65-летнего старика В.И. Туркина, 14-летнего мальчика Тимофеева и инвалида империалистической войны Омринова»¹⁹.

9 ноября Н.П.Орлов, оставив в Яренске небольшой гарнизон в 40 штыков под начальством штабс-капитана К.Г.Калинина (в распоряжении последнего кроме того находились милицеские части), выступил на Усть-Сысольск, где планировалась встреча с подразделениями 10 Печорского полка. Накануне похода в городе прошел парад войск.

Начальник Вологодской губернии С.О.Латкин выпустил специальное «Объявление»: «Одним из отрядов возрождающейся доблестной молодой русской армии совершенно рассеяны банды большевиков в с.Айкино, Гам и под городом Яренском. Комиссары и коммунисты бегут в панике, уводя с собой и мирных жителей, особенно служащих в советских учреждениях, угрожая им или расстрелом или же запугивая тем, что наш отряд расстреливает всех служащих совета и даже мирных жителей. Объявляю всему населению губернии, что большевики, как и всегда, обманывают. Мы не только не расстреливаем мирных жителей, но даже отпускаем по домам пленных красноармейцев, которые не желают добровольно вступать в ряды нашего аван-

гардного отряда. Приглашаю всех, которые в силу угрозы комиссаров или в силу их обмана покинули свои населенные места, вернуться к своим семьям и мирным занятиям. Работы при воссоздании разрушенного большевиками государства хватит всем. Бояться репрессий с моей стороны нечего, т.к. я хорошо знаю, что большинство работало в советских учреждениях или потому, что боялось обвинения в саботаже, или же потому, что нужен был кусок хлеба. Объявляю, что мною применяются репрессивные меры исключительно к тем коммунистам - комиссарам, которые разрушали и разрушают народное хозяйство и народное достояние»²⁰.

Штаб 54 советской дивизии в разведсводке о положении на Яренском участке фронта с 15 октября по 15 ноября 1919 г. сообщал сведения о противнике: «По сведениям от перебежчиков, отряд капитана Орлова при отправлении с р.Вашки насчитывал 250 человек при 3 пулеметах, 8 автоматах и 3 бомбетах. При отряде имеется 25 конных и обоз из 125 подвод. По занятии дер. Айкинское и движении вниз по р.Вычегде отряд пополнился местными жителями и пленными красноармейцами и насчитывает теперь 2 роты (1-я и 2 Вычегдские роты), около 600 штыков. 9 ноября капитан Орлов с полуротой в числе 100 штыков и 25 конными двинулся из Яренска на Айкинское-Усть-Сысольск с целью занятия последнего и распространения в сторону железной дороги. Имеются непрерывные сведения от перебежчиков о движении отряда противника численностью 250 человек в верховья р.Вымь. По тем же сведениям, по Черва-Лоптюгскому тракту будут двинуты на поддержку капитана Орлова части неизвестно какого полка (очевидно, 1 Северного полка). Действия капитана Орлова и сведения о движении отряда в верховья р.Вычегда и Вымь заставляют предположить со стороны противника серьезную операцию с общей целью овладения районом р.Вычегды. Развитию этой операции, очевидно, мешает наступившее бездорожье (отсутствие снега), что задерживает активные действия в верховьях р.Вычегды»²¹.

1 ноября 1919 г. усть-сысольская газета «Зырянская жизнь» писала: «На нашем фронте оживление. Белые появились на Выми и на Вычегде. Белые взяли Айкино и Усть-Вымь и стремятся распространиться по берегам реки Вычегды в направлении к Яренску и Усть-Сысольску... Это не должно вызвать среди населения паники, нет, наоборот, среди населения это должно вызвать подъем. Все граждане должны оказать посильную помощь нашим защитникам».

С целью отражения наступления противника в Усть-Выми продолжалась концентрация войск из Усть-Сысольского уезда. Пароходом «Иртыш» из Усть-Сысольска до Часово, а оттуда походным маршем до Усть-Выми перебрасывались дополнительные отряды и команды. К середине ноября в Усть-Выми было сосредоточено 634 штыка при четырех пулеметах - это были почти все наличные силы уездного военкомата. Несмотря на то, что В.П.Юркин являлся командующим войсками Пинежного-Печорского края и кроме того был уездным военкомом, усть-вымьскую группировку возглавлял не он, а военспец А.О.Прокушев, бывший штабс-капитан царской армии. В подчинении Прокушева находились военспецы С.П.Коннин и В.П.Щекин. Находившаяся в Усть-Выми яренская рота под командованием С.А.Терентьева и политкомиссара В.И.Шишкина тоже подчинялась Прокушеву. Комиссаром группировки являлся В.Т.Елисеев.

11 ноября «Зырянская жизнь» сообщила читателям - «противник занял г.Яренск». В номере от 13 ноября излагались подробности падения города (сообщалось в том числе и о новом коменданте Яренска - поручике Мамонотове), был опубликован большой некролог за подписью коменданта с.Часово И.Чукичева по поводу самоубийства С.И.Покровского.

В районе Усть-Выми шла война разведкоманд. 5 ноября при столкновении красной и белой разведгрупп «половина наших людей разбежалась», как доносил об этом в Устюг военком В.П.Юркин. 10 ноября он же писал: «6 ноября наша разведка не возвращается из Жешарта, как выяснилось попала в плен к белым. Разведка, высланная в тыл белым на удорском тракте сожгла станцию Чуб... Укрепляются Часово, Койтыбож, производится эвакуация из города грузов, 700 ижемских беженцев... Противник располагает тремя бомбометами, большим количеством пулеметов, автоматов, винтовок, патронов, гранат»²².

12 ноября отряд Орлова окружил заставу красноармейцев в Тыдоре и вынудил их сложить оружие. Начальник заставы комроты П.А.Ивацев -Грохальский кинул в сторону белых гранату и убежал в лес, лесными тропами вышел в Усть-Сысольск, где был пойман потом белыми и отправлен в Архангельск. Положение красных в Усть-Выми становилось угрожающим. Прибывший на фронт В.П.Юркин (он привез деньги в сумме 530700 рублей для раздачи жалования) отдал войскам приказ оставить Усть-Вымь и отступить в Вогвадино. Часть красноармейцев стала переправляться через Вычегду, часть отказалась выполнять чьи бы то ни было приказы, пока им не выплатят жалования и не выдадут табак и обувь. На улицах села валялись в огромном количестве брошенные винтовки, повсюду слонялись безоружные красноармейцы. В такой обстановке Орлов 13 ноября атаковал Усть-Вымь. В Усть-Сысольске успели получить по телефону

сообщение: «Противник наступает на Усть-Вымь с Коквицкой стороны по льду на реке Вымь. Открылась пулеметная и ружейная стрельба. После 10-минутного боя взвод 3 стрелковой роты бросил позицию и укрылся в школе. Правый и левый фланги разорвались, противник устремился в центр и стал обстреливать штаб. Красноармейцы позорно разбегаются...»²³. Остатки усть-вымьского гарнизона бежали в Усть-Сысольск. Орлов преследовал красных до Часово, а потом вернулся обратно в Усть-Вымь.

Любопытно, но в этот же день белых встречали колокольным звоном в Ипатово и Шиладоре, хотя Орлов, заняв Усть-Вымь и Часово, ограничился этим. Под видом белых в Шиладорских лесах действовал отряд новчимских рабочих из 30 человек под командованием М.М.Анисимова, отступавший из Семуково на Сысолу. В Ипатово Анисимов столкнулся с партизанским отрядом П.И.Попова, который к этому времени был усилен ротой красноармейцев из Никольского уезда. Отряд Попова заваливал лесом тракт Жешарт-Ипатово. Никольские красноармейцы, набранные в основном из бывших дезертиров («зеленых»), при появлении «белых» в ужасе стали разбегаться кто куда, в сумятице избивая коммунистов и растаскивая обоз. Коммунисты попрятались по лесным избушкам. Коми население встречало «белых» шаньгами, выносило молоко, масло. В Шиладоре крестьяне выдали новчимцам для расправы коммуниста Боброва, которого «белые» обещали расстрелять за околицей, но, разумеется, оставили в живых. Целый день стоял отряд Анисимова в Шиладоре, занимаясь для правдоподобности обысками и допросами. Тем временем партизаны Попова, восстановившие свою боеспособность, решили перебить «белых» в Шиладоре и скрытно поднялись к селу. Только чудо остановило чуть было не начавшееся в Шиладоре побоище. Объединившись, отряды Анисимова и Попова лесами продолжили путь на Сысолу (о «похождениях» новчимских «белых» в 1930х гг. была написана целая рукопись на коми языке, ныне хранящаяся в фондах КРГАОПДФ)²⁴.

В Усть-Выми состоялся смотр пленных красноармейцев - всего около 400 человек. Н.П.Орлов предложил им службу в Белой армии, и около 300 человек перешли в его отряд. Из оставшихся верными социалистической присяге красноармейцев была сформирована нестроевая рабочая рота, разместившаяся в районе Айкино-Шежам. Архангельск был поставлен в известность о новой крупной победе на Вычегде. Капитан Орлов получил повышение в чине до подполковника и право развертывания своего отряда в Особый Вычегодский полк. В Усть-Выми прошел смотр белогвардейцев - объединенные силы Н.П.Орлова уже насчитывали до 700-800 штыков и сабель. Красные военспецы А.О.Прокушев, С.П.Коннин и В.П.Щекин перешли к нему на службу и были восстановлены в офицерских званиях (Прокушев в чине штабс-капитана, Коннин и Щекин - прапорщиков; позднее Щекин был повышен до подпоручика). После смотра, на котором прозвучал клич «Даешь Котлас!», Н.П.Орлов повернул свои основные силы вновь вниз по Вычегде, направив в сторону Усть-Сысольска только один небольшой отряд фельдфебеля С.Е.Завьялова в 48 или 46 штыков.

16 ноября 1919 г. член РВС 6 Красной армии М.К.Ветошкин в телеграфной записке председателю северо-двинского губревкома Шумилову и губвоенному Дудникову сообщал: «Орлов... рассчитывает на сочувствие, нахальство, на уездную растерянность, а тов.Юркин уже очищает для него город, запугивает самого себя и других... Конечно, при таких условиях предприимчивый капитан Орлов может достигнуть успеха, сам того не ожидая... Если Усть-Сысольск будет захвачен на время Орловым, это будет пощечиной всем нашим организациям... Надо истребить эту сволочь, не беря ни одного из командного состава белых в плен. Смерть белым - вот лозунг дня»²⁵. Однако за день до этого, 15 ноября, фельдфебель Завьялов уже нанес пощечину т.Ветошкину и «всем его организациям» - белые заняли Усть-Сысольск, без боя вступив в него ровно в полдень. Красные в панике бежали, причем некоторые комиссары сутками не слезая с подвод драпали до Вятки. Их панические рассказы вынудили советские власти Вятки объявить город и север Вятской губернии на военном положении.

В итоге Николай Петрович Орлов за короткий срок захватил два города, разбил практически все силы красных в их собственном тылу, развернул свой партизанский отряд в полк и мог начать теперь наступление на котласском направлении. Это был «звездный час» Орлова, пусть авантюрный, но все же успех.

В ходе массированного наступления белых на Северном фронте в период август-ноябрь 1919 г. в состав Северной области была включена территория площадью в 400 тысяч километров. По данным В.И.Голдина, в плен было взято 14 тысяч красноармейцев, 95% которых влились в ряды Белой армии²⁶. Почти вся территория Коми края вошла в состав Северной области, за исключением нескольких прилузских и сысольских волостей. Успехи Особого Вычегодского добровольческого отряда и 10 Северного Печорского полка способствовали развитию наступления белых

на северо-двинском и пинежском участках Северного фронта. Командующий Пинеги-Мезенским районом генерал-лейтенант П.П.Петренко отдал директиву 8 Северному Пинежскому полку: «Главкосев телеграфирует, что капитан Орлов занимает Яренск, Усть-Вымь и Усть-Сысольск, и что батальон Троицко-Печорского продвинулся в районе верховьев Вычегды до Усть-Сысольска включительно. Необходимо использовать в полной мере успех на Пинеге, не ограничиваясь ликвидацией пинежской группы, но развивая наступление вслед отходящему противнику на плечах отступающих и, пользуясь вносимой ими паникой, достичь реки Двины и разбить двинскую группу большевиков. Атака большевиков на Двине будет вестись также и с фронта, главным образом из Тарасовского района на Шенкурск. Восьмой полк и часть первого полка должны наступать с Пинеги на Двину, используя для этого дороги между Покшеньгой и Верхней Тоймой...»²⁷. Пинежские полки красных были вынуждены с боями отходить на юг.

Объясняя причины столь крупного успеха белых в ноябре 1919 г. Е.Г.Королева и А.А.Попов писали: «Осмысливая сейчас события, позволившие белогвардейцам столь быстро и безнаказанно захватить обширную территорию в долине Вычегды и Сысолы, можно сказать, что одной из причин этого явилась морально-политическая и боевая неустойчивость личного состава караульных и стрелковых рот... Эти роты, созданные из нестроевых, преимущественно из бывших дезертиров, не были обучены и спаяны в сколько-нибудь боеспособные подразделения. Слабая вооруженность, разносистемность оружия, недостаток боеприпасов не создавали уверенности у личного состава в своей боевой мощи... Главной причиной явилось полное несоответствие командного состава рот и отрядов своему назначению... Коммунистическая прослойка в ротах была незначительная. Все эти обстоятельства, вместе взятые, и предопределили развал рот, а их развал, в свою очередь, деморализующе сказался на остальном аппарате уездов»²⁸.

Огромную роль сыграло также настроение населения, не дождавшегося обещанного большевиками равенства и справедливости и поэтому обратившегося к новым претендентам на власть - белогвардейцам Н.П.Орлова. Уже после разгрома белых в Яренском уезде провели опрос об отношении жителей к белым и красным. От руководителей Сереговской волости прибыл ответ: «Сочувствие к белым имела третья часть населения, но [в связи с] чем оно выражалось, толком сообщить не можем, понять совершенно невозможно». Из соседней Серегово-Горской волости сообщили: «Сочувствие белым было [у] более половины населения. Чем оно вызывается, исполком даже понять не может». На самом деле симпатии к себе белогвардейцы вызвали обещанием быстро улучшить снабжение товарами и продуктами, а также прекращением большевистских реквизиций. Из Коквицкой волости в ответ на упоминавшийся опрос сообщили: «Вызывалось сочувствие обещанием белыми достаточно хлеба и проч. товаров и продуктов и свободной торговли хлебом и проч. и восстановлением частной собственности». О том же информировали исполкомы Айкинской и других волостей. Примечательно, что «сочувствие к белым было как со стороны кулачества, так и со стороны середняков и бедняков». В разных волостях ситуация складывалась по-разному: где к белым «радушно отнеслось большинство» (Серегово-Горская волость), где «в меньшинстве сочувственно» (Гам) или «особого сочувствия населения к белым не наблюдалось» (Часово)²⁹.

Но то, что поражение большевиков, сама перемена власти была встречена с равнодушием повсеместно, оспаривать не приходится. Девятый съезд советов Яренского уезда, чьи резолюции опубликовали «Известия Яренского Уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов» в номере от 28 января 1920 г. констатировал: «...Разбойничья авантюра...выявила политическую физиономию населения, часть которого к великому нашему прискорбию участвовала в победе белых над красными войсками: население было орловскими проводниками, участвовало в тайном шпионаже и даже оказывало содействие при расстреле товарищей коммунистов. Съезд клеймит их позором, выражает проклятье и призывает всех к честному исполнению своих гражданских обязанностей».

19 ноября 1919 г. северо-двинский губревком на своем заседании постановил: «В связи с создавшимся на фронте осложнением... наметить меры к установлению в Устюге укрепленного района, в спешном порядке разработать проект обороны г.Великий Устюг, часть мастерских, заводов, фабрик, типографий перевести на работу по обороне города, штабу Северо-Двинского коммунистического батальона особого назначения закончить формирование устюгской роты. Коллективы национального флота, Красавинской фабрики, Лальской фабрики и губпрофсовета со всеми профсоюзными объединениями перевести на военное положение... Губревком признал положение требующим подготовительных мер к эвакуации и поручил эвакуационной комиссии спешно разработать подробный план эвакуации...Губземотделу немедленно эвакуировать земельные планы»³⁰.

Созданный на железнодорожной ст.Луза специальный штаб члена РВС 6 Красной армии Г.С.Биткера бросил для ликвидации белогвардейского прорыва под Яренском значительные военные силы. С речных кораблей военной северо-двинской флотилии были сняты 500 балтийских матросов и отправлены в Козьмино. Туда же были посланы сводный отряд 45 бригады ВОХР численностью в 200 штыков под командою Алферова и артбатарея из трех орудий. Командование яренской группировкой красных было возложено на бывшего мичмана Балтфлота И.А.Мякишева. Позднее в Козьмино был направлен еще один отряд красноармейцев. В итоге общие силы красных на Яренском фронте стали насчитывать, по данным В.И.Прошева, 1262 штыков и сабель при 14 пулеметах регулярных войск и 140 партизан отрядов А.А.Артемьева и М.П.Минина. Положение немногочисленного гарнизона белых в Яренске становилось угрожающим.

18 ноября И.А.Мякишев, не дожидаясь подхода всех своих отрядов, двинулся на Яренск, выслав вперед разведгруппу. С этой разведкой приключилась любопытная история. Когда разведчики в главе с П.И.Белых внезапно под себя напоролись на заставу белых под городом, пьяные белогвардейцы даже не то что не расстреляли попавшихся красных шпионов, а пропустили их в свой тыл, крича при этом, что с «такими дрянными солдатами воевать мы не хотим! Нам нужны моряки, «черные вороны!»» Разведка благополучно осмотрела Яренск и вернулась к своим.

20 ноября в 10 утра Мякишев атаковал город с трех сторон и после непродолжительной перестрелки выбил противника из Яренска, захватив при этом шесть пленных. Командир батальона матросов Семен Обвинцев за взятие города был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. Белые отступили до Межога. Заняв Яренск Мякишев не стал развивать наступление на гамск направлений, а, расставив заставы вокруг города, стал ждать подхода всех своих сил. Штаб разместился в помещении винного склада, еще не вполне опустошенного предыдущими хозяевами города - это пагубно отразилось на трезвом образе жизни красных командиров. В город между тем постепенно стягивались обозы, завезли снаряды для пушек. Сама артбатарея находилась в Козьмино, где ее ставили на сани. Чекисты арестовали в городе 35 человек, обвиненных в связях с белыми, и начали следствие. Часть арестованных, среди них председатель Земской управы Н.В.Изюмов, агент охраны В.А.Булатов, В.П.Берников и другие были вывезены из города и расстреляны в Лене и Слободчиково. Есть также информация, что красные расстреляли всех священнослужителей Яренска.

21 ноября представитель губчека Делягин доносил о взятии Яренска: «Потери - 2 ранено... Арестовано мною 35 человек... Вступило в Яренск около 600 человек. На вопрос, как встретило население, ничего не скажу, потому что все залезли в избы». Днем позже 22 ноября 1919 г. Ф.С.Коковкин в телеграмме в Великий Устюг также сообщал о победе: «20 ноября в 12 часов красными войсками занят Яренск. Сегодня в 16 часов установлена телеграфная связь. Банды белых оставили в Яренске полный хаос, органы управления еще не функционируют, кроме Ревкома. Некоторые начинают возвращаться. Казармы и цейхгаузы разграблены, условия для работы пока ненормальные, настроение населения пестрое, частей бодрое. По слухам все награбленное в Яренске белыми сложено в Шежаме и на Удору еще не отправлялось. Новых сведений о противнике не имею»¹¹. Надо заметить, что уполномоченный губпродкома по Яренскому уезду Седелков 21 ноября на заседании губревкома предложил заменить Коковкина на посту военкома Яренского уезда, и губревком почти согласился с этим: «Коковкин никуда не годится... Посоветовал мне удирать так же, как и он...». Очевидно имелось в виду отступление красных из Яренска в начале ноября.

22 ноября разведка красных донесла, что к Яренску движутся крупные части белых - это возвращался из-под Усть-Выми Н.П.Орлов. В течение суток в окрестностях Яренска шли бои. Кем-то были подожжены воинские казармы. Среди горожан распространился ужасный слух, что ЧК заживо сожгла там арестованных. «Известия Яренского Уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов» были вынуждены специально выступить с заявлением в номере от 6 декабря 1919 г., что «поджог ЧК арестованных - это не так. Белые подожгли казармы. Арестованные все были увезены...».

Н.П.Орлов окружил город, перерезав сообщение красных с их тылом. Дороги вокруг Яренска ему на этот раз показывал часовой мастер В.В.Крюков по прозвищу «Монах». Штаб Мякишева все это время предавался пьянству, что вызывало возмущение рядовых солдат и матросов. В конце концов Мякишев отдал приказ оставить Яренск. При этом Ф.С.Коковкин предлагал уничтожить весь город, но не допустить, чтобы он снова достался врагу (в рукописи Б.И.Торкова и А.М.Огаркова «Нашествие», написанной в 1981 г. и хранящейся в фондах Яренского музея, дословно приведено высказывание Коковкина: «Сдадимся, но город сождем!»). При вторичном отступлении из Яренска без вести пропали 150 (по другим данным - 45) матросов и красноар-

мейцев. В ночь на 24 ноября белые снова вошли в Яренск. Часть обоза красных попала в их руки. Были захвачены также пленные. Матросов решили расстрелять, но «черные вороны», спасая свою жизнь, выдали белым секрет подхода артиллерии, что было для Орлова неприятной новостью, ибо пушек у него не было. Матросы пообещали вывести артиллерию из строя, если их отпустят, что и было сделано. Добравшись до своих, моряки, радуется, и не собирались портить орудия.

О событиях этих дней под Яренском сохранились интересные воспоминания комроты матросов Г.А.Шишкина, написанные в 1968 г.: «Нашему отряду приказали немедленно выступить в поход. Командующим Яренской группой войск (фронтом) назначен бывший лейтенант царского флота Мякишев, комиссаром Швецов, начальником штаба Петраков (бывший офицер), нач.политотдела Красиков, нач.снабжения А.К.Петров (бывший полковник), командир отряда В.А.Шустов, командиры рот Гладких, Киньдяев, Бахматов и я, начпункта команды Васильев, нач.связи Ступин, разведки - Закалачный. Снарядили и снабдили две зенитные пушки, 15 станковых пулеметов, 10 штук «люймов», 40 обозных, 10 верховых лошадей (добавили в Княжице еще 10 верховых). Первый ночлег у нас был в Княжице, что в 28 верстах от Сольвычегодска. Все спокойно, без происшествий, также дальше по дороге до Козьмина мы прошли без особых трудностей. Правда были затруднения с фуражем. В Козьмине нам сообщили, что был ночью небольшой отряд конников, белые или красные - неизвестно. В Козьмино мы ночевали, оставили там отдел снабжения, пополнили фураж и выступили на село Лену. Лена противником не была занята. В ней стоял Алферов, а Бердников около занятой противником с.Ирты. С Лены мы вышли в полной боевой готовности. Противник безусловно знал о нашем приближении. На подступах к Ирте он встретил нас пулеметным и ружейным огнем. Мы с ходу ответили тем же. Отряд Бердникова пошел в обход, чтобы отрезать путь отступления противнику, но противник, должно быть, ожидал этого маневра, стал поспешно отступать, отстреливаясь с пулеметов, установленных на санях крестьянских подвод. Деревня Микшина Гора, протяжением около восьми верст, была нами занята как и Ирты. Враг постоянно отстреливался, не вступая в бой. Наш командующий Мякишев и комиссар Швецов со штабом остановились в Ирте. Мы, не доходя три версты до Яренска, перегруппировались, посоветовались и, по совету Коковкина, решили мою четвертую роту послать в обход и наступать со стороны кладбища. Отряд Бердникова должен обойти справа около деревни Ландыш, остальные должны наступать двойными цепями спереди. К нашей роте придали команду связи. Все три группы заняли исходные позиции и по общему сигналу пошли в наступление. Была темная ночь. Мы с начальником команды связи Ступиным удачно сняли живьем, без выстрела, двух часовых дозора противника. С этой стороны враг, должно быть, нас не ожидал. Мы беспрепятственно вошли в город. Наше громкое «ура» завершило исход боя. Неприятель в панике бежал от своих позиций под покровом ночи. Около 50 человек сдались в плен. Дальше Яренска заняли только одну деревню Ландыш, в одной версте от города. Ну, на этом и успокоились, дальше не пошли. Вот что значит глупая беспечность. Прибыл Мякишев со штабом, были поставлены заставы. В первый же день мы освободили арестованных советских работников, которых белогвардейцы еще не успели утопить в реке.

Командование решило продолжать наступление через три дня, так как к этому времени должен подойти обоз с боеприпасами из Сольвычегодска. Но противник опередил нас, перерезал дорогу посреди Микшиной Горы и захватил этот обоз - 28 подвод. Отбить его нам тогда не удалось. Противник получил подкрепление с Удоры через Чорву, окружил нас в Яренске с трех сторон, начал интенсивный обстрел города. С чердаков и колокольни застрочили пулеметы по нашим патрулям и связистам, создался ад кромешный. Близко к нашим заставам и цепям враг не подходил и только отстреливался. Создалось затруднительное положение. К нашей позиции, которую занимала рота, пришел командир отряда В.Шустов, говорит мне: «Гриша, пойдем в штаб», я вместо себя оставил полуротного Яшу Пастухова. Приходим в штаб, где в окнах пулями выбиты стекла. Мякишев, Швецов, Петраков, Красиков и другие сидят на полу, так как ниже окон каменную стену пули не пробивают. Мы страшно возмутились поведением командования, когда заметили их в нетрезвом состоянии. Штаб занимал помещение винного склада. Шустов спрашивает: «Что будет дальше?» Мякишев отвечает: «Будем отступать». Швецов ему вторит: «Да, мы должны отступить, а ты как думаешь?» - «Да, поскольку создалось такое положение, благодаря нашей бездарности, придется отступить, и то только один исход - через реку», - говорит Шустов. Было решено начать отступление перед рассветом, в 7 часов утра. У нас было кроме своих более ста крестьянских подвод с возницами, которые попрятались по дворам. Нужно было всех собрать, каждой из трех подвод придать бойца, указать направление и т.д.

Перед рассветом началось наше отступление (злые языки назвали наше отступление исходом евреев из Египта). Пока переходили мост через Яренгу противник обстреливал из пулеметов

тов, но прицел был взят высоко, жертв было немного - пять коней и несколько человек ранено. Наша рота шла в авангарде, на санях стояли пулеметы. Отойдя от Яренска версты три, нас нагоняет группа человек сорок всадников. Я поворачиваю коня, подъезжаю к ним, спрашиваю: «Кто такие?» - «А что, растак твою мать, разве не видишь, что свои?» «А белые или красные?» «Конечно белые слепой черт!» Даю команду, дать очередь из «максима». А ведь различить в то время одинаково одетых белых и красных можно было только по звезде и кокарде. Заслышав стрельбу, среди возчиков началась паника, начали обгонять друг друга по льду озера, лед стал подламываться, хорошо, что было неглубоко. Кое-как навели порядок. Хорошо, что противник не сумел воспользоваться нашим замешательством. Вместо 29 верст от Яренска до Лены мы прошли 49 верст по бездорожью, большую часть лесами»³².

Вторичное падение Яренска вызвало в губернских учреждениях Великого Устюга новую волну паники. Г.С.Биткер был вынужден официально заверить руководство Северо-Двинской губернии, что «Котлас ни под каким видом не будет сдан». Лена, ставшая базой советской группировки в Яренском уезде, укреплялась. По поступавшим оттуда донесениям, настроение среди красноармейцев было «неустойчивым», матросы бузили, требуя сместить Мякишева с командования фронтом за трусость, пьянство и сдачу Яренска. В Лене рыли окопы и траншеи, устраивали блиндажи с перекрытыми бойницами.

25 ноября конница белых внезапно подошла к Лене и среди бела дня атаковала село, с шашками наголо ворвавшись на центральную улицу. Гарнизон красных был застигнут врасплох за обедом. Но матросы быстро пришли в себя и открыли пулеметный огонь. Противник был вынужден отступить. Н.П.Орлов, возглавлявший атаку, получил ранение в шею, а его адъютант С.Матвеев - в ногу. Об этом бое есть несколько версий. По одной из них, белые атаковали силою до двух рот прямо по тракту. Е.Г.Королева и А.А.Попов писали, что «... рассыпавшись в цепь на опушке леса, белогвардейский отряд с дистанции 500-600 метров открыл ружейную и пулеметную стрельбу по селу, но после трехчасового боя с наступлением сумерек отошел, оставив убитыми 20 человек и один пулемет. Последующей разведкой красных было захвачено в плен несколько белогвардейцев». В то же время сами участники боя, как например Г.А.Шишкин, писали, что атака белых состояла в кавалерийском налете утром и «в 2 часа того же дня противник начал наступление взводными колоннами, при приближении рассыпаясь в цепь. Пока заставы отбивали наступление противника, мы приготовились и пошли в контратаку». Так или иначе, белые отступили.

Генеральное сражение под Леной произошло в ночь на 28 ноября 1919 г. По словам участника боя, помощника комбата матросов П.Т.Савельева, перед боем Орлов выслал к красным парламентаря: «Вдруг часовой докладывает, что какой-то бородач спрашивает старшего командира моряков по важному делу. Я вышел и спросил старика, что ему нужно. Он вытащил из-за пазухи пакет с сургучной печатью и со слезами на глазах попросил расписаться в получении. Как выяснилось, у него в доме остановился Орлов. Бандит послал старика с пакетом, пригрозив ему, что если он не принесет ответа, то будет расстрелян. Мы вскрыли пакет и прочитали обращение белогвардейского капитана к морякам. «Вы обмануты евреями (жидами-большевиками), - писал Орлов. - Сдавайтесь мне. Я сам капитан флота, ваш брат по роду оружия. Решим спор без кровопролития. Если вы не сложите оружия, то сегодня в два часа ночи будет гореть земля и небо и село Лена будет моим. Решайте. Жду вашего раскаяния. Капитан Орлов». Жалея старика, мы дали ему расписку в получении пакета, а на словах просили передать Орлову, что ждем его с нетерпением и встретим с радостью»³³. Надо заметить, что упоминаемое в документе звание Н.П.Орлова «капитан флота» можно объяснить только одним - Орлов хотел таким образом воздействовать на матросов.

28 ноября в три часа ночи Орлов силою до 800 штыков и сабель вторично атаковал Лену. Ударная группа прапорщика Обрезкова сходу выбила противника из окопов и захватила было верхний конец села, но попала под пулеметный огонь и почти в полном составе погибла. Белые зажгли факелы и стали группироваться для решающего натиска. В этот момент заработала красная артиллерия. Под пушечным огнем белогвардейцы заматались, но Орлов пристрелил паникеров и лично возглавил атаку. Бой под Леной шел в течение семи часов. Почти весь офицерский и унтер-офицерский состав батальона белых погиб. Сам Орлов был убит пулеметной очередью в грудь в двух шагах от окопов красных (есть также версии, что его закололи штыком, убили выстрелом из нагана в упор и т.д. По меньшей мере, пять или шесть красноармейцев позднее утверждали, что именно они убили Орлова, причем каждый по-разному).

Потеряв командиров, белые отступили. На поле боя красными было обнаружено от 80 до 100 убитых солдат противника, в основном от пушечного огня, в плен попало около 60 белогвардей-

цев (сами белые потом признавали, что в ленском бою погибли лучшие солдаты орловского отряда). Трупы белых, в первую очередь Орлова, сфотографировали, и снимки в качестве доказательства победы отправили в Устюг.

По одним сведениям, тело Орлова тоже увезли в губернский центр, по другим, он был похоронен вместе со всеми мертвыми белогвардейцами в кладбищенском лесу Лены (в современном Яренске бытует любопытная легенда о приезде в город уже после окончания Гражданской войны вдовы Н.П.Орлова Александры Плашкиной. Вдова добивалась разрешения советских властей на перезахоронение останков своего мужа, но безрезультатно. Ф.С.Кокочкин будто бы заявил, что «не получится у нее сделать муженька национальным героем»). Сверху на захоронение белогвардейцев был брошен труп белого коня подполковника (по другой версии, орловский конь не был убит, а как трофей доставлен в Яренск). Потери красных в ленском бою нигде не приводятся. В самом с.Лена имеется могила одного красноармейца, погибшего от ран после боя. Местные жители уверены, что это единственная жертва с советской стороны, во что трудно поверить. Тем не менее, газета «Известия Яренского уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов» в номере от 2 декабря 1919 г. тоже утверждала, что красные в ленском бою потеряли убитым одного человека и двоих ранеными. Потери противника газета оценивает в 60 чел. убитыми и 12 пленными. О самом бое «Известия...» пишут в духе того времени, чего стоит, например, такая фраза: «Моряки радостно бросились навстречу врагу».

С.И.Титов так вспоминал о ленском бое: «Ночью 28 ноября белогвардейцы предприняли новое наступление и сбили наше боевое охранение на верхнем конце села. Поднятые по тревоге, мы заняли огневые позиции и стали ждать команды. Удорские партизаны были на левом фланге обороны, правее нас занял позицию отряд моряков Обвинцева. На стыке двух отрядов были установлены пушки. Меня, как бывшего артиллериста, определили к одному из орудий в качестве запасного номера. Отряд речников был поставлен для обеспечения нашего тыла, если белые вздумают пойти на окружение. Около 200 белогвардейцев скопились возле двух домов, отстоящих от нашей линии обороны в 300 шагах и стали готовиться к атаке. Они зажгли два факела на шестах и открыто сновали, дико крича и ругаясь, среди них было примерно 10 всадников. Через некоторое время пьяные белогвардейцы выскочили из-за домов и ринулись на нас в атаку. По нашей цепи раздалась команда: «Огонь!» Последовали залпы, затем заработали станковые пулеметы, из орудий был дан беглый огонь картечью. В белогвардейской колонне сразу свалилось человек двадцать. Видно было, как попятались назад передние, а идущие сзади нажимали на них. Свет горящих факелов освещал нам колонну белогвардейцев. Ряды белых смешались. Еще несколько залпов - и вот они всей черной массой повернули назад и побежали к лесу, оставляя раненых и убитых. Часть белогвардейцев, направившихся в обход правым флангом, напоролась на отряд речников, и вынуждена была также обратиться в бегство.

Наши отряды пошли в контратаку. Белогвардейцы в беспорядке отступили, оставив на поле боя более 60 человек убитыми. В числе убитых оказался главарь банды капитан Орлов и еще один офицер - прапорщик Обрезков. В записной книжке, извлеченной из кармана убитого Орлова, мы обнаружили список расстрелянных им коммунистов и советских работников. Против каждой фамилии расстрелянного были сделаны пометки крестиками. В той же записной книге был обнаружен текст телеграммы в Архангельск, которую, по-видимому, Орлов не успел еще передать своему командованию. В телеграмме сообщалось: «Не встречаю серьезного сопротивления со стороны красных. К Рождеству предполагаю взять Котлас». Это хвастливое заверение осталось невыполненным»³⁴.

Г.А.Шишкин в своих воспоминаниях пишет о ленском бое и гибели Орлова следующим образом: «В два часа ночи противник предпринял большое и последнее с его стороны наступление и не по дороге, откуда больше всего его ждали, а со стороны леса и кладбища, потеснив две наши заставы, успел захватить слободу села... Прошло часа четыре непрерывной стрельбы. Видим, в лесу сигналият фонарем по азбуке Морзе «не отступать, идет подкрепление». Пришлось послать из зенитки несколько выстрелов, фонарь исчез. Часов в семь утра бой затих. Идет с той стороны по мосту группа человек сорок, спрашиваю: «Кто такие?» Ответ: «Свои» - «Какая рота, кто командир?» - «Здесь сам командующий Орлов». «Рота, пли!», пулеметная очередь, все полегли на месте. Из этой группы остался денщик Орлова и то раненый. Противник отступил, убитых не считали, разбежавшихся по домам слободы 116 человек взяли в плен. Интересный случай был в доме, где жили учитель и учительница, он стоял в середине битвы. Взрослые отсиделись в подполье, в овощной яме, а двое маленьких детей спали на полотах. Дом был изрешечен пулями, а они остались невредимыми, даже не проснулись, пока не разбудили. Неприятель быстро отступил. Командующим заступил вместо убитого Орлова его брат»³⁵. По

другим данным, командование над белыми после Лены принял на себя поручик Глыжев, а брат Н.П. Орлова поручик Владимир Орлов возглавил отряд позднее, уже на Удоре.

И.А. Мякишев отдал приказ преследовать отступающего противника. Днем 28 ноября передовые части красных с боем заняли деревни Ирту и Микшину Гору, догнав и захватив там в плен около 40 отставших от своих белогвардейцев. Из Яренска белые уходили по двум направлениям: по Черво-Лоптюгскому тракту и на Айкино. Во время отступления были реквизированы в Яренске все подводы, что было одной из причин (как следует из документов) задержки дальнейшего движения красных. При появлении отрядов Мякишева горожане в ужасе попрятались кто куда, спасаясь от возможных арестов, а часть ушла с белыми (по некоторым данным, на Удоре потом скопилось до тысячи беженцев из Яренского уезда). 29 ноября в 11 часов утра красные вступили в Яренск, захватив в нем девять пленных. 1 декабря Мякишев занял Межог, 2 декабря - Жешарт. Под Гамом артиллерия красных обстреляла арьбергарт неприятеля. Прапорщик Скорохватов вызвал из Айкино на помощь роту 1 Северного Мезенского полка в 200 штыков, но при приближении красных возоблагодало мнению отступить дальше на Удору. Без сопротивления белые оставили нижнюю Вычегду и отошли на север по Шежамо-Бутканскому тракту. 3 декабря Мякишев занял Усть-Вымь. Яренский фронт был ликвидирован³⁶. Архангельская газета «Вестник Временного правительства Северной области» в номере от 13 декабря 1919 г. писала: «Партизанский отряд, ходивший в тыл большевикам, возвратился в Кослан, приведя с собой пленных. Во время боев на реке Лене, что южнее Яренска, убит доблестный командир отряда подполковник Орлов».

5 декабря 1919 г. передовая уездной газеты «Зырянская жизнь» радостно извещала читателей: «Банды Орлова разбиты, сам золотопогонник капитан Орлов... уничтожен. Остатки белых бандитов бегут в леса Удоры. Над Яренском и Усть-Сысольском снова развевается рабоче-крестьянское Красное знамя». В этом же номере было напечатано стихотворение коми поэта и по совместительству чекиста В.А. Савина на коми языке «Губернатор без губернии» о пребывании С.О.-Латкина и белых в Усть-Сысольске. Но не только Савин иронизировал над краткосрочным пребыванием белых в столице Коми края. 27 апреля 1920 г. в парижской газете русских эмигрантов «Последние новости» опубликовали рассказ-фельетон известной русской писательницы Тэффи (Н.А. Лохвицкой) «Ке фер?», где так было написано о белых в Усть-Сысольске (якобы со слов какого-то генерала): «... - Мы должны были поддержать Усть-Сысольское правительство. - А разве такое есть? - Было. Положим недолго. Один подполковник, не помню фамилии, объявил себя правительством. Продержался все-таки полтора дня. Если бы мы его поддержали вовремя, дело было бы выиграно».

Подполковник Николай Петрович Орлов погиб. С его именем был связан наивысший военный успех Белой армии в Коми крае, когда вся его территория контролировалась белыми. Первый батальон сформированного на Вычегде в декабре 1919 г. 14 Северного Вычегодского полка белых получил имя подполковника. Брат Н.П. Орлова Владимир стал командиром этого батальона и был расстрелян красными в марте 1920 г.

¹ Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере // Белый Север. 1918 -1920 гг.: мемуары и документы. - Архангельск, 1993. - Вып.1. -С.63-64.

² Игнатъев В.И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны // Белый Север. -Вып.1. -С.138.

³ Северный фронт: документы. -М.,1961. -С.67.

⁴ Цит. по: Королева Е.Г., Попов А.А. Гражданская война в Коми крае. -Сыктывкар, 1957. -С.155-156.

⁵ Добровольский С.Ц. Борьба за Россию в Северной области // Белый Север 1918-1920 гг.: мемуары и документы. -Архангельск, 1993. -Вып.2. -С.71-72, 99.

⁶ Архив управления ФСБ по Республике Коми. Дело №9662.Т.1.Л.17.

⁷ Установление советской власти и Гражданская война в Коми крае (1918 -1920). Док. и мат. - Сыктывкар,1966. -С.199-200.

⁸ Северное утро (Архангельск). -1919. -23 февр.

⁹ Цит. по: Королева Е.Г., Попов А.А. Гражданская война в Коми крае. -С.158.

¹⁰ Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.869.Оп.1.Д.1.Л.18.

¹¹ Архив управления ФСБ по Республике Коми. Дело №9662.Т.1.Л.15.

¹² НАРК. Ф.1715.Оп.1.Д.93.Л.227-228.

¹³ НАРК. Ф.869.Оп.1.Д.2.Л.22.

¹⁴ Установление советской власти и Гражданская война в Коми крае (1918 -1920). -С.319.

¹⁵ НАРК. Ф.1715.Оп.1.Д.93.Л.252.

¹⁶ Там же. Л.263.

¹⁷ За Советский Север. Сб. док. и мат. -Вологда,1960. -С.86-87.

¹⁸ НАРК. Ф.869.Оп.1.Д.2.Л.28.

¹⁹ Королева Е.Г., Попов А.А. Гражданская война в Коми крае. -С.190.

- ²⁰ НАРК. Ф.869.Оп.1.Д.1.Л.12.
- ²¹ Установление советской власти и Гражданская война в Коми крае (1918 -1920). -С.214.
- ²² НАРК. Ф.1715.Оп.1.Д.93.Л.269.
- ²³ НАРК. Ф.369.Оп.1.Д.607.Л.51.
- ²⁴ КРГАОПДФ. Ф.520.Оп.1.Д.61.
- ²⁵ НАРК. Ф.1715.Оп.1.Д.93.Л.279.
- ²⁶ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. -М., 1993. -С.163.
- ²⁷ Цит. по: Королева Е.Г., Попов А.А. Гражданская война в Коми крае. -С. 166-167.
- ²⁸ Там же. -С. 165-166.
- ²⁹ Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы Гражданской войны: население и власть // Научные доклады КНЦ УрО РАН. -Сыктывкар, 1994. -Вып.331. С. 16-18.
- ³⁰ НАРК. Ф.1715.Оп.1.Д.93.Л.288.
- ³¹ За Советский Север. -С.89.
- ³² НАРК. Ф.1031.Оп.1.Д.361.Л.32 -35.
- ³³ За Советский Север. -С.140.
- ³⁴ Установление советской власти и Гражданская война в Коми крае (1918 -1920). -С.320-321.
- ³⁵ НАРК. Ф.1031.Оп.1.Д.361.Л.35.
- ³⁶ Судьба победителя Орлова И.А.Мякишева оказалась трагической. Через два месяца, 12 февраля 1920 г. он был убит на своей квартире в Яренске. Сначала чекисты задержали по подозрению в убийстве двух проституток, но затем было установлено, что убийство совершил начальник разведки яренской группы войск красных Каракчиев по прозвищу «Шаляпин». За оспаривание приказов Мякишев отстранил Каракчиева от командования и поплатился за это жизнью. «Шаляпин» пытался скрыться в лесах на реке Вымь, но был пойман и расстрелян. Есть также версия архангельского краеведа А.М.Огаркова, что Мякишев покончил жизнь самоубийством.
-

БЕЛАЯ АРМИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В КИТАЕ В 1921-1922 ГГ.: ДИСЛОКАЦИЯ, ЧИСЛЕННЫЙ И КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

В октябре-ноябре 1920 г. разбитые в Чите и Восточном Забайкалье Народно-Революционной армией (НРА) Дальневосточной республики (ДВР) и партизанами остатки белогвардейских семеновско-каппелевских войск отступили в Маньчжурию. С 16 по 31 января 1921 г. во время эвакуации из Забайкалья через китайскую границу перешло 8511 офицеров, 16289 солдат, 7731 лошадь и 855 повозок; было вывезено оружие: 1800 японских и 4000 русских винтовок, 8000 револьверов, 100 пулеметов, 12 тяжелых и 250 легких орудий, 4 бронепоезда, 6 вагонов патрон, 15 вагонов снарядов и др¹. На новом месте белогвардейцы тут же были взяты под опеку японскими и китайскими властями. Японское правительство рассчитывало использовать эти войска в борьбе против ДВР и, прежде всего для создания антисоветского, прояпонского буфера на оккупированной территории Приморья. С этой целью японское командование при содействии китайских властей организовало частичную переброску через Маньчжурию семеновских и каппелевских войск в Приморье. В апреле 1921 г. в Пекине белогвардейские вожди с участием японцев провели совещание, на котором по указанию японского генералитета был разработан план вторжения в ДВР и в РСФСР. В нем предусматривалось: одновременное вооруженное выступление белых в Приморье; вторжение войск Р.Ф. Унгерна, находившихся в то время в Монголии, в Забайкалье; наступление белых отрядов с китайской территории в Амурскую область, а также организация крестьянских выступлений в Сибири. В свою очередь японское командование заверило белогвардейцев в своей активной поддержке их похода против ДВР, заключило даже специальное соглашение об этом. В нем говорилось, что японское командование выделит материальную помощь в сумме 500 тысяч иен и оружие: 3200 винтовок, 350 тысяч патронов, 24 пулемета разного типа, 24 ящика патронов к ним, 5 полевых и 3 горных трех дюймовых орудия и 75 ящиков снарядов к ним².

Разоблачению замыслов японских властей и белогвардейцев по организации новых выступлений против ДВР и РСФСР была посвящена нота протеста, посланная наркомом иностранных дел Г.В. Чичериньим министрам иностранных дел Франции, Англии и Италии 1 июня 1921 г. В ней говорилось: «Под защитой японских штыков белогвардейцы Владивостока ... захватили власть в этом городе [26 мая 1921 г.-В.Ф.]. Такой же переворот был совершен и в Никольск-Уссурийске и в других оккупированных японцами местностях... С помощью японской вооруженной силы остатки контрреволюционных банд Семенова и Каппеля держатся на границе Китая и занимают Китайско-Восточную железную дорогу и только при поддержке японских вспомогательных войск шайки Унгерна терроризируют Монголию и подготавливают там свои атаки против Российской Республики»³. В ноте протеста правительства ДВР китайским властям отмечалось, что в разных пунктах китайской территории формируются русские белогвардейские отряды, намеревающиеся выступить против ДВР. Расположившись в приграничной зоне, в течение всего 1921 г. белогвардейское командование вело интенсивную подготовку к новому походу. Русское купечество в полосе отчуждения КВЖД всецело поддерживало атамана Г.М. Семенова и, находившегося в Монголии, барона Р.Ф. Унгерна. Оно служило торговыми агентами и вербовщиками, снабжало всеми необходимыми продуктами, вооружением и снаряжением. Повсеместно велась организационно-агитационная работа по формированию новых белоотрядов. Белое командование открыто заявляло о скором выступлении при поддержке японцев против ДВР. По его приказу на участок Хинган-Маньчжурия был выдвинут передовой ударный отряд в количестве 4000 человек. Китайское командование под давлением японцев, пригрозивших в противном случае захватить КВЖД, официально разрешило эту передислокацию. Вскоре на ст. Маньчжурия расположились еще четыре вновь сформированных казачьих отряда, каждый численностью в 1000-1200 человек во главе с боевыми, опытными офицерами. В связи с этой перегруппировкой войск Г.М. Семенов лично ездил к генералу Чжан Цзолину на переговоры о возможности пребывания в Маньчжурии белогвардейских частей, которые готовились к продолжению борьбы против ДВР. Затем из Дайрена Г.М. Семенов выехал в Японию, где ему была оказана торжественная встреча и обещана всемерная поддержка. По секретному соглашению с японским командованием Чжан Цзолин не только разрешил, но и предоставил атаману и его сподвижникам полную свободу действий белоотрядов в полосе отчуждения КВЖД. По указанию Семенова из Японии белогвардейское командование ускорило комп-

Атаман Семенов Григорий Михайлович среди соратников

лектование и переброску войск к границе. Для привлечения в свои ряды всех желающих участвовать в походе широко использовались общественные пункты питания и столовые, подкуп и различного рода обещания и т.д. Белогвардейский штаб из генералов Г.П.Мациевского, А.П.Бакшеева, Малиновского, И.Ф.Шильникова и др. на ст. Маньчжурия поддерживал тесную связь с бароном Р.Ф. Унгерном, от которого надеялся получить помощь и поддержку. На созванном штабом совещании был разработан детальный план одновременного выступления белогвардейцев с территории Китая и Приморья. Вскоре вдоль всей линии КВЖД расположились готовые к переходу границы белоотряды. Кроме того, генерал Мациевский в Харбине заканчивал формирование 1 Забайкальской пехотной дивизии в количестве 2300 человек. Для вооружения белоотрядов активно использовался склад оружия на ст.Хайлар, который был в ведении генерала Шемелина. Все снабжение белогвардейских войск было поручено генералу Бирюкову, который в середине января 1921 г. передал барону Унгерну 500 тысяч долларов на поддержку белого движения на территории ДВР. Активное участие на стороне белых приняло Уссурийское казачество. Так, во 2 корпусе генерала И.С.Смолина в большинстве были казаки, располагавшиеся в Никольск-Уссурийске. Бригада генерала Н.И.Савельева, дислоцировавшаяся в Гродеково, также состояла из мобилизованных уссурийских казаков. Всего было призвано более 15 тысяч казаков.

В августе 1921 г. вооруженные силы белогвардейцев делились на две большие группы: белоказаки части атамана Семенова и каппелевские войска под общим командованием Семенова как преемника Верховного правителя А.В.Колчака. Для оперативного руководства вооруженными силами был создан Верховный Военный Совет в составе Г.М.Семенова (председатель) и членов: генералы Н.А.Лохвицкий, М.Н.Дитерихс и М.И.Афанасьев, последний вскоре заменен генералом Б.Р.Хрещатицким. По решению Военного Совета вся армия была разделена на три корпуса: 1 Забайкальский, 2-й и 3 пехотные. Состав всей армии с тыловыми учреждениями, штабами и интендантством насчитывал около 16 тысяч человек. При этом в Забайкальский корпус вошли все части, подчинявшиеся ранее Семенову, а в состав двух других корпусов - остатки колчаковской армии, пришедшие в Забайкалье с генералом С.Н.Войцеховским. Дислокация этих частей выглядела так:

Лохвицкий Николай Александрович, генерал-лейтенант, бывший командующий Русским экспедиционным корпусом во Франции, весной-летом 1920 г. главком Дальневосточной Белой армии

ататки отряда атамана Б.В. Анненкова; комкор генерал Г.А. Вержбицкий).

В Амурском районе к октябрю 1921 г. находились белоотряды: Непелева (25 сабель), с Черняево на Амуре (5.VIII); Рязанова (40 сабель), в районе Кумары на Амуре (20.IX); Метелева (45 сабель), район Аносоро (200 верст северо-западнее Благовещенска), в сентябре большая часть отряда ушла на китайскую сторону; Сараева (130 сабель), в устье реки Сунгари, в районе г.Сайдун (15.VII); белоотряды неуставленного командования: один в 30 сабель располагался в районе Сычевой на Амуре (15.VII); другой в 200 сабель находился в районе г.Чихахе и Сайдун (14.VII), третий - 85 сабель оперировал в районе Усть-Корейская, 100 верст северо-восточнее Сретенска, (9.VIII); самый крупный отряд в 300 сабель обнаружен в районе с.Игнашино на Амуре (30.VII); сведения имелись и о белоорганизации Гончарова в районе г.Сахалян (29.IX). Общая численность составляла более 855 человек.

В Троицкосавско-Ургинском районе находились белоотряды под командованием: Ивановского (численность не установлена), 300 верст юго-восточнее Чайры (21.VII); Ожанбалова (600 сабель), в 440 верстах юго-восточнее Цецен-хана по тракту Долон-Нор; Найден-гунхана (200 сабель), в 35 верстах восточнее Даринтуя на реке Ури (20.IX). Всего 800 сабель.

В Акшинском районе оставались довольно внушительные силы белых: 2 бригада Островского (300 сабель, 8 пулеметов, 3 орудия), в 200 верстах южнее Кырмлуна-Урго (23.IX); отряд Чаева (250 сабель), ушел на Калчан (23.VII); белоотряд Ундурмерина (500 сабель), действовал в районе тракта Урга-Калчан (15.VII); Сухарева (250 сабель, 2 пулемета, одно орудие), обнаружен в районе Хошуна (3.X). Всего насчитывалось 1300 сабель, 10 пулеметов, 4 орудия.

В Маньчжурском районе белоотряды находились в количестве 1000 пехотинцев, 797 кавалеристов (VII-IX.1921 г.).

Японские войска дислоцировались: в районе КВЖД в количестве 20150 человек, 678 кавалеристов, 228 пулеметов и 36 орудий (VI-VII.1921 г.), на западной ветке КВЖД - 16082 человек, 6107 сабель, 8 пулеметов, 6 орудий (VII-IX.1921 г.), на Южной ветке - 19800 человек, 2300 сабель (VI-VII 1921 г.), на Восточной ветке - 7850 человек, 1170 кавалеристов, 6 орудий (VII-IX.1921 г.).

1 Забайкальский корпус (6,5 тысяч человек, комкор генерал В.А.Кислицин); Дикая дивизия (до 2 тысяч человек, комдив барон Р.Ф.Унгерн, начштаба полковник Шеристанов, штаб на ст.Дурия); Отдельный Маньчжурский отряд (до 1,5 тысяч человек: в основном офицеры; командир генерал Шемелин); Монголо-бурятская дивизия (до 1 тысячи человек: в основном кавалерия из наемных монгольских частей; комдив генерал А.И.Тирбах); Забайкальская казачья дивизия (до 1,5 тысяч человек: из числа 1 Забайкальского казачьего имени «Атамана Семенова» полка, 2 Забайкальского казачьего полка, 3 Маньчжурского полка, Сводного казачьего полка полковника А.М.Ошанина; комдив генерал Т.И.Артамонов); Курсанты Читинского военного училища (до 640 человек всех родов оружия; начальник генерал Тирбах).

2 корпус (3,5 тысячи человек: в основном остатки армии генерала К.В.Сахарова и часть армии генерала В.О.Каппеля в составе Ижевской дивизии до 500 человек, 2 Уфимской дивизии Сибирского добровольческого корпуса, 1-й и 2 Уральских казачьих дивизий до 600 человек; комкор генерал Р.К.Бангерский).

3 корпус (до 4 тысяч человек: в их числе армия генерала А.Н.Пепеляева и части армии В.О.-Каппеля: Воткинская дивизия до 400 человек, остатки Сибирского стрелкового корпуса, дивизия Енисейских казаков, Оренбургская пластунская дивизия, дивизион Сибирских казаков, ос-

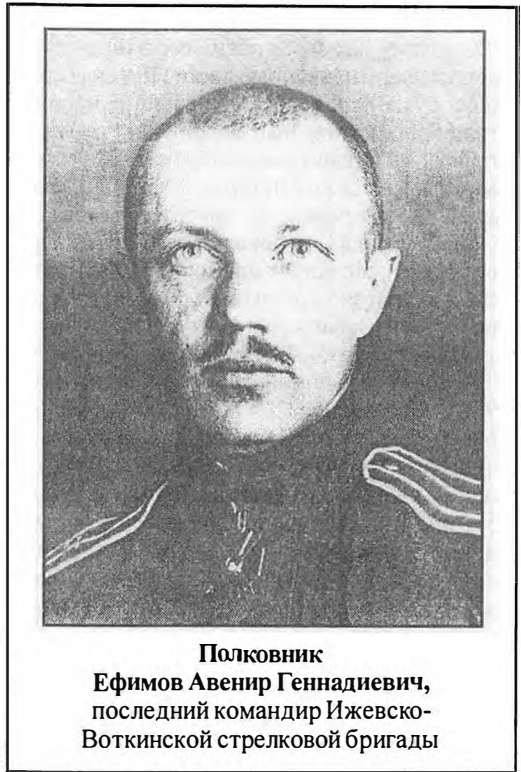
Китайские войска, проследовавшие через Харбин, насчитывали 12300 человек, 4200 сабель, 60 пулеметов, 15 орудий. В число пограничных китайских кордонов на западной границе Маньчжурии входило 1545 человек. Общее количество китайских войск в приграничной с ДВР зоне составляло: 56032 человек, 13777 сабель, 68 пулеметов, 27 орудий.

Всего в Монголии и Маньчжурии белогвардейские войска осенью 1921 г. насчитывали: 1000 пехотинцев, 3752 кавалеристов, 10 пулеметов, 4 орудия; японские войска - 20150 пехотинцев, 678 кавалеристов, 228 пулеметов, 36 орудий; китайские войска - 57677 пехотинцев, 13777 сабель, 68 пулеметов, 27 орудий; хунхузов - 12940.

В Приморье насчитывалось: белогвардейских войск - 15500 штыков и сабель; японских войск - 29490 штыков и сабель; хунхузов - 7200; японцев в Корее - 23260 штыков и сабель, на о.Сахалин - 9830 штыков и сабель⁴.

К декабрю 1921 г., т.е. к началу наступления белогвардейцев под командованием генерала В.М.Молчанова из Приморья против ДВР, Белая армия в целом сохраняла свой трех корпусной состав: 1-й - из семеновцев, 2-й и 3-й - из каппелевцев. Изменения были незначительны. В частности, военным министром был назначен генерал Г.М.Вержбицкий, главнокомандующим - генерал В.М.Молчанов. Однако вскоре 1 корпус атамана Г.И.Семенова был переименован в 1 Отдельную Гродековскую группу, и командовать ею был назначен генерал Ф.Л.Глебов, начальник штаба - генерал Е.М.Дубинин. В группе насчитывалось 4 тысяч штыков и сабель. Вторым корпусом стал командовать генерал Ястребцев, а затем генерал Смолин, начальник штаба - полковник А.В.Сулавко. Численность группы составляла 4 тысячи штыков и сабель. Третьим корпусом командовал генерал В.М.Молчанов. В его состав входила Волжская бригада (комбриг генерал Сахаров), в количестве 1350 штыков и сабель; 1 стрелковая бригада (комбриг полковник Н.А.Александров), в количестве 920 штыков и сабель; Ижевско-Воткинская бригада (комбриг полковник А.Г.Ефимов), численностью 1200 штыков и сабель; Ижевский пехотный полк - 500 штыков и Воткинская кавдивизия - 700 сабель; Сибирский казачий полк (625 сабель), подчинявшийся непосредственно генералу Молчанову. Всего в корпусе было до 4200 штыков и сабель. Кроме того, была сформирована Отдельная бригада генерала В.Г.Осипова в количестве 1150 штыков и сабель, отряды врангелевцев, унгерновцев и другие белоотряды в Приморье и Маньчжурии в количестве 3500 штыков и сабель⁵. Все это свидетельствовало о том, что кратковременная мирная передышка в ДВР закончилась и вновь на первое место выдвинулась вооруженная борьба.

30 ноября 1921 г. Белоповстанческая армия (как она себя именovala) под командованием генерала В.М.Молчанова перешла в наступление на Хабаровск вдоль Уссурийской ж.д. Прорвав оборону 6 стрелкового полка НРА, белогвардейцы захватили ст. Уссури. Боевые действия с каждым днем приобретали все более ожесточенный неблагоприятный для НРА характер. Назначенный военным министром и главкомом ДВР В.К.Блюхер, касаясь соотношения сил на фронте, отмечал: «Силы противника: 3 Каппелевский корпус генерала Молчанова...- всего 3186 штыков и 1145 сабель; 2 корпус генерала Смолина...- всего 825 штыков и 50 сабель. Всего в двух корпусах штыков - 4011, сабель 1195... Кроме того, идет спешная подготовка пополнения в Никольск-Уссурийске и Гродеково, а также вербовка, сопровождающаяся некоторым успехом, в полосе КВЖД, откуда люди направляются в Гродеково. Это может удвоить вышеуказанную численность»⁶. В отношении же НРА он писал следующее: «Переход в наступление белогвардейских банд совпал с моментом реорганизации НРА. В этот момент из партизанских отрядов в связи с переформированием их в регулярные войска, увольнялись старшие возрасты, составлявшие

основную массу отрядов, что делало НРА малочисленной по своему составу. Дальневосточная НРА к тому же переживала огромные затруднения с продовольствием и вооружением»⁷. Эти срочно сформированные части НРА значительно уступали противнику, как по численности, так и по вооружению. «Состояние наших частей: на фронте 5-й и 6 полки (фактически батальоны), отряд Госполитохраны, Кербинский отряд, минно-подрывной взвод, саперная рота - всего 1200 штыков; 4 кавполк (два эскадрона) - 280 сабель с крайне плохим конским составом. Малый состав частей является результатом последней демобилизации. Артиллерия на фронте - два орудия, остальная в Хабаровске без конского состава... Остальные части, также малочисленные, несут охрану по Амуру и в Благовещенске, как-то: кадры 2-го и 3 батальонов 4 полка, караульный батальон, две роты территориального батальона и одна легкая батарея»⁸. И все же, энергичные меры правительства ДВР и главнокомандования НРА по формированию новых пополнений, быстрая переброска их из Забайкалья и Амурской области на фронт дали свои результаты. Наступление белых у ст.Ин было остановлено. Победа 28 декабря 1921 г. в Инском бою ознаменовала перелом в пользу НРА, после чего инициатива полностью перешла в руки ее командования. Последовавшее в новом 1922 г. наступление НРА и одержанные ею победы под Волочаевкой, Спасском, Монастырищем и другими населенными пунктами вынудили японское правительство эвакуировать свои войска из Приморья. В октябре-ноябре 1922 г. остатки белогвардейской Приморской земской рати (командующий генерал М.К.Дитерихс) ушли за границу в Китай в следующем составе: генерал Смолин - 1510 штыков, 265 сабель, 15 пулеметов, 4 орудия; генерал В.М.Молчанов - 1715 штыков, 345 сабель, 24 пулемета, 4 орудия; генерал В.А.Бородин - 530 штыков, 320 сабель, 9 пулеметов, 2 орудия; генерал Ф.Л.Глебов - 697 штыков, 145 сабель, 6 пулеметов, 1 орудие. Эти части значительно дополнили находившиеся в Маньчжурии белогвардейские организации генералов Шильникова и Е.Г.Сычева, не оставлявших помыслов вести и дальше борьбу с советской Россией. В одном из интервью генерала Смолина говорилось: «Я считаю наше бездействие временным, вынужденным неблагоприятными обстоятельствами. Мы только повалены, но отнюдь не убиты. Среди нас твердая решимость бороться дальше всеми средствами и силами, какие только представятся возможными.» Однако в реальности среди белогвардейцев, особенно низшего офицерского состава наблюдалась апатия к продолжению борьбы с советской Россией, усугублявшаяся отсутствием средств для существования, разочарованностью в своих руководителях. Доказательством этому послужил день 25 ноября, когда из разных частей бывшей «Земской рати» 507 рядовых солдат, 5 офицеров, 3 подпрапорщика, несколько фельдфебелей и унтер-офицеров перешли границу и вернулись в советскую Россию, а затем разъехались по разным районам Дальнего Востока, в которых проживали до войны. Небольшое количество офицеров объяснялось тем, что, во-первых, они не надеялись получить себе прощенья по возвращении на родину; во-вторых, по распоряжению китайских властей, многие офицеры содержались в концлагерях в Цицикаре с целью использования их на службе в китайской армии. В начале ноября 1922 г. штаб генерала Шильникова китайскими властями был переведен из Маньчжурии на реку Ган в падь Дербул. С целью оперативного использования по решению штаба от 16 ноября отряд И.Ф.Шильникова в количестве 400 человек был разделен на три группы: 1-я во главе с сотником Шадриным (112 человек) ушла в Забайкалье; 2-я под командованием полковников А.Размахнина и Куклина численностью в 150 человек была направлена по реке Ган в тайгу; 3-я расположилась по линии КВЖД.

Наиболее активно вел боевые действия на советской территории белоотряд вахмистра З.Гордеева, получавшего непосредственно указания от Шильникова. Отряд совершал внезапные налеты, а при подходе частей Красной армии, частей особого назначения (ЧОН), милиции тут же уходил за границу. В декабре 1922 г. отряд находился на реке Ульдзе (130 верст от Маньчжурии). Направленный на его уничтожение отряд красноармейцев и чоновцев (104 человека), часто меняя лошадей у монголов, неотступно следовал за ним. Бойцы внимательно следили за самим Гордеевым, чтобы он не сбежал тайком, к монгольским князьям, как это сделал его помощник Васильев. Все попытки отряда З.Гордеева уйти от преследования провалились. Вскоре он был настигнут и почти полностью уничтожен. Взятые в плен белогвардейцы отданы под суд⁹.

Отступивший в Китай генерал Е.Г.Сычев создал в г.Сахалияне (Хейхэ) напротив Благовещенска свою Амурскую военную организацию (АВО) с целью продолжения борьбы с советами. 20 октября 1922 г. он получил в китайском банке 16 тысяч золотых рублей для приобретения необходимого обмундирования и снаряжения ее членов. Благодаря этому белогвардейцы получили теплую одежду, по 6 долларов для оплаты «охранного листа» на право проживания на китайской территории и 40 центов в сутки на довольствие.

Белоорганизации в Маньчжурии и белоотряды, оперирующие на территории советского Дальнего Востока на 15 ноября 1922 г. выглядели так:

Командующий войсками Забайкальского фронта - генерал-майор И.Ф. Шильников, его адъютант поручик Е.Бурдуковский.

Штаб фронта: начальник штаба и начальник разведотдела полковник Трухин; начальник контрразведки генерал Куклин; квартирмейстер полковник Куклин; заведующий вооружением полковник Воронов; главинтендант капитан Новиков; адъютант прапорщик Астраханцев. Штаб располагался в районе реки Ган.

Хайларская группа - штаб находился в районе Хайлара. Командующим группы был генерал-майор Мациевский. Главные боеспособные силы группы дислоцировались на китайской территории:

1 бригада (штаб в районе реки Ган) в составе отрядов: полковника А.Размахнина - 350 сабель (на китайской территории), полковника Шадрин - 80 сабель (в районе Булдуруевского), полковника Гладышева - 50 штыков, 150 сабель и 3 пулемета (Средне-Борзинский), сотника Ивачева - 175 сабель (Цилялин). Всего: 50 штыков, 755 сабель и 3 пулемета.

2 бригада (штаб в Хайларе), комбриг генерал Федосеев, начальник штаба и начальник разведки полковник Зимин. Располагавшиеся в районе реки Ган отряды выглядели так: сотника Аникаева - 90 сабель и 2 пулемета, полковника Малкова - 100 штыков, полковника Сорокина - 60 штыков, генерала Богатырева - 30 штыков и не установленного командования - 350 штыков. Итого: 540 штыков, 90 сабель, 2 пулемета. Кроме того, вскоре к группе были приданы еще отряды полковника Углова (150 штыков, 3 пулемета), в районе Цицикара и хорунжего Вагина (50 штыков), в районе Якеши. Таким образом, численность всей группы увеличилась до 740 штыков, 90 сабель, 5 пулеметов.

Маньчжурская группа (штаб в Маньчжурии). Командующим группы был генерал Сабеев. Основу ее составляла 3 бригада - комбриг генерал Золотухин, начальник штаба есаул Колесников, в которую входили отряды: капитана Брагина - 50 штыков, штаб-капитана Бондарева - 40 штыков, прапорщика Зябликова - 20 штыков; полковников: Сабанова - 400 сабель, Топоркова - 50 сабель и Савицкого - 170 сабель. Вблизи советской границы располагались отряды: вахмистра З.Гордеева - 120 штыков и 2 пулемета, Бородина - 200 штыков, капитана Колесникова (неустановленной численности). Отряд полковника Ивачева в 150 сабель дислоцировался в районе местечка Чжалайнор. Всего в группе насчитывалось 430 штыков, 770 сабель и 2 пулемета. Неполные сведения имелись по другим отрядам: хорунжего Тапхаева - 350 сабель в районе Чик-Чирака, белоорганизации генерала С.Н.Барышникова и отряде полковника Д.Ф.Карлова - 350 штыков в Харбине.

Белоорганизация генерала Сычева (штаб в г.Сахалин), насчитывала в своем распоряжении отряды: Рухлядеева (численность не установлена) в районе с.Екатерино-Никольского; Хришева - 250 штыков в Сахалине; Лазарева (число не установлено); Перебоева - 25 штыков напротив с.Поярково; Цветкова-Рязанцева - 50 штыков в 40 верстах северо-западнее Син-Дуна; Сафронова-Шарапова - 19 штыков около Син-Дуна.

Белоорганизация есаула Сараева (штаб на заимках в районе границы с Амурской областью) имела в составе Амурский отряд Сараева - 170 сабель и 9 пулеметов, расположившийся в районе Фукдина. Здесь же были отряды Колесникова - 40 штыков, 40 военмором и воентехников и 80 артиллеристов.

Всего в белоорганизациях (по неполным данным) насчитывалось 2031 штыков, 2135 сабель, 19 пулеметов. Кроме того, имелись сведения о наличии отряда хунхузов (неустановленного командования) - 120 человек в районе Михаило-Семеновской; белоотряде Чехнена - 300 человек северо-западнее урочища Атаманское и отряде неустановленного командования - 100 человек юго-западнее с.Полтавки на китайской стороне. Всего за рубежом насчитывалось белогвардейцев: 2551 штык, 2135 сабель и 19 пулеметов.

В это же время непосредственно на территории советского Дальнего Востока действовали: в Прибайкалье - отряд Курбатова (100 штыков) в районе Татауровска; в Забайкалье - отряды есаула Токмакова (100 сабель) и Филиппова (18 сабель) в районе Кулусутаевской. В районе Размахнинской оперировали отряды сотника Рутта - 28 сабель и Субботинцева - 30 штыков. Последний вскоре был схвачен и отдан под суд. Отряды Игумнова - 50 штыков на территории Монголии, прапорщика Трофимова - 100 штыков в районе Нерчинска и Очирова - 28 штыков в районе Часучеевской готовились к новым нападениям на деревни и села Забайкалья.

Активизировались белоотряды и в Приамурье: самый крупный из них под командованием Григорьева - 50 штыков и 68 сабель с китайской территории перешел в район поселка Пашковский, где и развернул военные действия. Всего на территории советских дальневосточных губерний насчитывалось белогвардейцев - 358 штыков и 214 сабель¹⁰.

Благодаря наличию крупных вооруженных сил - 2909 штыков, 2349 сабель и 19 пулеметов - вплоть до конца 1930х годов через советско-китайскую границу проникали белоотряды с целью вновь и вновь поднять народ на борьбу с большевиками, но успеха в этом не достигли.

-
- ¹ РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории). Ф.372.Оп.1. Д.42.Л.5-8.
- ² Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922). Сб.док. -Владивосток,1955. -С.623,627; Героические годы борьбы и побед: Дальний Восток в огне Гражданской войны. -М.,1968. -С.257.
- ³ Документы внешней политики СССР. -М.,1960.-Т.4.С.153-154.
- ⁴ РЦХИДНИ. Ф.372.Оп.1.Д.13.Л.4; Д.42.Л.5-8; Д.87.Л.266-270.
- ⁵ Борьба за русский Дальний Восток. -Чита,1922. -Вып.1. -С.33-34.
- ⁶ Героические годы борьбы и побед... -С.270.
- ⁷ Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 г.г.)//Сборник. -Хабаровск,1938. -С.7
- ⁸ Октябрь на Амуре (1917-1922годы)//Сб.док. -Благовещенск,1961. -С315-317
- ⁹ См.:Фомин В.Н. Части особого назначения на Дальнем Востоке в 1918-1925 г.г. -Брянск,1994. - С.115-160.
- ¹⁰ РЦХИДНИ. Ф.372.Оп.1.Д.115.Л.94-98.
-

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ. 1918 - 1920 ГГ.

До недавнего времени вопрос издательской деятельности на территории, занятой белыми войсками в годы Гражданской войны, оставался «белым пятном» отечественного книговедения. Изучение этой издательской деятельности является частью воссоздания полной картины отечественного книгоиздания первых послереволюционных лет. На сегодняшний день в книговедении отсутствует общепризнанное определение «Белой печати». Ряд исследователей (Г.В. Михеева и др.) понимает под ним все произведения печати, вышедшие в России на территориях, временно не входивших в состав Советской России в период Гражданской войны. При этом в «Белой печати» выделяют белогвардейскую печать, посредством печатного слова реализовавшую Белую идею, и идеологически нейтральную литературу (краеведческие издания, научные труды, статистические сборники и отчеты, земские издания), восстанавливавшую издательскую структуру дореволюционной России¹.

В структуре издательской продукции периода Гражданской войны как в Советской России, так и на территориях, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами, на первом месте стояли листовки, на втором - газеты и различные бюллетени, на третьем - книжные издания брошюрного типа. Листовки были, с одной стороны, основным видом издательской продукции, с другой, основой агитации и пропаганды - как большевистской, так и антибольшевистской. В связи с этим необходимо отметить, что во время войны издательское дело, агитация и пропаганда существовали в неразрывном единстве: издательское дело было важнейшим средством агитации и пропаганды, а агитационно-пропагандистские издания являлись существенной частью издательской продукции.

Издательский репертуар Белого движения на Северо-Западе также был представлен в первую очередь листовками, затем - газетами и брошюрами. Для точного представления масштаба издательского дела необходимо уточнить, что географически Белое движение в регионе охватывало занятые Северо-Западной армией (ранее - Северным корпусом) территории Петроградской и Псковской губерний, а также тыловые базы - Эстонию (Ревель, Юрьев) и Финляндию (Гельсингфорс, Выборг). Кроме того, сюда надо добавить часть территории Латвии (Митава, Либава) и Литвы (Шавли), где находились белогвардейские русско-немецкие войска под командованием П.Р.Бермондта-Авалова. Хронологический охват издательского дела Белого движения Северо-Запада имеет своей нижней границей октябрь 1918 г., время начала формирования Русского добровольческого корпуса в Пскове. Верхней границей считается начало 1920 г., когда остатки Северо-Западной армии были интернированы в Эстонию. В дальнейшем издательское дело Белого движения на Северо-Западе стало одним из источников издательского дела русской эмиграции в Эстонии и Финляндии.

В белогвардейской печати Северо-Запада отразилось характерное для всех антибольшевистских режимов Гражданской войны противоборство «либералов» и «государственников». Суть противоборства состояла в неоднородном характере движения, в котором участвовали два основных течения: а) либерально-демократическое и социалистическое и б) государственно-патриотическое. Оба они имели общего врага - большевиков, но первое выступало за защиту идеалов Февральской революции, второе - за восстановление, в основном, порядков «единой и неделимой» России.

Соотношение сил «демократических» и «патриотических» элементов в антибольшевистском движении менялось, пока, наконец, не привело к преобладанию в нем Белой, национальной, государственно-патриотической идеи. Ход Гражданской войны знаменовался постепенным поправлением движения - от эсеро-меньшевистской и эсеро-кадетской программы (Комуч и Уфимская Директория) к правому режиму П.Н.Врангеля и Земской рати генерала М.К.Дитерихса на Дальнем Востоке².

Противоборство «либералов» и «государственников» в издательском деле движения выразилось, прежде всего, в характерном для всех Белых режимов наличии двух центров, координировавших издательскую работу по гражданскому и военному ведомствам. Так, на территории, контролируемой властью Верховного правителя России А.В.Колчака, издательским и агитационно-пропагандистским делом в армии руководили Центральный осведомительный отдел («Осверверх»), Осведомительный отдел Сибирского казачьего войска («Осведстепь») и осведомительные отделы штабов округов, а по гражданскому ведомству - Отдел печати при канцелярии совета министров Российской империи, состоявший из «Российского телеграфного агентства», «Бюро иностранной информации» и правительственного «Пресс-бюро», переданных затем акционерному объединению «Русское общество печатного дела» (РОПД). На Юге России гражданским издательским делом и агитацией заведывал знаменитый «Осваг» (Осведомительное агентство, а затем Отдел пропаганды Особого совещания), а армейским - Военно-политический отдел штаба Главнокомандующего ВСЮР. Военным делом на Севере России занималось Отделение агитации и пропаганды при штабе главнокомандующего вооруженными силами на Севере (с 1 сентября 1919 г. - Отделение военной пропаганды, затем - Культурно-просветительное отделение при штабе главнокомандующего (ОКПШГ)), по линии гражданского ведомства - Особая комиссия «для правильной постановки дела правительственной пропаганды, направленной против большевизма», учрежденная в феврале 1919 г. при отделе внутренних дел Временного правительства Северной области³.

Отношения между военными и гражданскими органами управления агитацией и издательским делом складывались напряженно, вплоть до противостояния, саботажа и т.д. Военные осведомительные службы нередко свысока смотрели на гражданских журналистов, презирали их и не всегда шли с ними на контакты, что значительно ослабляло работу информационных структур⁴. Так, Осваг на юге России постоянно встречал противодействие в воинских штабах: армейские чины отказывались содействовать сотрудникам отдела, не пускали их в воинские части, так как считали, что содержание пропаганды во многих случаях противоречит интересам офицерства. По мнению военного руководства, агитация должна была находиться в руках командного состава, особенно в прифронтовой полосе, так как общественные деятели ведут вместо государственной партийную и политическую работу⁵.

Особенно остро противостояние военных и гражданских властей в области издательского дела и агитации и пропаганды проявилось на Северо-Западе, где военное руководство фактически стояло на почве реставраторства царской России, а Северо-Западное правительство выступало с лозунгами Временного правительства. На Северо-Западе сплелись в общий клубок острые национально-политические противоречия, связанные с одним из самых болезненных вопросов идеологии Белого движения - национальным, а именно о государственном единстве бывшей Российской империи. В силу политических условий Белое движение Северо-Запада было вынуждено базироваться в Финляндии, Эстонии и Латвии. Для успешного похода на Петроград нужны были обеспеченные тылы и помощь этих молодых государств, но принципиальное положение Белой идеи о «единой и неделимой» России приходило в неразрешимое противоречие с интересами балтийских государств. Они не хотели помогать походу на Петроград, так как не без основания предполагали, что после взятия города белые штыки развернутся против них самих.

Таким образом, Белое движение на Северо-Западе явилось ярким примером внутреннего размежевания в нем противоборствовавших политических сторон. При этом либерально-демократическое направление до походов на Петроград было представлено петроградскими, гельсингфорскими и ревельскими политиками лево-кадетской ориентации, а впоследствии к ним добавились представители городской интеллигенции занятых белыми крупных городов Северо-Запада - Глова, Ямбурга, Пскова.

Военное и гражданское противостояние в издательском деле Белого движения ярко проявилось как в Эстонии и Финляндии, так и на территории русского Северо-Запада (т.е. на занятых белыми войсками землях Петроградской и Псковской губерний).

Возможности издательского дела Северо-Запада определялись достаточно сильно развитой полиграфической базой, существовавшей ко времени Гражданской войны и сформировавшейся, в целом, к Первой мировой войне.

В развитии Белого движения на Северо-Западе можно выделить несколько этапов, каждый из которых имел свои характерные особенности и влияние на издательскую деятельность:

1). Формирование Добровольческого корпуса в Пскове (октябрь - ноябрь 1918 г.), пребывание его на территории Эстонии (ноябрь 1918 - май 1919 г.), организация русских сил, ориентированных на Белое движение, в Эстонии, Финляндии и Латвии;

2). Весеннее наступление и попытки удержать части территории Петроградской и Псковской губерний (май - сентябрь 1919 г.), деятельность русских политических сил в Эстонии и Финляндии, организация русско-немецких Белых сил в Латвии;

3). Осеннее наступление (октябрь - начало ноября 1919 г.);

4). Поражение и разгром Северо-Западной армии (ноябрь 1919 г. - март 1920 г.), отступление и интернирование в Эстонии, разгром движения в Латвии.

1-й этап

Формирование военных русских сил в Пскове под эгидой немецких оккупационных властей началось с осени 1918 года. Вопросам агитации и пропаганды уделялось первостепенное значение. На первом совместном совещании русских и германских представителей по выработке условий формирования армии 10 октября 1918 г. в Пскове, принявшем решение сформировать самостоятельный Псковский добровольческий корпус (с последующим переименованием его по мере увеличения численного состава в Северную армию), было учреждено Русское агитационное бюро, получившее полную самостоятельность⁶. В тот же день в Пскове отпечатали и расклеили объявление от имени Русской армии. Оно произвело большой эффект. «Офицерство ликовало, штатская публика внимательно прочитывала объявления, но оставалась нахмуренной. Простой народ собирався кучами, громко обсуждал каждую фразу объявления и - одобрял»⁷.

21 октября 1918 г. состоялось первое военное совещание под председательством командующего корпусом генерала А.Е.Вандама, на котором в числе прочих вопросов было принято решение о возложении на вербовочные бюро дополнительных функций. В Псковском бюро, которое на первых порах являлось главным учреждением формирующейся армии, сосредотачивалась агитационная часть, редакция армейской газеты, сбор и систематизация статистических сведений и др.⁸

Формирование корпуса сопровождалось изданием различных пропагандистских воззваний⁹. Например, в первый же день по прибытии в Псков командиры красноармейских частей, перешедших к белым, С.Н.Булак-Балахович и Б.С.Пермикин обратились к населению с печатным заявлением. В нем говорилось, что солдаты не обидят населения и что их отряд пришел грудью своей защищать край от большевиков¹⁰.

Территориально в период формирования корпуса Белое движение на Северо-Западе существовало в Пскове, Острове, Режице¹¹. В Острове в этот период издавалась антибольшевистская «Моя газета», редактором которой являлся Н.Г.Козырев (псевдоним Н.Бережанский). До революции он работал в петербургских газетах «Новое время», «Вечернее Время», «Русь», в журналах «Нива», «Родина», «Журнал для всех», был финляндским корреспондентом «Русской Воли» и «Утра России», увлекался современным фольклором и выпустил ряд фольклорных записей. В 1918 г. бежал в Латвию, где сыграл значительную роль в становлении русской журналистики в Риге (участвовал в газетах «Наши дни», «Рижское слово», «Сегодня», «Рижский курьер»)¹².

Поражение Германии в Первой мировой войне, последовавшая за ним революция и аннулирование Брест-Литовского договора прервали процесс формирования Псковского корпуса. При наступлении Красной армии его части отходили вместе с немецкими войсками. Псков был оставлен 25 ноября 1918 г. К 1 декабря части дислоцировались в районе Верро, Печор, Крейсбурга, Валки. При дальнейшем наступлении Красной армии части корпуса оказались разрозненными: большая часть оказалась в Эстонии, меньшая - в Латвии.

30 ноября 1918 г. последовал официальный отказ Германии от снабжения Русского добровольческого корпуса¹³. Одновременно с этим правительство Эстонии согласилось принять его на службу, заключив 6 декабря 1918 г. договор с командованием Северного корпуса о подчинении соединения во время боевых действий эстонскому главнокомандующему и обеспечении корпуса всем необходимым за счет Эстонии (в качестве долга будущему правительству России). Общим врагом были признаны большевики, главным направлением действий корпуса - Псковская область.

В начале 1919 г. Северный корпус принимал участие вместе с эстонскими войсками в отражении наступления Красной армии на территории Эстонии¹⁴. После прекращения к концу янва-

ря 1919 г. активных боевых действий в районе Нарвы и Пскова на протяжении зимы и весны происходило переформирование корпуса, накопление сил, разведка боем.

Издательская деятельность корпуса в этот период ограничивалась только изданием листовок. Периодических изданий не выходило.

В этот же период происходила организация русских общественных и военных сил, ориентированных на Белое движение, в Эстонии, Финляндии и Литве.

ЭСТОНИЯ

24 февраля 1918 г. была провозглашена независимость Эстонии, но затем республику оккупировали немецкие войска. Однако 11 ноября вновь образовалось Временное правительство Эстонии во главе с К.Пятсом. 19 ноября в Риге был подписан «Договор о передаче власти», который положил начало Эстонской республике. Последние немецкие войска покинули северную Эстонию 9 декабря, а южные районы 23 декабря. Исходя из постановления ВЦИК от 13 ноября 1918 г. об аннулировании Брестского мира, 22 ноября части Красной армии начали наступление на Нарву, а потом на Ревель. 14 ноября Временное правительство Эстонии обратилось за помощью к Англии и Франции, причем Англия почти немедленно откликнулась на просьбу, ибо это отвечало ее собственным задачам: по соглашению между Англией и Францией от 26 декабря 1917 г. Прибалтика была признана сферой влияния Англии¹⁵. В январе 1919 г. частям Красной армии и красным эстонским войскам, находившимся от Ревеля на расстоянии 30-35 км, было нанесено поражение. В феврале эстонское правительство установило контроль над подавляющей территорией республики.

Русское население Эстонии было неоднородно. Большинство составляли коренные «местные» русские, жившие большей частью на восточных окраинах - в Печорском крае, Принаровье и Причудье. Много русских жило в Нарве, где они составляли 1/3 населения, и в Ревеле (на 17 апреля 1918 г. - 5.188 человек)¹⁶. Русское население крупных городов было представлено, в основном, представителями интеллигенции и чиновничеством¹⁷. В Ревеле существовали созданные еще до революции Русское общественное собрание, Русский семейный кружок. Во время германской оккупации возникло Русское общество вспомоществования.

Однако при немцах русская общественная мысль в Эстонии была в упадке. В Ревеле в этот период не выходило не одной русской газеты, закрылись театр, школы и т.д.

После ухода оккупантов русская жизнь в Эстонии, в том числе и издательская деятельность, заметно оживилась¹⁸. При этом русская общественная жизнь в Эстонии складывалась в период с конца 1918 г. из двух основных течений: одно было непосредственно связано с Белым движением Северо-Запада, другое - с интересами русской эмиграции в Эстонии. Оба течения тесно переплетались и были взаимосвязаны. Принципиальным вопросом для русских кругов Эстонии являлось признание независимости республики.

28 ноября 1918 г. по инициативе старейшин Русского семейного кружка в Ревеле состоялось собрание русской общественности, избравшее Временный Русский совет, который в свою очередь обязывался созвать съезд представителей русских организаций в Эстонии для избрания постоянного совета, призванного сыграть роль представительного органа русского меньшинства в Эстонии. До этого съезда на Временный Русский совет возлагалась задача по установлению отношений с эстонским правительством. Председателем Русского совета стал бывший депутат II Государственной Думы князь С.П.Мансырев, приехавший из России в Эстонию в октябре того же года.

Временный Русский совет состоял, в основном, из правых деятелей (Р.С.Ляхницкий, князь С.П.Мансырев и др.) и на первых порах стоял на позициях единой и неделимой России и непризнания независимости Эстонии, поэтому отказывался в начале от избрания русского представителя в эстонское правительство. В дальнейшем совет так и не провел намеченного съезда. Он не смог объединить русских в Эстонии, авторитетом у них не пользовался и особой активности не проявлял. Организация просуществовала на протяжении 1919 г., но с осени почти никакой роли в общественной жизни не играла¹⁹.

Одной из существенных сторон деятельности Временного Русского совета стало участие в издании газеты «Ревельское слово». Решение о возобновлении издания русской газеты было принято на том же собрании русской общественности Ревеля 28 ноября 1918 г., на котором был избран сам совет. Однако на практике первый номер издания вышел еще 26 ноября. Это была первая русская газета, начавшая печататься после немецкой оккупации. Она считала себя продолжательницей издававшейся под тем же названием в 1917-1918 гг. в Ревеле газеты, закрытой большевиками. Как отмечает С.Г.Исаков, «Ревельское слово» в этом отношении было единственным связующим звеном между двумя периодами в истории русской печати в Эстонии»²⁰.

Газета издавалась с 26 ноября 1918 г. по 30 апреля 1919 г., всего вышло 123 номера. Редактором газеты являлся Р.С.Ляхницкий, ставший в 1919 г. военным прокурором Северо-Западной армии²¹. В редакционной статье первого номера она была охарактеризована как «беспартийный орган русского меньшинства здешней окраины»²². Газета выступала за борьбу с большевизмом и за воссоздание единой и неделимой России. «Ревельское слово» в известной мере можно считать органом Временного Русского совета, оно стояло на позициях, близких к Белому движению.

В передовой статье первого номера недвусмысленно указывалось на недопустимость эстонской самостоятельности. Такая позиция вызвала бурю в местной эстонской прессе. Чтобы смягчить скандал, в редакцию газеты ввели С.П.Мансырева, стоявшего на более умеренных взглядах. В разное время в редакцию газеты также входили И.М.Горшков, Н.М.Васильев, В.И.Новицкий, А.В.Чернявский²³.

Влияние на газету «Ревельское слово» постоянно оказывало столкновение в начале 1919 г. двух групп во Временном Русском совете: военных - старших офицеров Русского Северного корпуса, находившихся под влиянием гельсингфорсской группы Н.Н.Юденича и выступавших за единую и неделимую Россию, военную диктатуру и т.д. - и либералов-интеллигентов. Попытки С.П.Мансырева преодолеть раскол не удались, а газета «Ревельское слово» все более и более стала поддерживать курс на «единую и неделимую». Не согласившись с такой позицией, С.П.Мансырев 1 февраля вышел из состава редакции²⁴.

Поддержка эстонской независимости была связана с деятельностью присяжного поверенного Н.Н.Иванова, приехавшего в Ревель к концу января 1919 г. По свидетельствам современников, Иванов являлся политиком, сочетавшим в себе энергичность, трудолюбивость, кипучую деятельность с авантюризмом, неразборчивостью в средствах и самовлюбленностью²⁵. М.С.Маргулиес рисует такой портрет Н.Н.Иванова: «стройный шатен с дерзкими, немного истеричными глазами, плавной речью, хорошей аргументацией»²⁶.

В своих воспоминаниях Н.Н.Иванов называл себя «единственным русским, пропагандировавшим идею эстонского самоопределения»²⁷. «В русской колонии в Эстонии я был активным выразителем всех антиреакционных настроений..., так как остальной состав нашей демократической группы носил при всем своем рвении все же обывательский отпечаток, а других групп вовсе не было»²⁸.

Н.Н.Иванов пытался склонить на свою сторону Русский совет и нашел союзника в лице С.Н.Булак-Балаховича. Ивановым была сделана попытка создания демократической партии. Для ведения подготовительной работы была образована инициативная группа для выработки программы в составе самого Н.Н.Иванова, С.П.Мансырева, Л.К.Геймана, И.М.Горшкова²⁹. Партия стояла на позициях, близких к левокадетским, полностью признавала право «окраинных» народов России на самоопределение, признавала независимость Эстонии³⁰. Проект был еще в стадии обсуждения, когда 12 февраля в Ревеле стала распространяться программа «Практической народной партии», напечатанная лично по распоряжению Иванова и на его средства, с использованием в ней элементарного политического подлога. Партия Иванова оказалась «мыльным пузырем», практически результаты деятельности были ничтожными.

Для налаживания диалога с эстонской общественностью и властями Иванов, в условиях, когда, по его словам, единственная русская газета города - «Ревельское слово» - своим демонстративным непризнанием эстонской независимости компрометировала русское общество, предпринял издание «подлинного органа печати», которым должна была стать его газета «Новая Россия»³¹.

Таким образом, с 12 марта 1919 г. в Ревеле Н.Н.Иванов при поддержке эстонского правительства и группы С.Н.Булак-Балаховича издает ежедневную демократическую газету «Новая Россия» (выходившую до 1 ноября). В первом же номере газеты заявлялось, что она выступает как против большевиков, так и против монархистов - «за новую демократическую Россию»³². По словам самого Иванова, газета носила «левокадетский» характер, была «демократического склада, принявшая принцип самоопределения окраинных народов и установившая новые основы русского поведения»³³. Лозунгами газеты стали «Свобода, труд, собственность»³⁴. Цели газеты определялись следующим образом: «Объединение вокруг правдивого живого слова пусть станет заботой не только тех, кто познал его силу горем и тяжкими страданиями, но и каждого русского. И объединяйтесь, радуйтесь, русские люди, нашей радостью от обретения свободного слова, ибо потерянную свободу Родины мы найдем только через свободное слово...»³⁵. «Новая Россия» приняла скромную демократическую платформу без демагогических выкриков и остановилась на практической программе, основные пункты которой сводятся к борьбе с большевизмом, к устройству новой России на демократических началах, к созыву нового Учредительного Собрания и к временному сохранению нынешнего положения земельных дел»³⁶.

Техническим редактором являлся присяжный поверенный И.М.Горшков, до этого входивший в редколлегию газеты «Ревельское слово». Чтобы придать изданию более широкое общественное звучание, по просьбе Иванова в состав редакции вошел председатель Русского совета С.П.Мансырев. Секретарем редакции газеты «Новая Россия» стал недавний студент Л.П.Михельсон, окончивший экономическое отделение Политехнического института в Петрограде, придерживавший социалистических взглядов и участвовавший в середине 1919 г. в объединенной социалистической группе. В «Новую Россию» перешел также сотрудник «Ревельского слова» А.В.Чернявский.

Всего вышло 178 номеров газеты, из них в номерах 16-20, 28-30 редактором указан И.М.Горшков, в номерах 89-91 и 148-177 - Н.Н.Иванов, в номерах 92-147 - С.П.Мансырев.

Постоянными рубриками газеты «Новая Россия» были: «Местная хроника», «Сообщения», «Сообщения штаба Главнокомандующего», «Телеграммы».

Авторами литературных материалов, опубликованных в газете, являлись: поэзии - Е.Яновская, прозы - А.Чернявский. Как отмечает С.Г.Исаков, «литературный отдел в «Новой России» фактически отсутствовал, если не считать публикации отдельных стихотворений никому не известных поэтов-дилетантов»³⁷. Все основные статьи в «Новой России» писались Н.Н.Ивановым (под псевдонимом Приезжий), он же давал большинство информационных материалов. Кроме Н.Н.Иванова, авторами статей были И.М.Горшков, С.П.Мансырев, С.Машнев, Л.П.Михельсон (под псевдонимом Л.Павлович), М.Танеев, А.Чернявский. Ряд статей были подписаны псевдонимами и инициалами - Арруэт, Летописец, Р.Ж.³⁸

15 марта 1919 г. в газете «Новая Россия» была опубликована программа «Практической народной партии» Н.Н.Иванова³⁹.

В конце апреля из-за недостатка средств закрылась газета «Ревельское слово», и «Новая Россия» стала формировать русское общественное мнение в Эстонии⁴⁰. В своих публикациях газета выступала за признание независимости Эстонии, русско-эстонское сотрудничество в деле борьбы с большевизмом. На ее страницах печатались материалы, разоблачавшие черносотенство и монархизм командования Северного корпуса, его стремление к военной диктатуре. Восхвалялся С.Н.Булак-Балахович и его «воинство». «Газета сразу завоевала общественные симпатии, расходясь в громадном количестве экземпляров по всей Эстонии в Русской армии»⁴¹.

Пропаганда означенных идей в «Новой России» вызвала негативную реакцию в военном командовании Северного корпуса. Штаб корпуса запретил распространение газеты в войсках. Однако, как отмечал впоследствии Н.Н.Иванов, эти запреты только еще больше заинтриговывали. Штаб Северного корпуса вынужден был читать («со спазмами») «Новую Россию» и «считаться с нею настолько, что вскоре вследствие нашей газетной кампании покинул пост начальник штаба Корпуса полковник фон-Валь...»⁴².

Значительная часть русской общественности Эстонии не была непосредственно связана с Белым движением, хотя в той или иной степени испытывала его влияние. В 1919 г. почти все общественные и политические объединения русских в Эстонии рассматривали свое пребывание в республике как сугубо временное, до свержения большевиков, которое представлялось делом ближайших месяцев⁴³. В период 1919 - 1921 гг. культурная жизнь русских в Эстонии была весьма интенсивной - действовали театры (в Ревеле - Русский театр, открывшийся 26 декабря 1918 г., опереточно-драматические группы в «Пассаже» и «Гранд-Марине» и т.д.), пользовались успехом балетные и оперные выступления⁴⁴. Много проживало в республике русских художников, некоторые из них позже вошли в художественную жизнь Эстонии (В.А.Чернов, А.Д.Кайгородов, О.В.Обольянинова, А.Н.Гринев и др.)

В республике в это время находилось значительное количество русских литераторов. Крупнейшим из живших в Эстонии русских поэтов был И.Северянин (М.В.Лотарев). В начале 1918 г. он переехал из Петрограда в местечко Тойла на берегу Финского залива, где еще до революции время от времени проводил лето (28 января 1918 г. - с этого дня И.Северянин вел отсчет нового, эстонского, периода своей жизни).

Период 1918 - 1920 гг. оказался очень продуктивным для поэта в творческом плане и переломным во всех отношениях - биографическом (переезд в Эстонию), мировоззренческом (переход на позиции абстрактного гуманизма) и творческом (демонстративный разрыв с модернистскими течениями 1910х гг. и декларирование верности русской классической традиции)⁴⁵. В 1918 г. им было написано более 100 стихотворений, а в одном только январе 1919 г. - 57. В эти годы И.Северянин создает свои сборники стихов «Соловей» (объединив поэзию 1918 г.), «Вербэна» (стихотворения 1918 - января 1919 гг.), «Менестрель» (стихотворения февраля - декабря 1919 г.), «Фея Eiole» (работы 1920 - 1921 гг.), восстанавливает по памяти сборник «Миррэлия», оставлен-

ный в Москве у издателя и затерявшийся. Эти книги выходили не в том порядке, в котором создавались⁴⁶.

В 1918 г. И.Северянин установил связь с эстонским юрьевским издательством «Одамеэс», во главе которого стоял К.Сарап (летом проводивший отдых в Тойла). Поэт посвятил ему стихотворение «Блестящая поэза». В этом издательстве в 1919-1920 гг. были опубликованы три книги И.Северянина - сборники его избранных произведений «Creme des Violettes» и «Punajogi» (оба - 1919 г.) и том новых поэм 1918 - 1919 гг. «Вервэна» (1920). В эти годы И.Северянин был популярен не только у русской читающей публики, его хорошо знали и многие эстонские читатели. С 1920 г. поэт сотрудничал в газете Р.С.Ляхницкого «Последние известия» (Ревель). Со второй половины года И.Северянин начал печататься в других зарубежных русских изданиях - «Сегодня» (Рига), «Последние новости» (Париж) и т.д. В 1921 - 1923 гг. в Берлине вышло 6 книг стихов И.Северянина⁴⁷.

В стихах поэта отчетливо отразилось отношение к событиям Гражданской войны: он был раздавлен хаосом происходящих событий - войной, революцией, внутренними «смутами». Ему казалось, что рушится культура, цивилизация, гибнет искусство, - это пришествие «хама» на землю. При этом И.Северянин не делал особой разницы между красными и белыми, его отношение к ним было «амбивалентно-отрицательное»⁴⁸. При этом в оценке сторон поэт исходил не из социальных или этических критериев, а из эстетических, и главным образом «эготических» (см., например, стихотворение «Крашеные» из сборника «Вервэна»). Поэт оценивал события прежде всего по тому, как они отразились на его личной судьбе.

Если в 1918 г. у И.Северянина встречается несколько стихотворений, прославляющих Ленина как миротворца, то в 1919 г. в некоторых произведениях он («во имя искусства») приветствует поход Северо-Западной армии на Петроград (см. сборник «Вервэна»). Одновременно в 1919 г. в стихах И.Северянина (см. сборник «Менестрель») есть и насмешки над Белой эмиграцией. В русской периодической печати Эстонии и, в частности, в белогвардейских изданиях, в 1919 г. И.Северянин не сотрудничал. Известна публикация лишь одного его стихотворения - «Поэза о Эстонии» - в газете Северо-Западного правительства «Свобода России» 13 ноября 1919 г., идейно созвучного позиции газеты. В той же газете в первой половине 1920 г. был опубликован ряд статей о творчестве И.Северянина Н.Негорев «Ветер с моря» (1920.-11 марта) и С.Штейна «Песни усталости» (1920.-19 мая), в которых предпринималась одна из первых в русской критике попыток выявить и проанализировать те изменения, которые произошли в творчестве Северянина после революции.

Позиция И.Северянина объяснялась его отрицательным отношением ко всякой войне, сознательной принципиальной «бестенденциозностью», отказом от всякой политики, которая, в сознании поэта тех лет, всегда связывалась с войной, национальной ненавистью, враждой и противостояла «Любви, Свободе и Природе», всеобщему братству. Это отразилось в его стихах «Вне политики» 1918 г. из сборника «Соловей» и «Долой политику!» 1921 г. из сборника «Фея Еюле»⁴⁹. И красные, и белые в одинаковой мере ассоциировались в сознании И.Северянина с ненавистной ему «политикой», с войной, кровопролитием, «злостью». Вместе с тем если в стихах 1919 г. больше подчеркивается вина «черни», народа, красных в гибели культуры и цивилизации, то в 1920 - 1921 гг. выступления И.Северянина против Советской России становятся более редкими, он отмежевывается от призывающих к интервенции⁵⁰.

Русскую литературную жизнь в 1919 - 1921 гг. в Эстонии определяли прежде всего местные авторы. Эстония с самого начала играла роль периферии, провинции русского Зарубежья. За исключением И.Северянина, в Эстонии в этот период не было крупных русских писателей, сыгравших важную роль в развитии русской зарубежной литературы⁵¹.

Как указывает С.Г.Исаков, к 1919 г. относится первый известный исследователям проект издания русского литературного журнала в Эстонии. Он принадлежал группе левых литераторов, связанных с Социалистическим блоком в Ревеле и с газетой «Свободная Россия». Планировавшийся журнал должен был называться «Братство народов» и ставил целью «объединение эстонской и русской демократии»⁵². Кроме русских литераторов, в нем намеревались сотрудничать и эстонские писатели. «По-видимому, дело ограничилось лишь проектом, журнал в свет не вышел»⁵³. Следующая попытка издания литературного журнала (под названием «Заря») относится к марту 1920 г., однако она тоже осталась неосуществленной. В июне 1920 г. идея русского чисто литературного журнала осуществилась в виде еженедельника литературы, искусства, науки и жизни «Облака»⁵⁴.

В 1919 - 1920 гг. в Эстонии на русском языке выходили также еврейские издания. С.Г.Исаков указывает, что они издавались даже более интенсивно, чем русские⁵⁵. В 1919 г. вышло восемь номеров двухнедельного журнала, посвященного вопросам еврейской общественной жизни «Еврейская молодая мысль» и один номер еженедельного общественно-литературного и научного журнала «Кодимо», а в 1920 г. восемь номеров журнала «Еврейское слово».

ФИНЛЯНДИЯ

К началу мая 1918 г. с помощью германских войск была подавлена начавшаяся в конце января революция в Финляндии. 14 апреля германские войска захватили Гельсингфорс, 29 апреля - Выборг. 15 мая финляндский парламент заявил о разрыве отношений с Советской Россией⁵⁶.

После подавления революции Финляндия считалась сильнейшим из новых государственных образований на Северо-Западе, имела важное стратегическое положение для захвата Петрограда и всей борьбы в регионе. В условиях экономического кризиса Финляндия вела в отношении Советской России политику «ни войны, ни мира», которая вселяла в русские антибольшевистские силы надежду на использование ее территории в качестве политического и военного плацдарма для свержения советской власти⁵⁷.

Для русского Белого движения в Финляндии краеугольным камнем стал вопрос об отношении к независимости страны. Либеральные деятели были готовы на ее признание, в то же время правые круги эмиграции смотрели на Финляндию как на самовольно «отложившуюся» автономию.

Одной из первых попыток самоорганизации русских в Финляндии в это время было образование в конце апреля 1918 г. в Гельсингфорсе по инициативе профессора местного университета К.И.Арабажина общества «Русская колония в Финляндии», призванного защитить интересы русских граждан. Он же стал первым председателем совета общества⁵⁸. Как отмечают исследователи, по-видимому, существенной политической роли эта организация в указанное время не сыграла⁵⁹.

С 13 по 26 марта 1918 г. в Гельсингфорсе издавалась ежедневная газета «Голос русской колонии» (вышло 12 номеров), затем под названием «Русский голос» (номера 13-29, 27 марта - 16 апреля). С 23 апреля по 23 мая здесь же выходила ежедневная вечерняя газета «Русский вестник» с подзаголовком «Орган, изд. при Дипломатическом представительстве России в Гельсингфорсе». Всего издано 29 номеров⁶⁰.

Активизация русских антибольшевистских сил в Финляндии произошла осенью 1918 г. Причем в роли организатора на первых порах выступил бывший премьер-министр царского правительства А.Ф.Трепов, образовавший с разрешения финских властей в Гельсингфорсе (отделение в Выборге) «Особый комитет по делам русских в Финляндии», официальной задачей которого была помощь нуждающимся, защита русских интересов в Финляндии и пропаганда в европейском общественном мнении идеи оказания поддержки России в борьбе с большевизмом на ее территории⁶¹. Из Петрограда в Гельсингфорс перебрались правые кадеты И.В.Гессен, Е.И.Кедрин, Д.Д.Гримм и другие.

В начале 1919 г. первенствующую роль в русской эмиграции стал играть кадет А.В.Карташев, бывший министр исповеданий во Временном правительстве А.Ф.Керенского последнего состава. Г.Л.Кирдецов называл Карташева «душой и мозгом» русского Белого дела в Финляндии⁶². 16 января он стал председателем Русского комитета и именовался официально «главноуполномоченным северо-западной организации России»⁶³. В общеполитических вопросах Карташев вел двойную линию, причем часто было трудно разглядеть его истинное политическое лицо⁶⁴. За неизменное свойственное Карташеву «богословско-олимпийское спокойствие»⁶⁵ русские в Белом Пскове и Ревеле прозвали его «митрополитом в сюртуке»⁶⁶. Карташев принципиально выступал за сильную власть, подразумевая под этим военную диктатуру; против независимости Эстонии; в отношении Финляндии считал, что ее независимость будет нуждаться в санкции Учредительного собрания.

В составе Русского комитета была выделена комиссия по делам печати под председательством А.В.Карташева в составе С.Г.Лианозова, А.А.Буксгевдена, Ф.А.Добрынина, В.П.Шуберского⁶⁷. Обеспечение зарубежной печати информацией о деятельности комитета возлагалось на создаваемое телеграфное агентство. Весной Русский комитет единогласно принял разработанный Г.Л.Кирдецовым проект отдела агитации, пропаганды и устройства бюро печати с отделениями в Париже, Лондоне и других европейских столицах. В тех условиях, когда «Unipon» Бурцева и Осваг Деникина еще не функционировали, именно Гельсингфорс и Ревель, географически наиболее близкие к Петрограду, могли быть главными центрами информации о Советской России⁶⁸.

Вскоре в руки комитета перешла гельсингфорская газета «Русская жизнь», первый номер которой вышел 2 марта. Ее предшественниками были газеты «Русский листок» и «Северная жизнь».

«Русский листок» выходил в Гельсингфорсе с 7 июня 1918 г. по 28 февраля 1919 г. и имел подзаголовок «Ежедневная газета. Орган защиты русского населения в Финляндии». В 1918 г. вышло 205 номеров, в 1919 г. - 47 номеров.

«Северная жизнь» также издавалась в Гельсингфорсе. В 1918 г. вышло 12 номеров (26 ноября - 31 декабря), в 1919 г. - 47 номеров (3 января - 28 февраля). В 1918 г. номера 3-12 имели подзаго-

ловок «газета русского населения в Финляндии», в 1919 г., начиная с первого номера - «Ежедневная газета русского населения в Финляндии». Редактором-издателем был Т.Ф.Странберг, газета выходила при ближайшем участии А.В.Игельстрома и Е.А.Ляцкого⁶⁹.

Редактирование «Русской жизни» осуществлялось К.И.Арабажиным и Е.А.Ляцким, причем Арабажину неоднократно делались «внушения» за «чрезмерный либерализм», и газета вынуждена была постоянно лавировать в политическом отношении⁷⁰.

Кроме Трепова и Карташева, политически значимой русской фигурой в Финляндии, стал генерал Н.Н.Юденич. Он появился в Гельсингфорсе в начале 1919 г. и был единственным генералом с крупным именем среди местного Белого лагеря. Поэтому именно на него «Особый комитет по делам русских в Финляндии» стал смотреть как на будущего главнокомандующего, оказывая всемерную поддержку. Юденича можно охарактеризовать в гораздо большей степени как военного, чем тонкого и дипломатичного политика. А.И.Куприн в рассказе «Купол святого Исаакя Далматского» характеризует Юденича как «доблестного, храброго солдата, честного человека и хорошего военачальника», но не имевшего так требовавшихся от него способностей к дипломатической и политической деятельности⁷¹.

В Политическом совещании при Н.Н.Юдениче, созданном 24 июля 1919 г. в Гельсингфорсе и задуманном как ячейка государственной власти на Северо-Западе на принципах военной диктатуры, вопросами печати и агитации занимался сначала генерал-лейтенант В.Д.Кузьмин-Караваев, профессор-юрист, член Государственной Думы двух первых созывов, прогрессист, в предреволюционные годы занимавший умеренно-либеральные позиции, за время революции резко эволюционировавший вправо и имевший репутацию «либерала среди генералов и генерала среди либералов»⁷². В отношении печати Кузьмин-Караваев при обсуждении вопроса в Политическом совещании о печати в освобожденном от большевиков Петрограде заявил, что никакой свободы печати не будет нужно, достаточно издавать только один «Правительственный вестник». Карташев возразил против такого мнения и вынужденно замял вопрос. Как отмечает М.С.Маргулиес, Кузьмин-Караваев был настроен непримиримее всех в Политическом совещании в отношении будущего положения печати в Петрограде, обычно заявляя: «какие там права города, какая пресса, - штык и больше ничего»⁷³.

А.В.Карташев в Политическом совещании возглавлял сношения с иностранными правительствами, Русским политическим совещанием в Париже, другими антибольшевистскими правительствами, а также занимался вопросами религии и благотворительности. Впоследствии его избрали заместителем председателя совещания, а еще позже, 3 июля 1919 г., в ведение Карташева Политическое совещание передало печать, информацию и агитацию. Он произвел ряд кадровых перестановок в подведомственной ему структуре. В комитет прессы был назначен И.И.Тхоржевский, а в «Информационный листок» (информационное бюро) вместо И.В.Гессена, причем без его предварительного предупреждения и получения от него (Гессена) согласия, был введен Г.Л.Кирдецов. При этом, как отмечает М.С.Маргулиес, указанное информационное бюро было оформлено органом Политического совещания. После отстранения И.В.Гессена из информационного бюро он заявил Карташеву, что будет издавать бюллетень независимо от Политического совещания⁷⁴.

Официозом Политического совещания стала газета «Русская жизнь» с тиражом в 2.500 экземпляров в день. Ее редакторами являлись В.Д.Кузьмин-Караваев и И.И.Тхоржевский, прово-

Юденич Николай Николаевич (1862-1933), генерал от инфантерии, в 1919 г. командующий Северо-Западной Белой армией.
Фото августа 1917 г.

дившие монархическую направленность. Но после того, как она проявилась в передовой статье - объявлении в траурной рамке о назначенной в местном православном соборе панихиде по Николаю II, а также в публикации фельетона барона Н.В.Дризена (до революции - инициатора и режиссера «Старинного театра» в Петербурге) «Антисемит», Кузьмин-Караваев был отстранен от редакции, так как эти материалы давали повод для нападок на Белое движение, обвинений его в монархизме и черносотенстве.

Для предотвращения новых монархических и иных выпадов «Русской Жизни» Карташев решил поставить газету под контроль созданного при отделе агитации и пропаганды Политического совещания особого Совета - комиссии по контролю информации (под ведомством Гессена) и офицоза (под ведомством Кузьмина-Караваева).

Впоследствии газета называлась «Новая Русская жизнь» (с 5 декабря 1919 г.), под этим названием вышло 19 номеров в 1919 г. (5 - 31 декабря), 268 номеров в 1920 г., 302 номера в 1921 г. и 124 номера в 1922 г. Продолжением «Новой Русской жизни» стали ежедневная газета «Русские вести» (№ 1 от 16 июня 1922 г. - № 401 от 31 октября 1923 г.), а затем ежедневная газета «Новые русские вести» (№ 1 от 16 декабря 1923 г. - № 747 от 24 июня 1926 г.)⁷⁵.

Как отмечал М.С.Маргулиес (впоследствии министр торговли, снабжения и народного здоровья), демократическую часть русской эмиграции в Гельсингфорсе представляли, кроме него самого, А.И.Каминка и И.В.Гессен. А.В.Карташев в силу своей слабости не способен был, по мнению М.С.Маргулиеса, противостоять влиянию генералов в Политическом совещании, где «ему приходилось бороться совершенно одному, без поддержки с чьей бы то ни было стороны». Когда Карташева упрекали в тех или иных реакционных шагах, которым он не противодействовал, он неизменно говорил: «я бессилён, я окружен предателями»⁷⁶.

Интересная страница истории агитационно-пропагандистского и издательского дела Белого движения Северо-Запада (в Финляндии) связана с писателем Л.Н.Андреевым.

С весны 1908 г. местом постоянного жительства Л.Н.Андреева и его семьи стала финская деревня Ваммельсуу на Карельском перешейке, где у него был собственный дом. С осени 1916 г., в связи с работой в газете «Русская воля», Андреев снимал квартиру в Петрограде, но сразу же после октябрьского переворота, 26 октября 1917 г., Андреев уехал из Петрограда в Ваммельсуу.

Семья Андреевых разделила с жителями Финляндии материальные лишения и невзгоды периода Гражданской войны, а также потерю прав, в качестве граждан бывшей Российской империи, с переходом на неопределенный статус беженцев, а также финансовым разорением из-за потери хранившихся в петроградских банках денег. Из-за тяжелых условий с конца августа 1918 г. Андреевы жили на разных дачах в соседней с Ваммельсуу деревне Тюрисево. В Ваммельсуу они возвращались на несколько недель в мае - июне 1919 г. В конце лета 1919 г., когда Тюрисево стало опасным из-за бомбежек большевистских самолетов, Андреевы переехали на дачу Ф.Н.Фальковского в Нейволу.

Л.Н.Андреев был открытым и непримиримым противником большевиков еще задолго до октябрьского переворота, о чем свидетельствовали его многие статьи в газете «Русская Воля» после Февральской революции. В большевизме Андреев видел человеконенавистническую идеологию, во имя которой топили Россию и ее вековую культуру в кровавом море жестокости, насилия и террора. Несмотря на крайне трудное положение со средствами, Леонид Николаевич отказался в начале 1919 г. от предложений большевиков о сотрудничестве в издательстве «Всемирная литература» за солидный денежный оклад.

Начало Белого движения было воспринято Л.Н.Андреевым с надеждой, как начало возможного выздоровления русского народа. Однако в то же время Андреев писал о неизбежности партийной борьбы на этом пути: социалисты выступят против национального правительства, военные хотят «диктатуры и расстрелов». Убеждать тех и других бесполезно. Писатель не хотел «поддерживать неизбежную диктатуру и расстрелы», но и «бороться с генералами - безнадежно и глупо... гуманность! Сейчас гуманистом остался только Пилат»⁷⁷. В связи с этим Андреев формулирует свое положение: «Моя задача - прийти тогда, когда дело будет наполовину организовано, когда полоса крови, крика и всей этой неизбежной грязи останется позади» (запись от 14 августа 1918 г.)⁷⁸.

Большое влияние на Л.Н.Андреева оказал приезд в сентябре 1918 г. Н.К.Рериха, с которым он дружил уже несколько лет. Рерих активно поощрял желание писателя вернуться к творческой и публицистической деятельности и, в частности, возобновить начатую им еще в 1917 г. статьями в «Русской Воле» пропагандистскую борьбу с большевиками.

О своем участии в антибольшевистской пропагандистской деятельности и об ее исключительной важности для всей борьбы Л.Н.Андреев задумывался еще в середине 1918 г. Значительным вкладом в это дело стала статья «S.O.S.», явившаяся откликом писателя на предложение

президента США Т.В. Вильсона от имени глав делегаций союзников на Парижской мирной конференции от 22 января 1919 г. к представителям воюющих сторон в Гражданской войне в России съехаться для переговоров на остров Принкипо. Статья Л.Н. Андреева явилась страстным призывом к союзникам не предавать преданных им русских и не ввергать Россию в кровавую разруху.

Текст «S.O.S.» был передан через посредство и на деньги Особого комитета по делам русских в Финляндии (12 тыс. марок) в Западную Европу по телеграфу. Впервые на русском языке статья была опубликована в парижском «Общем деле» В.Л. Бурцева⁷⁹.

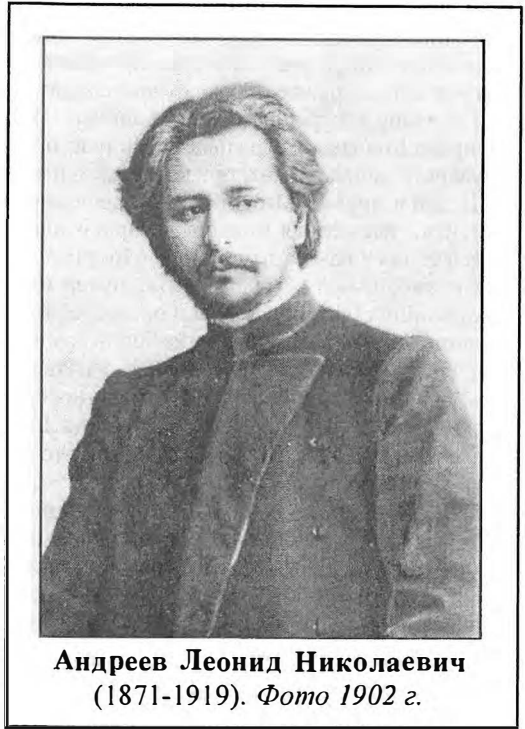
В виде отдельной брошюры в Финляндии она была отпечатана в 1919 г. три раза: в качестве бесплатного приложения к номеру 23 газеты «Русская Жизнь» от 29 марта 1919 г., в Гельсингфорсе и Выборге⁸⁰. Последняя вышла с рисунком Н.К. Рериха «Меч мужества» на обложке. На задней странице обложки было напечатано объявление: «Весь сбор от продажи поступает в распоряжение комитета Скандинавского общества помощи Российскому Воину», секретарем которого одно время являлся Н.К. Рерих.

Отдельной брошюрой «S.O.S.» вышла в Париже (с предисловием В.Л. Бурцева) в двух изданиях в 1919 г. На английском языке «S.O.S.» была опубликована в Лондоне, Нью-Йорке и в газете английских экспедиционных вооруженных сил в Архангельске. Английский перевод «S.O.S.» с предисловием П.Н. Милюкова и с обложкой известного художника Ф. Брангуина был издан лондонским Комитетом Освобождения России тиражом 10 тыс. экземпляров. Кроме того, «S.O.S.» была напечатана также на венгерском, голландском, немецком, французском, чешском и шведском языках⁸¹.

В связи с первым успехом «S.O.S.» общественный вес Л.Н. Андреева в Финляндии значительно вырос. «Сейчас от меня почти требуют, чтобы я хоть на несколько дней поехал в Гельсинки и там, в Особом Комитете, поставил дело печати и пропаганды...» - писал Андреев в дневнике от 4 марта 1919 г. (Речь шла о предложении А.В. Карташева участвовать в публицистической антибольшевистской работе). Вместе с тем плохое здоровье не позволяло писателю бросить все свои силы на эту деятельность: «Но здоровье? Но силы? Вот где мой ужас. Все обстоятельства тянут меня к участию в общей работе, к моим услугам и средства и люди...»⁸².

Л.Н. Андреев не оставлял идеи об организации крупномасштабной агитационно-издательской антибольшевистской деятельности. Он прекрасно понимал, каких сил и средств это потребует. В мае 1919 г. А.В. Карташев обращался к Андрееву с приглашением к работе, однако в этот период у Леонида Николаевича резко ухудшилось здоровье, о чем он писал в ответном письме в конце месяца⁸³.

Летом 1919 г., в период сравнительного улучшения здоровья, Л.Н. Андреев выработал грандиозный план возглавляемой им самим антибольшевистской пропагандистской деятельности во всероссийском масштабе. В письмах П.Н. Милюкову от 26 июля и А.В. Карташеву от 28 июля Андреев указывал на исключительную важность пропаганды, которая при должной постановке может стать «необходимым и важнейшим орудием в борьбе с большевиками и идущими им на смену крайними социалистами, а в дальнейшем - могущественным средством к восстановлению в России всех ее разрушенных государственных, гражданских и моральных основ». Писатель отмечал, что «до самого последнего момента дело антибольшевистской пропаганды поставлено очень слабо как у нас, так и у наших союзников». Это было характерно и для русской деятельности в Финляндии, где пропаганда тормозилась отсутствием денег, людей и «тем же роковым непонимаем значения пропаганды», что ярко отразилось, по словам Андреева, в ситуации с неудачей распространения брошюры «S.O.S.».

Андреев Леонид Николаевич
(1871-1919). Фото 1902 г.

Л.Н. Андреев отмечал, что Политическое совещание при Юдениче не может обеспечить успех задуманного им дела в силу «положения вещей и характера лиц». Кроме того, оно недооценивало, по мнению Андреева, характера противостояния: «Привыкши к старому и простому способу ведения войны: ружье против ружья, солдат против солдата, оно не вполне учитывает совершенную новизну теперешнего театра войны». В этих условиях «только центральное правительство адмирала Колчака, с его средствами и авторитетом, может дать моему начинанию тот широкий государственный размах, при котором только и может и должна существовать пропаганда».

Далее в письме Милюкову Андреев определял свои задачи: «Моя программа для данного момента - всемерная поддержка правительства Колчака и его программы (одну из первых статей своих я наметил брошюру о Колчаке - для России и за границы) и борьба с большевиками и их возможными сотрудниками... путем планомерного и энергичного распространения соответствующих брошюр и листовок, статей в существующей русской и заграничной печати. Мое желание - чтобы каждый солдат Белой армии имел в ранце вместо маршальского жезла брошюру..., чтобы к моменту восстановления в России законной власти мы имели тысячи чудов литературы для немедленного распространения среди крестьян, рабочих, солдат, учащихся... Только слово наряду с твердой властью сможет выполнить эту громадную задачу»⁸⁴. В письме В.Л. Бурцеву от 9 августа Л.Н. Андреев отмечал, что в первые годы возрожденной России (после свержения власти большевиков) «печати придется выполнить важнейшую роль в умиротворении враждующих и восстановлении всего разрушенного»⁸⁵. Он предлагал следующий конкретный план: «Я беру на себя целиком дело антибольшевистской пропаганды в государственном масштабе, за своей ответственностью выбираю необходимых мне лиц и создаю соответствующую организацию»⁸⁶. В основу пропаганды планировалось положить политическую программу Колчака. «Из общественных и политических деятелей я избираю совет, но главное руководство и направление оставляю за собою, почитая себя ответственным лишь перед Верховным правительством и его полномочными органами». Для осуществления работы предстояло пригласить специалистов по организации типографского обеспечения и распространения, по народному образованию для составления букварей и учебников, которые должны были бы немедленно заменить собой большевистские. Техническими средствами пропаганды Андреев считал, кроме печатного слова, театр, кинематограф и лекции. Центром своей деятельности писатель на первых порах наметил Гельсингфорс, временное или постоянное перенесение его в другое место зависело от дальнейших обстоятельств. «Район - Финляндия и область Северо-Западного фронта. В моем плане дело пропаганды отнюдь не кончается со взятием Петрограда или Москвы, но усиленно продолжается в первые, наиболее бурные и опасные годы, когда восстановленная Россия с особой энергией борется за свое дальнейшее существование и укрепление...». В соответствии с планом Андреев предполагал взять в свое ведение ежедневную печать в Гельсингфорсе и Ревеле, «редакторы газет назначаются мною и являются ответственными передо мною, если это во власти генерала Юденича и здешнего правительства, если же нет, и газеты самостоятельны, то я буду стремиться к созданию своей газеты, которая служила бы правильным отражением и развитием колчаковской программы». Большое значение он отводил установлению постоянных сношений и сообщения с В.Л. Бурцевым с целью координации действий, тем и планов⁸⁷.

Как указывал Леонид Николаевич, для осуществления задуманного им плана необходимо, кроме согласия Политического совещания во главе с Н.Н. Юденичем, утверждение на этом посту Верховным правителем России А.В. Колчаком и предоставление в его, Андреева, распоряжение необходимых денежных сумм⁸⁸.

Пост заместителя председателя в Политическом совещании Юденича, предложенный Андрееву А.В. Карташевым, не устраивал писателя, о чем он сообщал в письме Карташеву от 28 июля. Андреев соглашался только на руководящую роль в деле антибольшевистской пропаганды, объясняя это не тщеславием, а практическим вопросом о том, «как при данных условиях наилучшим образом утилизировать данную рабочую силу, т.е. меня»⁸⁹.

В конце августа Л.Н. Андреев посетил Гельсингфорс со своим планом пропаганды. Поездка вызвала полнейшее разочарование писателя. Он составил самое отрицательное мнение о министрах вновь образованного Северо-Западного правительства и о самом новом правительстве.

Можно выделить две основные причины неудачи плана Андреева по руководству им антибольшевистской пропагандой. Во-первых, Л.Н. Андреев определенно переоценил свои силы и преувеличил исключительную важность собственной роли в задуманном им деле. Во-вторых, в то время, когда Андреев предлагал свой план, Политическое совещание при Юдениче, с деятелями и сторонниками которого писатель общался на протяжении второй половины 1918 - первой половины 1919 гг., прекратило свое существование и было заменено Северо-Западным прави-

тельством из представителей ревельских русских кругов и либерально-демократических общественных деятелей русского Северо-Запада. Андреев же, в значительной степени со слов А.В.Карташева, которому он доверял, составил представление о характере Северо-Западного правительства, которое не соответствовало действительности и привело к разочарованию.

Разуверившись в возможностях гельсингфорской русской эмиграции и реальности организации пропаганды против советской России под своим руководством, Л.Н.Андреев обратился к другой своей идее - поездке по США с антибольшевистскими лекциями. Андреев предпринял ряд практических шагов к осуществлению этого плана. 10 сентября 1919 г. им была получена обнадеживающая ответная телеграмма из США от Г.Бернштейна. Однако приготовления к предстоящему визиту оборвала внезапная скоропостижная смерть писателя, последовавшая 12 сентября.

Несмотря на активное желание деятельности, Л.Н.Андреев тем не менее не сыграл значительной роли в агитационно-издательской деятельности Белого движения Северо-Запада. Причины этого лежали не только и не столько в его нездоровье и сложных личных отношениях, сколько в том, что «Андреев был бы лишним в среде опытейших общественных и политических деятелей, администраторов, промышленников, финансистов и пр., даже если бы личная антипатия не отталкивала его от этого непривычного для русского писателя и интеллигента общества»⁹⁰.

Тем не менее для современников Л.Н.Андреев играл значительную роль. Как писал С.В.Животовский в воспоминаниях «На похоронах Леонида Андреева»: «Эта смерть - какой-то символ. Еще один акт русской трагедии. Еще одна победа на стороне большевиков... Он умер в рассвете своего мощного таланта, не дождавись освобождения горячо любимой им России от кошмарного ига большевизма... Среди нас, в тылу, это была такая же сила, как Колчак, Деникин и Юденич на фронте. И вот его не стало. Остатки русской интеллигенции в Финляндии остались без своего вождя»⁹¹. В статье «У гроба Леонида Андреева», впервые опубликованной в газете «Свобода России» С.В.Животовский писал: «Для русской интеллигенции в Финляндии Л.Андреев в тылу был тем же, чем Юденич на фронте»⁹².

ЛАТВИЯ

Формирование Белого движения в Латвии проходило при непосредственном участии и влиянии Германии. Это было связано с тем, что, опасаясь «большевизации» Прибалтики и распространения ее влияния в Германии, Верховный совет союзников отменил пункт перемирия 11 ноября 1918 г. между Антантой и Германией об эвакуации германских войск и потребовал от Германии содержания в регионе такого количества частей, которого потребуют европейские интересы борьбы с большевизмом. В связи с этим из остатков оккупационной армии был сформирован 6 резервный корпус под командованием генерала Р. фон Гольца, дислоцировавшийся в Литве и Курляндии. Таким образом, германские войска в Прибалтике получили легальную базу с центром в Митаве (ныне Елгава)⁹³.

18 ноября 1918 г. Народный совет Латвии провозгласил государственную независимость страны, но в целях борьбы с наступающим большевизмом 29 декабря было подписано соглашение о продолжении оккупации Латвии германскими войсками.

Попытки организовать русское Белое движение на территории Латвии предпринимались с конца 1918 г. Так, после отступления Псковского корпуса из-под Риги часть его штаба попала в город, где генерал-майор А.П.Родзянко безуспешно пытался объединить под общим командованием только что основанный балтийский ландесвер и остатки русского корпуса⁹⁴.

В Риге в этот период выходило две русские газеты - «ежедневная, утренняя, прогрессивная, общественно-политическая, экономическая и литературная» газета «Наши дни» (с 12 декабря 1918 г.), редактором-издателем которой был И.Борисович, а руководящую роль играли Н.Г.Козырев (Н.Бережанский) и Я.И.Брамс и ежедневная газета «Рижское слово» (редактор И.Е.Ежов, издатель Р.Розенфельд). «Наши дни» были первой газетой на русском языке в Латвии после немецкой оккупации. В связи с продвижением советских войск к Риге и падением города обе газеты закрылись: 1 января 1919 г. «Рижское слово», 3 января «Наши дни»⁹⁵.

После неудачных попыток собрать остатки Псковского корпуса в Риге, в конце декабря 1918 г. началось формирование добровольческого русского отряда в Либаве. Но вскоре он был распущен из-за отсутствия материальных средств. Однако из части его офицеров и солдат под командованием светлейшего князя А.П.Ливена в январе 1919 г. началось формирование Либавского добровольческого стрелкового отряда, более известного как «ливенский». С начала 1919 г. Либавы, куда перебралось из Риги Временное правительство Латвии, стала очагом русского небольшевистского издательского дела. Здесь в конце января стала издаваться ежедневная утренняя

газета «Либавское русское слово» (редактор Н.Ф.Смирнов, издатели В.И.Тасьман и Н.Ф.Смирнов), выступившая своего рода наследницей рижский «Наших дней». Ведущую роль в формировании политического облика издания играл И.Я.Брамс. Газета с сочувствием отнеслась к формированию Белого движения в Либаве. Так, в номере 92 от 3 июня была опубликована статья Б.Зерновского (псевдоним И.Я.Брамса) «Действия отряда св. князя Ливена (От нашего специального корреспондента)», где рассказывалось о заслугах «ливенского отряда» в освобождении Риги от большевиков в мае 1919 г.

28 мая в Риге была возобновлена газета «Рижское слово» (закрыта властями 4 августа 1919 г., с 10 августа вышла под названием «Новое Рижское слово», закрыта 12 сентября). На протяжении 1919 г. в Риге возникло, еще несколько русских газет - вечерняя газета «Эхо» при издательстве «Рижское слово» (с 20 июня, закрыта 9 октября), «Народ» (с 26 августа, закрыта 12 сентября), «Сегодня» (с 14 сентября, впоследствии стала крупнейшей эмигрантской газетой Латвии 1920-1930х гг.), «Утро» (с 28 сентября по 31 января 1920 г.)

(Продолжение следует)

¹ Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья (1918-1998 гг.). -СПб., 1999. -С.16.

² Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. -Н.Новгород, 1995. -С.44,176-177.

³ Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья. -С.19-28.

⁴ Молчанов Л.А. Из истории газетной прессы России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917 - 1920 гг.). -М, 1997. -С.113.

⁵ Там же. -С.25-26.

⁶ Смирнов К.К. Начало Северо-Западной армии//Белое дело: Летопись Белой борьбы. -Берлин, 1926. -Т.1. -С.118.

⁷ Там же. -С.117.

⁸ Там же. -С.125.

⁹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -СПб., 1999. -С.31.

¹⁰ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -Берлин, 1923. -С.34.

¹¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.30.

¹² Флейшман Л. и др. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930х гг. -Stanford, 1997. -Кн.1. -С.40-41.

¹³ Там же. -С.46.

¹⁴ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.61.

¹⁵ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.48-51; Из истории Гражданской войны в СССР. Май 1918 - март 1919. -М., 1960. -Т.1. -С.68, 79, 80; Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917 - 1920. - М., 1988. - С.82.

¹⁶ Исаков С.Г. Русские в Эстонии: Историко-культурные очерки. -Тарту, 1996. -С.53.

¹⁷ Пуллат Р. Городское население буржуазной Эстонии. -Таллин, 1973. -С.73.

¹⁸ Русские в Эстонии (1918 - 1920). Из воспоминаний князя С.П.Мансырева//Отечественные архивы. -1992. -№3. -С.62.

¹⁹ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.9.12.

²⁰ Там же. -С.27.

²¹ Там же. -С.27,28.

²² Цит. по: Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.27.

²³ Там же. -С.27.

²⁴ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.127.

²⁵ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.40.

²⁶ Маргулис М.С. Год интервенции//Летопись революции. -Берлин, 1923. -№11. -Кн.1. -С.171-172.

²⁷ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. Записки Н.Н.Иванова, бывшего члена Северо-Западного правительства//Архив гражданской войны. -Берлин, 1923. -Вып.1. -С.21.

²⁸ Там же. -С.46,47.

²⁹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.126.

³⁰ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.9.

³¹ Иванов Н.Н. О событиях под петроградом в 1919 году. -С.32.

³² Новая Россия (Ревель). -1919. -12 марта.

³³ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.32.

³⁴ Новая Россия. -1919. -9 окт.

³⁵ Цит. по: Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг.: Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. -М., 1998. -С.74.

³⁶ От редакции//Новая Россия: Бюллетень издающейся временно в Ревеле русской демократической газеты. -1919. -№1. -С.1.

³⁷ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.29.

³⁸ Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг. -С.74.

³⁹ Новая Россия. -1919. -15 марта.

- ⁴⁰ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.28,29,49.
⁴¹ От редакции//Новая Россия. -1919. -№1. -С.1.
⁴² Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. -С.32.
⁴³ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.11.
⁴⁴ Там же. -С.17-23,24-25,66.
⁴⁵ Там же. -С.178,189,192.
⁴⁶ Там же. -С.193,202.
⁴⁷ Там же. -С.183.
⁴⁸ Там же. -С.187.
⁴⁹ Там же. -С.188.
⁵⁰ Там же. -С.190.
⁵¹ Там же. -С.42.
⁵² Там же. -С.36.
⁵³ Там же.
⁵⁴ Там же. -С.36-37.
⁵⁵ Там же. -С.40.
⁵⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. -М.,1987. -С.506.
⁵⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.61.
⁵⁸ Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918 - 1940). -М.,1997. -Т.1. -С.39.
⁵⁹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.62.
⁶⁰ Библиография русской литературы, изданной в Финляндии. 1813 -1972. -Helsinki,1988. -С.91.
⁶¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.62.
⁶² Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -Берлин,1921. -С.82.
⁶³ Там же. -С.33.
⁶⁴ Там же. -С.82; Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.78.
⁶⁵ Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.83.
⁶⁶ Маргулиес М.С. Год интервенции. -С.154.
⁶⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.71.
⁶⁸ Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.127,128.
⁶⁹ Библиография русской литературы, изданной в Финляндии. 1813-1972. -С.91.
⁷⁰ Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.99.
⁷¹ Куприн А.И. Купол святого Исаакия Далматского. Извозчик Петр. -М.,1992. -С.67.
⁷² Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.33.
⁷³ Маргулиес М.С. Год интервенции. -С.11.131,135.
⁷⁴ Там же. -С.135.
⁷⁵ Библиография русской литературы, изданной в Финляндии. 1813-1972. -С.91.
⁷⁶ Маргулиес М.С. Год интервенции. -С.137,142.
⁷⁷ Андреев Л.Н. S.O.S. Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919). -М. -СПб.,1994. -С.122.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ Спасите! (S.O.S.)//Общее дело (Париж). -1919. -24 марта.
⁸⁰ S.O.S. //Русская Жизнь (Гельсингфорс). -1919. -29 марта (бесплатное приложение); S.O.S. - Гельсингфорс, 1919; S.O.S. - Wiipurī, [1919].
⁸¹ S.O.S. Спасите! - Paris, 1919; Спасите!: Обращение к цивилизованному миру. -Нью-Йорк, [1919]; Спасите! (S.O.S.). - Варшава,1920; Russian liberation Committee and Union of the Russian Commonwealth. -London, [1919] и др.
⁸² Андреев Л.Н. S.O.S. Дневник (1914-1919)... -С.169.
⁸³ Там же. -С.285.
⁸⁴ Там же. -С.295-297.
⁸⁵ Там же. -С.308.
⁸⁶ Там же. -С.298.
⁸⁷ Там же. -С.302-303,309.
⁸⁸ Там же. -С.298,303.
⁸⁹ Там же. -С.302.
⁹⁰ Там же. -С.15.
⁹¹ Там же. -С.371,372.
⁹² Свобода России (Ревель). -1919. -20 сент.
⁹³ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.334.
⁹⁴ Ливен А.П. В Южной Прибалтике//Белое дело. Летопись белой борьбы. -Берлин,1927. -Т. III. -С.190.
⁹⁵ Флейшман Л. и др. Русская печать в Риге. -Кн.1. -С.22-24.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА РАДОЛЫ ГАЙДЫ

«Хронология жизни» напечатана в приложении к книге мемуаров Радолы Гайды (Gajda R. Moje pameti. -Brno, 1996. -S.310-314). Вопреки господствовавшим в советской историографии легендам о Р. Гайде «Хронология» показывает совершенно неожиданные стороны бурной жизни генерала. Надеемся, что эта публикация поможет исследователям в изучении истории Гражданской войны в России.

* * *

<p>14 февраля 1892 г.
1904-1908 гг.
1908-1910 гг.</p>	<p>- Рудольф Гейдель, иначе Радолла Гайда, родился в Которе¹.
- посещал младшие классы гимназии в Кийове².
- изучал аптекарское дело и учился в старших классах гимназии в Которе³.</p>
1 октября 1910 г.	- поступил на действительную военную службу в 5 артиллерийский полк в Которе в качестве вольноопределяющегося. По окончании действительной службы остался в армии в качестве офицера административной службы (бухгалтера)⁴.
<p>1913-1914 гг.
28 июля 1914 г.</p>	<p>- торговал аптекарскими и косметическими товарами в Шкодере⁵.
- мобилизован в Австро-Венгерскую армию, сначала как прапорщик, затем будто бы повышен в чине до поручика и надпоручика.</p>
Сентябрь 1915 г.	- попал в плен, добровольно перешел на службу в Черногорскую армию, где служил в качестве военного медика.
Январь - февраль 1916 г.	- после отступления Сербо-Черногорских войск в Албанию переехал через Францию в Россию с документами, выданными ему в русской военно-медицинской миссии, в которых было означено, что он лекарь (член миссии), возвращающийся в Россию.
<p>25 декабря 1916 г.
30 января 1917 г.</p>	<p>- по личной просьбе уволен из союзной Сербской армии в России⁶.
- перешел в Чехословацкую бригаду, зачислен во 2 чехословацкий стрелковый полк⁷.</p>
<p>26 марта 1917 г.
28 июня 1917 г.</p>	<p>- назначен временно командующим 12 роты.
- назначен командиром 1 батальона 2 стрелкового полка чехословацких легионов.</p>
2 июля 1917 г.	- в сражении у Зборова по собственной инициативе принял командование 2 полком и отличился в деле⁸.
<p>12 июля 1917 г.
Июль 1917 г.</p>	<p>- назначен временно командующим 2 полком.
- отличился в отступательных боях Чехословацкой бригады (особенно у Волосовки)⁹.</p>
<p>Начало августа 1917 г.
24 сентября 1917 г.
3 ноября 1917 г.</p>	<p>- первая встреча с Т.Г.Масариком¹⁰.
- зачислен в части, предназначенные к отправке во Францию¹¹.
- в письме Отдела Чехословацкого Национального Совета в России «лекарская афера» Гайды была подытожена заявлением, что в его действиях не было усматривалось нечестных мотивов¹².</p>
Март 1918 г.	- причислен к штабу Чехословацкого корпуса в незначительной должности.
<p>28 марта 1918 г.
3 мая 1918 г.</p>	<p>- принял командование 7 стрелковым полком¹³.
- издал приказ по полку, как поступать в случае конфликта с большевиками.</p>

Генерал-майор Радола Гайда.
Фото сентября 1918 г.

- Май 1918 г. - делегат Челябинского съезда. Избран членом Временного исполнительного комитета легионов¹⁴.
- 11 июля 1918 г. - Восточная группа Гайды заняла столицу Восточной Сибири Иркутск и открыла дорогу к оз.Байкал.
- 1 сентября 1918 г. - на ст.Оловянная после непрерывных трехмесячных боев произошла встреча авангарда Восточной группы Гайды с Владивостокской группой генерала М.К.Дитерихса. Сибирская магистраль оказалась в руках чехословаков.
- 2 сентября 1918 г. - получил чин генерал-майора, одновременно с С.Чечеком (до них в этот чин Отдел Чехословацкого Национального Совета в России первым произвел Я.Сыровы - командира Чехословацкого корпуса)¹⁵.
- 26 сентября 1918 г. - принял командование 2 чехословацкой дивизией.
- 12 октября 1918 г. - в Екатеринбурге принял командование зарождающейся армией Временного Сибирского правительства, находившегося в Омске¹⁶.
- 18 ноября 1918 г. - колчаковский переворот в Омске.
- 1 января 1919 г. - генерал М.Р.Штефаник дал согласие на временный выход Гайды из чехословацких легионов и на поступление на колчаковскую службу¹⁷.
- 7 июля 1919 г. - разрастание конфликта Р.Гайды с А.В.Колчаком¹⁸.
- 12 августа 1919 г. - прибытие во Владивосток.
- 22 августа 1919 г. - во Владивостоке переведен в командный резерв Чехословацкого корпуса.
- 2 сентября 1919 г. - Верховный правитель А.В.Колчак лишил Р.Гайду чина генерал-лейтенанта. Гайда становится во главе антиколчаковских сил.

- 17 ноября 1919 г. - подавление возглавлявшегося Гайдой антиколчаковского путча во Владивостоке¹⁹.
- 11 февраля 1920 г.
Конец 1920 г. - возвращение на Родину.
- начал учебу в Высшей военной школе в Париже, которую окончил в 1922 году²⁰.
- 9 октября 1922 г.
29 декабря 1922 г.
Май 1923 г. - назначен командиром 11 дивизии в Кошице.
- повышен до чина генерала IV класса²¹.
- на легионерском съезде в Братиславе провозгласил, что он против арестов членов фашистского движения Краснобелых. Снова повторил это заявление в Министерстве национальной обороны (МНО).
- назначен первым заместителем начальника Главного штаба.
- допущен к исполнению обязанностей начальника Главного штаба (его предшественник Я.Сыровы стал министром национальной обороны в новом правительстве).
- 1 декабря 1924 г.
20 марта 1926 г. - министр национальной обороны Я.Сыровы предписал Гайде отпраздновать в отпуск на неопределенное время, ссылаясь на прямой намек президента Масарика, поверившего доказательствам о шпионаже Гайды и его деятельности в интересах Советского Союза и других стран, и из опасения угрозы правого переворота²².
- 2 июля 1926 г. - комиссия МНО пришла к заключению: «Обвинение, вынесенное против генерала Гайды, не было доказано». Гайде предложено «добиваться очищения своей чести» путем уголовного преследования обоих главных свидетелей.
- 24 июля 1926 г. - признан негодным к военной службе.
- 14 августа 1926 г.
14-21 декабря 1926 г. - заседание дисциплинарного комитета МНО решило лишить Гайду воинского чина и снизить на 25% причитающуюся ему пенсию. Т.Г.Масарик недоволен недостаточностью наказания, его беспокойство разделял и министр национальной обороны Ф.Удржал²³.
- на брненском съезде Национальной фашистской общины (НФО) провозглашен ее лидером²⁴.
- 2 января 1927 г. - заседание апелляционного дисциплинарного комитета МНО. Его решение по делу Гайды было окончательным. Постановлением МНО от 17 января 1928 г. он был лишен воинского чина²⁵.
- 21 марта - 5 апреля 1927 г. - вспыхнула так называемая «сазавская афера»²⁶.
- 25 августа 1927 г.
21 марта - 19 июня 1928 г. - Окружной уголовный суд в Праге разбирал дело об участии Гайды и его сподвижников в «сазавской афере». Гайда был осужден на два месяца строгого заключения и лишен избирательных прав, впрочем, последнее было отменено. Суд вынес это постановление под нажимом Града²⁷.
- 28 апреля 1928 г. - Окружной уголовный суд в Праге осудил Кратохвила и Соловьева, главных свидетелей, обвинявших Гайду в шпионаже в пользу Советской России.
- 27 октября 1929 г. - парламентские выборы, Гайда становится кандидатом в депутаты от Лиги, не имея официального мандата²⁸.
- 23-26 апреля 1930 г. - слушание жалобы Гайды на решение апелляционного дисциплинарного комитета МНО перед Высшим административным судом. Суд постановил: «Жалоба отклоняется частично как недопустимая, частично как необоснованная».
- 29 ноября 1930 г. - депутатская палата лишила Гайду мандата (12 декабря 1931 г. Высший административный суд под председательством Э.Гахи подтвердил это решение)²⁹.
- 1 октября 1931 г. - распоряжением МНО Гайде была прекращена выплата всех пенсионных денег, он снят с учета находившихся в воинской отставке.
- 19 сентября 1931 г. - Высший суд в Брно, разбирая жалобу относительно решения по делу об участии Гайды в «сазавской афере», решил заменить условное заключение в тюрьме на обязательное двухмесячное заключение. Заключение отбывалось зимой 1932 г. в Панкраце.
- 21 января 1933 г. - нападение фашистов на еврейскую казарму 43 пехотного полка³⁰.

- 22 января 1933 г. - арестован поздно вечером в Гбелы на Словенски в связи с делом о нападении на еврейскую казарму.
- 23 апреля - 26 июня 1933 г. - Административный суд в Брно слушал дело о еврейской казарме, Гайда освобожден.
- 16-17 февраля 1934 г. - участвовал в международном фашистском конгрессе в Монтре (Швейцария).
- 28 марта 1934 г. - под нажимом Града Высший суд ужесточил приговор за еврейский путч. Гайда был осужден на шесть месяцев строгого заключения с исполнением наказания с 27 августа 1934 г.
- 19 мая 1935 г. - избран депутатом от НФО³¹.
- 1937-1938 гг. - выражал желание участвовать в боях по защите республики, особенно перед Мюнхеном, принял активное участие в работе партии Национального единства, а после оккупации недолго был в так называемом Святовацлавском комитете. Вскоре оставил политическую сцену и ушел в частную жизнь³².
- 11 марта 1939 г. - в отношении Гайды были отменены все наказания, лишавшие его воинского чина и пенсии, также отменены все решения, по которым он осуждался гражданскими судами³³.
- 12 мая 1945 г. - арестован органами чехословацкой безопасности как коллаборационист. В предварительном заключении он провел почти два года.
- 21 апреля-4 мая 1947 г. - процесс Гайды в Пражском народном суде, на котором он присужден к лишению свободы на два года.
- 15 апреля 1948 г. - Радола Гайда умер в Праге и похоронен на Ольшанском кладбище³⁴.

¹ Отец Рудольфа Гейделя служил военным бухгалтером и имел чин фельдфебеля административной службы.- См.: Fic V. Slovo historika // Gajda R. Moje pameti. -Brno, 1996. -S.300.

Котор (Каттаро) - в 1892 году город и военный порт на берегу Которской бухты Адриатического моря, опорный пункт флота Австро-Венгрии (ныне город и порт в Югославии).- См.: Потоцкий С.Н. Австро-Венгрия // Военная энциклопедия. - М., 1911. -Т.1. -С.77.

² Отец Р.Гейделя после ухода в отставку состоял гражданским чиновником уездного управления в Кийове на Мораве. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.300.

Кийов на Мораве - город в Моравской Словакии на р.Кийовка (ныне в Чехии). -См.: Большой всемирный настольный атлас Маркса. -СПб., 1910. -Карта №35.

³ Строгий отец заставлял Рудольфа учиться аптекарской торговле, в то же время он посещал старшие классы хорватской гимназии в Которе, куда вернулась семья.- См.: Fic V. Slovo historika. - S.300.

⁴ В Австро-Венгрии для лиц, имевших права по образованию, была установлена возможность годичного отбывания воинской повинности в качестве вольноопределяющегося, с семнадцатилетнего возраста. -См.: Потоцкий С.Н. Австро-Венгрия. -С.62.

Военный порт Каттаро имел в мирное время так называемый гарнизон безопасности в составе двух ландштурмовых пехотных полков, 30 роты 5 крепостного артиллерийского полка, саперной роты и других подразделений. - См.: Osterreich-Ungarns letzter Krieg 1914-1918. -Wien, 1929. -V.I. -S.68.

⁵ Р.Гейдель после увольнения из армии держал аптекарский и косметический салон в Шкодере, где незадолго перед войной женился на дочери местного врача.- См.: Fic V. Slovo historika. -S.300.

Шкодер (Скутари) - старинный город на севере Албании. Расположен на юго-восточной оконечности оз. Шкодер, недалеко от границы с Черногорией.

⁶ В России Р.Гейдель сначала поступил на службу в Сербскую добровольческую дивизию в качестве военного лекаря. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.300.

⁷ Во 2 чехословацкий полк Радола Гайда был зачислен в чине подкапитана, которого к тому времени не имел ни один из заслуженных стародружинников. Это вызвало неприязнь к нему со стороны некоторых легионеров, которая усилилась такими чертами характера, как властность и крайний индивидуализм, не вписывавшимися в рамки братского духа, сложившегося в легионах. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.300.

Стародружинники - войны чешской дружины в России - добровольческого чешского отдела Русской армии, созданного в ней в августе - сентябре 1914 г.

⁸ Зборов - городок в Галиции к северо-востоку от Тернополя. 19 июня 1917 г. входившая в 49 армейский корпус 11 армии Юго-Западного фронта Чехословацкая бригада полковника Троянова нанесла удар по 19 австро-венгерской дивизии.- См.: Керсновский А.А. История русской армии.- М., 1994. -Т.4. -С.284.

⁹ За отличие в битве у Зборова Р.Гайда был награжден орденом Св. Георгия 4 степ.- См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. -Пекин, 1921. -Т.1. -С.232.

¹⁰ Масарик Томаш Гарриг (1850-1937) - политик, философ, идеолог Первой Чехословацкой республики. С 1916 г. председатель Чехословацкого Национального Совета в эмиграции. Президент республики с 1918 по 1935 годы.- См.: Maly encyklopedicky slovník. -Praha, 1972. -S.681-682.

- ¹¹ Позднее Масарик вспоминал: «Единственно возможным и разумным решением было бы перебросить наших солдат на французский фронт, где на счету был каждый человек. Но я видел: через Архангельск - нельзя, там скверная переправа, немцы на море айн-швай торпедировали бы наш транспорт. Самым коротким путем домой оказывался самый длинный и долгий путь - через Сибирь и вокруг света». - См.: Чапек К. Беседы с Т.Г.Масариком // Вопросы истории. -1998. -№2. -С.105-106.
- ¹² Группа недоброжелателей в легионе развязала против Гайды первую большую компанию. Он был обвинен в том, что еще на сербской службе присвоил себе чин военного врача. Дело получило большую огласку, пока не было прекращено письмом Отдела Чехословацкого Национального Совета в России, в котором было констатируется, что в его действиях не было нечестных мотивов.- См.: Fic V. Slovo historika. -S.301.
- ¹³ В августе 1917 г. после боев в Галиции военный министр А.Ф.Керенский разрешил приступить к формированию Чехословацкого армейского корпуса в составе двух дивизий и корпусных частей. Третий полком во 2 чехословацкой дивизии стал 7 стрелковый Татранский полк, укомплектованный в основном чехословаками - военнопленными Австро-Венгерской армии, а его командиром в конце марта 1918 г. был назначен капитан Р.Гайда. Его воинская звезда опять начала восходить.- См.: Fic V. Slovo historika. -S.302.
- ¹⁴ 20 мая 1918 г. представители обеих дивизий и члены Отдела Чехословацкого Национального Совета собрались на съезд в Челябинске и избрали Временный исполнительный комитет под председательством Павлу. Главной задачей комитета было принятие всех мер для освобождения железной дороги и продвижения эшелонов на восток. Трех офицерам (поручику С.Чечеку, подполковнику С.Н.Войцеховскому и капитану Р.Гайде), выбранным в комитет, была вручена вся военная власть над частями от Пензы до Иркутска. Капитану Гайде были подчинены эшелоны на восток от Омска. -См.: Pichlik K., Klipa B., Zabludilova J. Ceskoslovensti legionaři 1914-1920. - Praha, 1996. -S.174.
- ¹⁵ Сыровы Ян (1888-1971) -бывший офицер Австро-Венгерской армии, рядовой солдат Чехословацкой дружины с сентября 1914 г. Выдающийся войсковой разведчик Русской армии, назначен в 1916 г. командиром 7 роты 1 полка. Ранен в сражении под Зборовым, награжден русскими орденами. В мае 1918 г. поручик Сыровы - командир 2 чехословацкого полка, затем командир группы, наступавшей от Омска на Тюмень и Богданович, произведен в полковники. С августа 1918 г. генерал-майор, командир Чехословацкого армейского корпуса, затем командующий фронтом. После возвращения в Чехословакию до 1933 г. являлся начальником Главного штаба, затем генеральным инспектором армии. В сентября-ноябре 1938 г. был премьер-министром республики. -См.: Maly encyklopedicky slovník. -S.1194.
- Чечек Станислав - стародружинник чехословацкого легиона в России. В мае 1918 г. поручик, командир 4 полка и командир Поволжской группы. Его части совместно с русскими добровольцами заняли Самару, Уфу, Бузулук, Симбирск и Казань. Со 2 сентября 1918 г. генерал-майор и командир 1 чехословацкой дивизии. С октября 1918 г. руководил формированием русских войск Народной армии. -См.: Pichlik K., Klipa B., Zabludilova J. Ceskoslovensti legionaři 1914-1920. -S.186.
- ¹⁶ Во второй половине сентября 1918 г. полки 2 чехословацкой дивизии были двинуты с Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири на запад. Гайда, овеянный славой «Освободителя Сибири», по приказу генерала Сыровы назначен командующим Екатеринбургской группой войск. Сам Гайда позднее говорил: «Эта группа называлась до этого Северо-Уральским фронтом, и им командовал до меня полковник Войцеховский. 6 октября я прибыл в Екатеринбург».- Gajda R. Moje pameti. -S.140.
- ¹⁷ Штефанек Милан Растислав (1880-1919) - доктор астрономии, офицер Французской армии, с 1916 г. помощник Т.Г.Масарика, организатор чехословацких легионов во Франции, Италии, Сербии и России. Первый военный министр Чехословацкой республики. Погиб 4 мая 1919 г. в авиационной катастрофе. - См.: Maly encyklopedicky slovník. -S.1211; Dejiny. -Bratislava, 1978. -T.1. -S.660,677.
- В Русскую армию Гайда был принят в чине генерал-майора, позднее повышен до генерал-лейтенанта. Командуя Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г. Екатеринбургская группа), Гайда подтвердил свою репутацию виртуозного воина, но одновременно росло и его самолюбие. За взятие Перми Гайда был награжден орденом Св.Георгия 3 степ., английским орденом Бани и французским орденом Круа-де-Гер с пальмовой ветвью.
- ¹⁸ 10 июля 1919 г. Р.Гайда был отстранен от командования Сибирской армией и заменен генерал-лейтенантом М.К.Дитерихсом.
- ¹⁹ Антиколчаковский путч был подавлен за одну ночь юнкерами артиллерийского училища, верными начальнику Приморского края генералу С.Н.Розанову, при помощи японцев. Гайда был арестован, но затем выпущен после заступничества чехов с обещанием немедленно покинуть Россию.- См.: Аничков В.П. Екатеринбург - Владивосток. 1917-1922. -М., 1998. -С.273-274.
- ²⁰ Его приезд на родину 11 февраля 1920 г. прошел без всяких торжеств. Высшие должностные лица государства решали, что с ним делать. Сначала Гайда был причислен к столичному ополчению, а затем в конце 1920 г. послан на обучение в Парижскую высшую военную школу. Во время своего пребывания во Франции Гайда упорно учился и успел за два года сдать экзамены на аттестат в частной школе швейцарского города Лозанна, получить диплом инженера в Парижском институте техники и практики земледелия и окончить Высшую военную школу. -См.: Fic V. Slovo historika. - S.304.

- ²¹ Генерал IV класса - дивизионный генерал.
- ²² В 1926 г. в Чехословакии разразился один из самых громких скандалов. Гайда был обвинен в предательстве государственных интересов. Министр национальной обороны генерал Я.Сыровы с прямой подачи президента Т.Г.Масарика предписал генералу Гайде уйти в бессрочный отпуск, пока будет идти расследование его тайной шпионской деятельности на пользу Советского Союза и подготовки политического переворота. В компанию против Гайды включились община русских эмигрантов, среди которых было много советских агентов, советская торговая миссия во главе с В.А.Антоновым-Овсенко и чехословацкие коммунисты. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.305.
- ²³ Урджал Франтишек (1866-1938) - крупный землевладелец, представитель чешской аграрной партии. В 1921-1925 гг. и в 1926-1929 гг. министр национальной обороны, в 1929-1932 гг. премьер-министр. -См.: Maly encyklopedicky slovník. -S.1285.
- ²⁴ Национальная фашистская община - образованная в 1925 г. при поддержке национальных демократов и социалистов Чешская фашистская партия. -См.: История Чехословакии. -М., 1960. -Т.3. -С.159.
- ²⁵ Из дивизионного генерала Гайда стал рядовым запаса.
- ²⁶ Сазавская афера - кража секретных документов апелляционного дисциплинарного комитета министерства национальной обороны министерским чиновником, юристом Я.Бранжовским, который являлся членом фашистской молодежной организации, организованной Гайдой. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.306.
- ²⁷ Град (чешский кремль) - местопребывания президента Чехословацкой республики. В переносном смысле - близкие к президенту круги.
- ²⁸ Лига (Народная Лига) - объединение нескольких чешских фашистских партий в 1929-1935 гг.
- ²⁹ Гаха Эмиль (1872-1945) - юрист, председатель Высшего административного суда в Чехословацкой республике. В 1938 г. избран президентом Послемюнхенской республики. В 1939-1945 гг. государственный президент протектората Чехии и Моравии, сотрудничал с оккупантами. -См.: Maly encyklopedicky slovník. -S.369.
- ³⁰ Нападение на еврейскую казарму 43 пехотного полка произошло в ночь с 21 на 22 января 1933 г. группой из восьмидесяти человек чешских фашистов под руководством Л.Кобзинка. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.306.
- ³¹ Выступавшая на выборах 1935 г. самостоятельно Национальная фашистская община получила 167 434 голоса (2,03%). В палате депутатов теперь заседали шесть представителей от партии во главе с Гайдой. - См.: Fic V. Slovo historika. -S.306.
- ³² Когда над Чехословацкой республикой стали сгущаться тучи, то чешские фашисты призывали к защите республики. Вместе с коммунистом К.Готвальдом и народным демократом Л.Рашинем Р.Гайда был сторонником вооруженного отпора. Выступая с балкона Рудольфины (Пражский университет), Гайда говорил, что по немцам будут стрелять из каждой сточной трубы. После Мюнхена Гайда в знак протеста вернул британскому правительству орден Бани. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.307-308. Партия Национального единства возникла в ноябре 1938 г. после Мюнхенских событий и Венского арбитража, расчленивших Чехословацкую республику. Создана на базе бывших аграрной, национальной социалистической и других партий. Святовацлавский комитет - существовавший с 1939 г. национальный комитет, сотрудничал с оккупантами.
- ³³ После Мюнхенских событий Р.Гайда вступил в активную политику. Он стал членом руководства партии Национального единства и усилил просьбы о своей реабилитации. Ему был возвращен чин дивизионного генерала. и все приговоры гражданских судов в отношении него были отменены. Все это произошло незадолго перед распадом Второй республики и оккупации чешских земель. Во время оккупации вместе с женой они взяли на воспитание Ярославу Селуцкую - дочь приговоренного к смерти родственника, Радослава Селуцкого - чехословацкого летчика и шефа группы советской военной разведки в протекторате. С этой группой, с ведома отца, сотрудничал старший сын генерала - Владимир. Младший сын Юрий, осенью 1944 г. был задержан немецкими органами безопасности при попытке проникнуть на территорию боев в Словакии и брошен в концлагерь. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.308.
- ³⁴ Арестованный по обвинению в коллаборационизме Р.Гайда просидел два года под следствием. Народный суд присудил его к двум годам, и неделю спустя после вынесения приговора он был освобожден из тюрьмы с надломленным здоровьем. Менее чем через год умер в Праге. -См.: Fic V. Slovo historika. -S.309.

Перевод с чешского и подготовка к публикации
Кручинина А.М.

СУД НА АТАМАНОВСКОМ ХУТОРЕ

Воссоздание надлежащего исторического фона Гражданской войны в Сибири настоятельно требует изучения социально значимого события, непосредственно связанного с концом первого из «двух главных и единственно серьезных врагов Советской республики»¹. Таким событием, раскрывающим традиционную хронологическую канву (начиная с Чехословацкого выступления в мае - июне 1918 г. по последние дни жизни Верховного правителя), является публичный судебный процесс «по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей». Его предварительное и судебное разбирательства выявили не только обильный материал, обрисовавший с достаточной яркостью социально-политический строй, систему правления, а равно деятельность лидера, именем своим давшего название исторической эпохе - эпохе «колчаковщины». Суд на Атамановском хуторе стал «точкой отсчета» в развитии концептуальной схемы Гражданской войны в Сибири по большевистской оценочной шкале событий.

Научной литературы по истории судебного процесса практически нет. Отсутствие специальных работ объясняется недоступностью для большинства исследователей секретных прежде архивов ФСБ. Однако в периодической печати первых лет советской власти информация о каждом его заседании все же публиковалась целыми полосами, в частности на страницах омских и томских газет. А в июне 1920 г. в «Известиях ВЦИК» государственный обвинитель А.Г.Гойхбарг выступил с циклом статей, где попытался суммировать итоги. Возможность узнать о суде более подробно была крайне ограничена. В работах, посвященных разгрому «колчаковщины», о нем чаще всего лишь упоминалось в качестве «акта народного возмездия»².

Определенный вклад в разработку темы внесла работа В.С.Познанского, написанная в начале 1990х гг. Автор, используя имевшиеся в его распоряжении документы (протокольные записи заседаний Сиббюро ЦК РКП (б), переписка представителей Сибирского революционного комитета (Сибревкома) с центральной советской властью), попытался осветить историю «суда над министрами Колчака»³. В качестве фактического свидетельства о намечавшемся судебном процессе сибирских большевиков над Верховным правителем, председателем совета министров и, вместе с ними, чиновниками аппарата управления, В.С.Познанский ссылался на «Проект организации при Сибревкоме «Комиссии для расследования преступной власти адмирала Колчака и зверств белогвардейщины», датированный 14 декабря 1919 г. Основанием для подобного заключения послужило только «само название упомянутого выше проекта о следственной комиссии»⁴.

Между тем, детальное изучение данного источника выявляет необоснованное преувеличение роли комитета. В «Проекте» подчеркивалась всего лишь характерная для местных большевиков публично-агитационная цель намечаемой деятельности - продемонстрировать «пред лицом всего мира... куда направляется материальная помощь со стороны их [«пролетариата других стран» - С.Д.] правительство и насколько зверски-беспощадна бывает буржуазия в борьбе за свои алчные аппетиты»⁵. Ставя в вину А.В.Колчаку его же заявления («не пойдет по гибельному пути узкой партийности», «будет стоять на страже законности и правопорядка», «принял на себя тяжкое бремя власти с целью созвать Всероссийское Учредительное собрание»), большевиков интересовала вовсе не их содержательная сторона, а «широковещательная декларация [Колчака - С.Д.] к иностранным правительствам... поддержки его в борьбе с большевизмом, с этой «заразой», которая угрожает распространиться по всему миру»⁶. Согласно документу, ущемленные реакцией интересы сибирского пролетариата заключались в «морозном воздухе Сибири», «необъятном пространстве», где «слышен был свист офицерской нагайки... да ветер разносил заглушенные стоны замученных в тюрьмах»⁷. В разработанных комиссией 13-ти основных задачах ни словом не оговаривался какой-либо судебный процесс. Именно поэтому попытка В.С.Познанского соотнести заслуги в организации предварительного следствия по делам колчаковских министров и их товарищей на Сибревком документально не подтверждается. О чем, впрочем, говорит и ни к чему не обязывавшая резолюция члена комитета Гойхбарга на проекте - «Комиссия с указанными задачами желательна»⁸.

Документы «Следственного дела по обвинению Колчака Александра Васильевича и других»⁹ позволяют приоткрыть тщательно сотканную «вуаль» из воспоминаний, публицистики и научных исследований первых историков Гражданской войны в Сибири над вопросом: почему

судебный процесс «мирового значения» был вычеркнут из «черного романа колчаковщины»? Для начала необходимо установить, кто же являлся его инициатором?

За девять дней до официальной мирной передачи власти Политическим центром Иркутскому военно-революционному комитету (ВРК) 13 января 1920 г. член Учредительного собрания А.А.Иваницкий-Василенко заявил о проводимом расследовании «по поводу действий правительства Колчака» и предварительных его итогах. «Открывается немало темных дел, - отмечал он, - с народным достоянием. Пока выяснены два крупных факта: бывшим министром финансов Иваном Михайловым экспроприровано из средств государственного казначейства бумажных денег сибирского образца на сумму 15 млн. руб., каковые он обменивал на так называемые романовки, платя за каждый романовский рубль 20 руб. сибирскими. Затем, бывшим временным председателем совета министров Червен-Водали экспроприровано 10 млн. руб.; деньги эти, по простой записке Червен-Водали, государственным банком выданы некоему Казакову. Червен-Водали арестован и находится в Иркутской тюрьме, к розыску Ивана Михайлова и Казакова приняты меры»¹⁰.

Следовательно, до передачи чешским командованием уполномоченным Политцентра и Народно-революционной армии арестованных А.В.Колчака и В.Н.Пепеляева следствие по «делу правительства» уже находилось в производстве. 5 января, для рассмотрения предварительного следствия на заключенных под стражу лиц, за период свержения колчаковской власти, во внесудебном порядке, а также новых арестов и обысков, постановлением центра были образованы городские и уездные следственные комиссии. Им предоставлялись права: «1. Освободить лиц, задержанных без достаточных к тому оснований. 2. Производить дознания о лицах, задержание коих признано необходимым в виду опасности их для образовавшейся народной власти и общественного спокойствия. 3. Производить обыски, выемки и аресты через подлежащие местные власти». Специальным (пятым) пунктом ограничивались полномочия комиссий в освобождении чиновников кабинета министров, и «вообще лиц, занимавших ответственные должности или видное положение в органах свергнутой власти»¹¹. Руководством для дознания являлся устав уголовного судопроизводства, предварительное следствие и акты, составленные с соблюдением всех требований. Две меры пресечения - залог и надзор милиции - на арестованных не распространялись. Внутренний порядок работы комиссий назначался ими самими, с поручительством отдельных дел одному из семи членов.

Начало следствия по делу правительства Колчака - 7 января, с учреждением Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) по производству расследований: «а). О лицах, принадлежащих к составу совета министров и о высших должностных лицах центральных учреждений свергнутого Российского правительства адмирала Колчака, б). Изъятием, особыми в каждом случае, постановлениями Политического центра из общего порядка расследований городских и уездных следственных комиссий и в). О лицах, деятельность которых имеет неразрывную связь с делами лиц, упомянутых в пунктах а и б сей статьи»¹². ЧСК действовала на основании общего положения об уездных и городских следственных комиссиях от 5-го числа и состояла из председателя и двух членов, назначенных Политцентром, а также по одному члену от совета профсоюзов Сибири, ЦК объединенного трудового крестьянства Сибири и органов местного самоуправления, осуществляемого Сибирским земским политбюро по соглашению с Иркутской городской управой. В тот же день, на протоколе, составленном уполномоченным Иркутской городской следственной комиссии М.Ф.Миллионщиковым, о передаче в ЧСК переписки и документов, изъятых при обыске у 18-ти человек, неизвестное лицо вывело революцию: «Дело Совмина. Завесть наряд вещественных доказательств»¹³.

Образованной ЧСК (в составе: председатель - юрист, присяжный поверенный, меньшевик-интернационалист К.А.Попов; члены комиссии: представитель от Политцентра - член Учредительного собрания Л.Я.Герштейн, от исполкома совета профсоюзов Сибири Г.И. Лукьянчиков, земского политбюро - председатель Амурской областной управы А.Н.Алексеевский и И.И.Головков; М.Г.Гордин; инструктор союза кооперативных объединений «Центросибирь» В.П.Денике)¹⁴, гражданская следственная комиссия города, постановлением от 9 января, передала 29 арестованных. Из них двенадцать составили половину будущего состава подсудимых судебного процесса.

Сбор вещественных доказательств ЧСК против «представителей павшей власти» сосредоточивался по трем направлениям. Первое - финансово-валютные операции. 8 и 10 января 1920 г. были сняты показания с бывшего директора департамента госказначейства А.П.Мальцева и ряда должностных лиц кредитной канцелярии о снабжении членов ведомства японскими иенами по льготному курсу, с открытием текущих счетов в Харбинском отделении Русско-Азиатского банка.

Второе направление - с 11 января Попов, Денике и Лукьянчиков начали допросы бывшего штатного преподавателя академии Генерального штаба полковника А.Д.Сыромятникова и

А.А.Червен-Водали. Предварительно, постановлением ЧСК был определен состав вопросов для формального «опроса, находящихся под стражей лиц, принадлежавших к составу центральных учреждений». Комиссию интересовало: «1). Личность и служба в момент переворота 4-5 января с.г. и с какого времени состоял на должности или стоял у власти. 2). Кем и при каких обстоятельствах задержан. 3). Принимал ли то или иное участие в государственных переворотах: а). июньском 1918 г., б). сентябрьском того же года, в). ноябрьском того же года. 4). Отношение к декабрьским событиям 1918 г. в Омске. 5). Круг деятельности служебной и общественной со времени июньского переворота 1918 г. 6). Принимал ли участие в политических работах совета министров и своего министерства. 7). Какое участие принимал в последних событиях перед 4-5 января. 8). Принимал ли участие в постановлении от 19 ноября 1919 г. и пользовался ли этим постановлением. 9). Были ли на руках задержанного или в его распоряжении, непосредственно перед переворотом 4-5 января, казенные суммы и где они находятся»¹⁵.

Третье направление - разбор документов в делах канцелярии совета министров Российского правительства А.В.Колчака. И уже 13 января на стол председателя Попова легло секретное показание посадского Оглобина об организации, составе и подпольной работе Сибирского бюро ЦК РКП (б) в Уфе, выявленное в переписке бывшего премьер-министра В.Н.Пепеляева. Таким образом, первоначальный итог по трем направлениям деятельности ЧСК и позволил одному из руководителей Политцентра, спустя всего лишь неделю со дня прихода к власти центра, заявить о предварительных выводах в расследовании действий правительства.

15 января 1920 года представитель Чехословацкой республики доктор Благож пригласил к себе члена Политцентра Б.А.Косминского для выяснения вопроса, как планируется провести передачу арестованных? Борис Александрович заявил, что для этого будет немедленно направлена к поезду № 52 особая комиссия, которая, приняв пленников, передаст дела на них для расследования в спешном порядке Чрезвычайной комиссией¹⁶. На следующий день, между К.А.Поповым и уполномоченным Народно-революционной армии поручиком И.И.Кошкодамовым (при участии прикомандированного к комиссии М.С.Бухова) состоялось распределение и препровождение в Иркутскую тюрьму 112-ти человек. Постановления № 27 от 16-го и № 25 от 17-го [такая датировка нумерации в документах - С.Д.] определили его порядок - «лица, состоящие на военной службе» зачислялись за начальником штаба армии (видимо предполагавшим самостоятельное судопроизводство), а в ведение ЧСК, помимо адмирала, председателя совета министров и А.В.Тимиревой, поступило 66 арестованных. Фактически установленную дату в производстве следствия по персональным делам А.В.Колчака и В.Н.Пепеляева следует отнести на 17 января. Она объясняется обращением Попова в Политцентр: «Чрезвычайная следственная комиссия просит Вас сообщить: постановлено ли дело адмирала Колчака и председателя совета министров Пепеляева передать в следственную комиссию?»¹⁷.

Спустя пять дней со дня ареста Верховного правителя и четырнадцать - А.А.Червен-Водали, центр обратился к К.А.Попову с просьбой ускорить «судебное рассмотрение» дел в недельный срок. Ответ председателя звучал довольно официально: «Рассмотрев вопрос... считаем возможным произвести расследование не менее чем в двухнедельный срок. О чем ставим вас в известность»¹⁸. Скорее всего, запрос и подтолкнул комиссию к спешному открытию заседаний по снятию допросов с Колчака 20 января¹⁹, без предварительно выработанных программы, плана и обвинений. Последние будут опубликованы лишь 29-го числа, когда сменится не только председатель ЧСК, но и власть в городе. Тогда же комиссия обратилась к населению через газету с просьбой дать показания и представить материалы о событиях в Александровской центральной каторжной тюрьме с 8 по 11 декабря 1919 г., опубликовав список убитых восьмидесяти заключенных и подробности расправы над ними.

22 января 1920 г. в Иркутске был подписан акт о мирной передаче власти Политцентром, действовавшим во исполнение постановления Временного Сибирского совета народного управления от 21-го числа, военно-революционному комитету. Центр констатировал, что передал всю полноту принадлежащей ему государственной власти на всей территории, освобожденной от власти реакции под гарантии: «а). Беспрепятственного пропуска чехословацких войск на восток с оружием в руках, при условии полного их невмешательства в русские дела и передачи народно-революционному комитету золотого запаса, находящегося ныне под охраной чехово-войск; б). Полной личной неприкосновенности демократии, борющейся против власти Колчака». Приказом № 1 Иркутского ВРК (параграф 12) назначение на пост председателя следственной комиссии с правами комиссара юстиции получил Самуил Гдальевич Чудновский²⁰.

Данный документ имеет большое значение для раскрытия причин, по которым центр набил застенки губернской тюрьмы не только правительственной элитой, но и делопроизводителями,

**Группа арестованных высших чиновников совета министров правительства
А.В.Колчака. Фото 1920 г.**

механиками, чиновниками, адъютантами, поварами и т.п. Ведь передача «государственной власти» под гарантию «полной личной неприкосновенности демократии, борющейся против власти Колчака» требовала фактического подтверждения борьбы. А что как не начавшееся следствие (в недельный срок) по делам представителей разгромленного правительства могло удостоверить местную советскую власть в лояльности демократии? Не случайно 29 мая в своем последнем слове на судебном процессе подсудимый А.Н.Ларионов, говоря о срыве переговоров Политцентра с колчаковским советом министров, отметил: «...Целью этого срыва было желание получить нас в свои руки, которые носили громкое название - правительство, которые по списку, составленному Политическим центром, назывались министрами, но министрами не были, что-бы потом ценою наших голов выгородить свои...»²¹.

22 января 1920 г. произошла смена председателя ЧСК. По неоднократно публиковавшимся воспоминаниям С.Г.Чудновского, а также председателя ВРК А.А.Ширямова, коменданта города И.Н.Бурсака и других участников событий²², у лишенных первоисточников исследователей сложилось впечатление, что в задачи комиссии входил только допрос Верховного правителя. Никакой взаимосвязи с судебным процессом над членами свергнутого правительства не рассматривалось. Между тем «Временным положением о Чрезвычайной следственной комиссии при Иркутском военно-революционном комитете» выделялись две неразрывные друг от друга задачи по расследованиям: «1). По делам б[ывших] Верховного правителя, совета министров и ответственных представителей центральных ведомств, павшей 4-5 января с.г. власти. 2). По политическим делам особой важности, как об агентах той же власти, так и о других лицах, возбуждаемым самостоятельно Чрезвычайной следственной комиссией...». Как видно, в первом пункте сохранилась даже формулировка преамбулы «опросника», разработанного 10 января эсеро-меньшевистской ЧСК, но не только она одна. Последующие пункты «Временного положения» не изменили и ее персональный состав. Законченные расследованием дела должны были быть переданы с заключением на решение ревкома для дальнейшего направления²³.

Из документа следует, что «большевистская» следственная комиссия Иркутского ревкома не выделяла в особое судопроизводство следственное дело на А.В.Колчака, а рассматривала его

неотъемлемой частью своих двух основных задач. И хотя «Временное положение» не датировано, можно предположить, что его принятие состоялось после приказа ВРК № 6 от 27 января, когда спустя всего лишь пять суток назад, «на территории, освобожденной от власти реакции», вдруг было объявлено военное положение, т.к. оговаривались судебные функции комиссии, действовавшей в период «контрреволюционного вооруженного восстания»²⁴.

«Советский» период предварительного следствия любопытен с двух сторон. Первая - новый председатель ЧСК Г.С. Чудновский практически не участвовал в ее работах. Его подпись можно видеть на документах, написанных и составленных К.А. Поповым, да в приказах об арестах и расстрелах. Впрочем, нельзя не отметить интерес председателя к изъятиям у разных лиц денежным суммам и «мешку с золотыми и бриллиантовыми вещами»²⁵. На допросах Колчака Самуил Гдальевич появился всего дважды - 23 января и 6 февраля. Однако повторное посещение весьма спорное: по книге «Допрос Колчака» Чудновский пришел на последнее заседание, задал единственный вопрос и что-то напомнил адмиралу, но в выявленных подлинных протоколах допроса его подпись за 6 февраля отсутствует²⁶. Зная скрупулезность Попова при заполнении протоколов [нельзя путать со стенограммой - С.Д.] можно предположить: председателю было не до Колчака с его показаниями для истории или намеченного 27 января показательного суда.

Вторая сторона - все расследование осуществлялось и юридически оформлялось теми же членами ЧСК, что и при Политцентре: меньшевиком-интернационалистом Поповым, социал-демократом интернационалистом Денике, эсерами: членом исполкома совета профсоюзов Лукьянчиковым и бывшим председателем Амурского правительства Алексеевским. Не претендуя на первооткрытие последнего факта, отмеченного самим Поповым в предисловии к книге «Допрос Колчака»²⁷, попытаемся доказать, что подбор документальных вещественных доказательств (с их внутренней смысловой структурой), представлялся каким угодно, но только не большевистским мировоззрением. Это в конечном счете и явилось главным «камнем преткновения» для несостоятельной патетики диктатуры сибирского «пролетариата» подменить собою причины, приведшие к свержению Верховной военной диктатуры. Далеко не каждый мог согласиться с принципом, высказанным на процессе директором Института советского права и председателем малого совнаркома А.Г. Гойхбаргом: «Чем сильнее разнuzданные силы, тем лучше для ускорения всеобщего возмущения сложившимся политическим строем»²⁸.

30 января было принято исключительной важности постановление, где за подписями Попова, Денике и Герштейна подследственным впервые предъявлялись конкретные обвинения «на основании ряда данных, как то свидетельских показаний, документов, имеющих в распоряжении следственной комиссии и официальных актов, опубликованных... павшей властью...а. - в захвате власти вопреки воли народа и в ведении Гражданской войны в целях восстановления дореволюционного режима; б. - в фактическом установлении на территории павшей власти дореволюционного режима, с доведением наихудших проявлений его до небывалых пределов, в частности, 1). в упразднении всех политических и социальных завоеваний революции, в особенности по отношению к рабочему классу и беднейшему крестьянству; 2). в расхищении прямым и косвенным путями народного достояния, 3). в создании целой системы организованных грабежей, вооруженных разбоев и всякого рода насилия над населением, разгромов и выжигания целых сел и деревень; 4). в организации одиночных и групповых убийств политических противников и массового истребления населения»²⁹.

Данные обвинения объявлялись руководством для дальнейшего производства расследований по делам всего состава совета министров во главе с адмиралом А.В. Колчаком. Следует отметить, что в преамбуле постановления не оговаривалась подведомственность следственной комиссии ревкому. В нем уравнивались две «павшие власти», что видно по отсутствовавшей просоветской оценке политической ситуации в Сибирском регионе. Отмечая «упразднение всех политических и социальных завоеваний революции», судя по всему, разработчики постановления имели в виду Февраль, но только не Октябрь 1917 года. Тем не менее, документ вошел в основу для судопроизводства. Во-первых, все перечисленные обвинения дублируются (в советской редакторской правке) обвинительным заключением по делу «самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей» и приговором. Во-вторых, пункт о «прямом руководительстве и соучастии» интерпретировался в «соучастие в преступной шайке»³⁰. В-третьих, заданность констатирующей части прямым образом сказалась на всем дальнейшем расследовании, итог которого и ляжет на стол вещественных доказательств перед Чрезвычайным революционным трибуналом при Сибревкоме.

28 января было официально сообщено о разработанном вопроснике для допроса Колчака. Публично пообещали - фиксируемый двумя стенографистками окончательный текст допроса

будет помещен в печати³¹. Все протоколы допросов Верховного правителя, за исключением 5-го от 27 января 1920 г., оформленного Денике, заполнял лично Попов. Во время допросов работали две стенографистки - С. Каминская и С. П. Дробышевская, расшифровку стенограмм и печатные работы осуществлявшие на дому. Так, 17 марта из квартиры Дробышевской, «самовольно уехавшей из Иркутска на Восток»³², Попову была доставлена разорванная часть стенограммы. Видимо всю дальнейшую техническую работу выполнила Каминская. Вот почему в примечаниях от редакции в книге «Допрос Колчака» отмечалось, что «некоторые места стенограммы и отдельные слова, не поддававшиеся прочтению, в подлиннике пропущены и на их месте поставлены многоточия»³³: Каминская не прочитывала стенограмму Дробышевской. Форма снятия показаний - вопрос-ответ подтверждается разорванной стенограммой, где подчеркнутые первые в ряду знаки указывают на собственное имя или фамилию. На одном из кусков разорванного листа проставлено время - 9. 40. Стенограмма велась карандашом на линованной и нелинованной бумаге.

Необходимо отметить определенную литературную обработку показаний А. В. Колчака в ленинградском издании «Допроса». Начатая с чисто технического затруднения по расшифровке стенограммы, она получила дальнейшее продолжение уже Поповым. На 24 марта 1920 г. было отпечатано 4 экземпляра³⁴ стенограммы, причем 1-й на 131, 2-й - 133, 3-й - 225 и 4-й на 218 страницах. В первых двух - все немногочисленные исправления и, более того, добавления, выполнены и заверены Поповым. На основании каких источников мог он править текст «протоколов»? Скорее всего, полагаясь на свою память. Ведь во время допросов занимался заполнением документов, а вести еще один «протокол» физически невозможно. Располагая действительно подлинными протоколами допросов Верховного правителя адмирала Колчака с его и всех членов ЧСК собственноручными подписями³⁵, можно сделать вывод, что издатели «Допроса Колчака» подменили протоколы на стенограмму показаний.

Февраль был обилён на события, отразившиеся на всей деятельности ЧСК: постановлением Иркутского ВРК от 3-го числа за № 20 она наделялась судебными функциями с правом применения смертной казни «на период контрреволюционного вооруженного восстания». Оговаривалась безконфирмационность исполнения приговоров³⁶. В тот же день постановлением № 24 был образован Военно-революционный трибунал при ревкоме. В объяснение причин его создания выдвигались исключительные условия «фронтной полосы в борьбе с реакцией» и отсутствие «нормальных советских учреждений». В ведении трибунала перешли дела об общеуголовных, воинских и политических преступлениях.

Поскольку данный документ имеет большое значение для формирования представления о возможном порядке проведения судебного процесса по персональным делам арестованных и ожидавших суда А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева, рассмотрим его общие положения. Военно-революционный трибунал состоял из председателя и четырех членов, избираемых Иркутским советом рабочих и солдатских депутатов (как состоявших, так и не состоявших членами совета). Подсудимым предоставлялось право приглашать защитника из лиц, неограниченных в правах. Законными поводами для возбуждения уголовных дел признавались: а) сообщения военных начальников, политических комиссаров и войсковых организаций, б) сообщения административных и судебных должностных лиц и мест, в) жалобы и заявления военнослужащих и частных лиц, г) явка с повинной. Предусматривалось, что подсудимые дела в трибунале должны рассматриваться с «возможной быстротой», под гарантии предоставления подсудимым защиты. По каждому представшему на скамье подсудимых, должен был быть составлен обвинительный акт, копия которого передавалась ему в руки, кроме ее - копия списка свидетелей и судей. Срок для вызова свидетелей со стороны подсудимого или его защиты устанавливался три дня с момента вручения обвинительного акта и списка свидетелей. При вынесении приговора решающее мнение принадлежало большинству голосов. Виновные приговаривались: а) к денежному штрафу, б) к общественному порицанию, в) к лишению свободы на определенные сроки или без срока, г) к общественным работам, д) к смертной казни. Смертные приговоры считались окончательными и вступавшими в законную силу через 24 часа, без дальнейшего кассационного обжалования³⁷.

До принятия этих постановлений губернская конференция РКП(б) утвердила резолюцию об отношении к смертной казни. В ней отмечалось: «В условиях социальной революции, при ожесточенной борьбе двух борющихся внутри общества классов - пролетариата и буржуазии - позволительны все методы и способы, обессиливающие врага и дающие возможность завершить начатое дело ликвидации старого буржуазного правопорядка... Теперь, когда: 1) советской власти угрожает враг, как с востока, так и с запада, 2) контрреволюционные элементы в пределах г. Иркутска организуются для борьбы с советской властью, - коммунистическая организация предлагает власти беспощадно карать врагов советской власти включительно до смертной казни»³⁸.

Резолюция как нельзя лучше очерчивала три главные направления в последующей активизации местных большевиков за упрочение своих политических позиций. Первое направление (именно первое, а не второе, третье или десятое) - «ликвидация старого буржуазного правопорядка». Не следует забывать, что сторонники Земского собора, или та самая «демократия, борющаяся против власти Колчака», продолжали пользоваться доверием населения, а некоторые ее представители протестовали против огульного введения смертной казни, требуя разработки законов. Постановление № 24 позволило местным коммунистам силовым приемом скинуть своих бывших «союзников», конечным результатом чего явилось упразднение исполкомом 5 февраля Иркутского губернского земства. По распоряжению комиссара советского управления, вся власть (вот теперь уже полновесная), была передана исполкому Иркутского уездного совета. Комиссию же по ликвидации земства не случайно возглавил комиссар внутренних дел. Местная печать, отметив это событие, само постановление об упразднении не опубликовала³⁹.

Второе направление - борьба с врагом «как с востока, так и с запада». Трудными отечественных историков написана эпопея героического противостояния революционных дружин Иркутска против наступавших каппелевцев и семеновцев. Благодаря воспоминаниям участников событий, создалось впечатление, что именно в те студёные февральские критические переломные дни решалось быть или не быть власти советов. Но если отбросить излишнюю патетику и обратиться к первоисточникам, то вырисовывается довольно странная картина: пяти тысячному гарнизону Иркутска, 1 Иркутскому казачьему, 2 конному, 1 кавалерийскому и 2 Забайкальскому полкам, ожидавшим с запада подхода частей Восточно-Сибирской советской армии, угрожали «мелкие разведки», «мелкие разведы», «обозы», «мелкие части» растаившейся «колонны каппелевцев». И вся «борьба с врагом» ограничилась тремя сутками, по истечению которых, 10 февраля, осадное положение в городе, приказом ВРК № 26, было снято.

Третье направление - борьба с «контрреволюционными элементами в пределах города», обозначалось иркутскими большевиками, основываясь на «таинственных передвижениях по городу... предметов боевого снаряжения» и разбросанным портретам Верховного правителя⁴⁰. Однако сам секретарь губернской рабоче-крестьянской инспекции милиции, оценивая политическое состояние губернии, признавал, что отдельные царские офицеры, осевшие в таежных Балаганском и Нижнеудинском уездах и поддерживавшие связь с Иркутском, ввиду малочисленности, «никаких активных выступлений с оружием в руках не предпринимали, а старались завязывать связь с кулацкими элементами деревни, через которых проникали в широкую крестьянскую массу, будируя их против советской власти»⁴¹.

Следовательно очевидно, что чрезвычайной ситуации, требовавшей немедленного расстрела Колчака и Пепеляева на 6 февраля 1920 г. не существовало, как бы потом «литературно» не оправдывались Шириамов, Бурсак и Чудновский. А оправдываться им действительно приходилось. 13 февраля (в день, когда в городе было снято военное положение) в Иркутск прибыл представитель советской России (фамилия не установлена), вместе с двенадцатью уполномоченными от центральной власти. Все они остались весьма недовольны скоропалательной казнью адмирала без санкции Москвы⁴².

Расстрел главных представителей свергнутой власти, казалось бы, на следственной работе ЧСК никак не отразился. В том же составе она продолжала допрашивать арестованных офицеров контрразведки. И все же, нельзя пройти мимо штучных документов с перепиской о выдаче трупов Колчака и Пепеляева для их дальнейшего погребения. 12 февраля, постановлением за подписями Попова, Лукьянчикова, Денике и Алексеевского, было принято решение о прекращении следственного дела на В.Н. Пепеляева с конечной формулировкой «за его казнь по приговору ревкома»⁴³, с выдачей предсмертной записки бывшего председателя совета министров его вдове. Дальнейший «гуманный» акт следственной комиссии имел скрытый смысл. Прошение Е. Пепеляевой с просьбой оказать содействие в получении тела мужа⁴⁴ товарищ председателя К.А. Попов отослал в ВРК с препроводительным письмом, где отметил: «со стороны... комиссии... препятствий в выдаче тела не имеется»⁴⁵. 14-го, с аналогичной просьбой обратилась А.В. Тимирева, ходатайствуя о трупе А.В. Колчака. Вновь Попов отослал документ в комиссию. Дождавшись официальных ответов, он известил Е. Пепеляеву и А.В. Тимиреву о том, что «тела... погребены и никому выданы не будут»⁴⁶. Не останавливаясь на «занимательном» вопросе, что следует понимать под словом «погребены» - ледяную прорубь на Ангаре или могилу во дворе Иркутской тюрьмы, отметим очевидный факт. За всей бюрократической волокитой стояло подчеркнуто нескрываемое желание членов Чрезвычайной следственной комиссии отмежеваться от решения ВРК о расстреле Колчака и Пепеляева, что говорит об их несогласии с постановлением за № 27 и срывом планов по допросам убиенных, а равно - судебного процесса.

Март стал месяцем срочного подведения итогов и оформления предварительного следствия. 1-го числа на специальном заседании губревкома обновленному составу ЧСК (председатель С.Г.Чудновский, товарищ председателя К.А.Попов, члены: А.Кофер, В.П.Денике и Л.Я.Герштейн) были даны установки, кого следует относить причастным к правительству Колчака - «лиц, принадлежащих к центральной власти, несших ответственные и руководящие должности»⁴⁷. 1-го и 7-го Попов продолжил допросы контрразведчиков А.В.Шемякина и Ф.К.Цыганкова⁴⁸, 4, 5, 11 и 30 марта, по делу А.А.Червен-Водали, были опрошены в качестве свидетелей представители Иркутской губернской земской управы (разогнанной 20 февраля) Я.Н.Ходукин, П.В.Зицерман, А.Я.Гончаров, И.И.Ахматов и бывший член ЧСК А.Н.Алексеевский⁴⁹.

Дальнейшее производство следственных действий по делам перечисленных лиц, до момента их фактической передачи в Сибревком, возлагалось на К.А.Попова с правом «дать заключение» перед отделом юстиции. За период с 15 марта по 17 апреля К.А.Попов обобщил и существенно пополнил работу, проделанную под началом двух властей. Прежде всего просмотрел, с составлением описей, все телеграммы, ленты прямых телеграфных переговоров и дела представителей колчаковского правительства, поступившие в комиссию еще в начале января из юридического совещания при Политцентре. Составляя осмотры, Константин Андреевич выписывал краткое поштатейное содержание принятых постановлений, имевших, по его оценке, «антинародную направленность» и перечислял подписавшихся под ними членов правительственного кабинета. Если бы данные осмотры в дальнейшем были использованы для намеченного «заключения» перед омским следствием, назначенным 14 марта, тогда кабинетная аналитическая работа заместителя председателя Иркутской губчека могла бы расцениваться ее самостоятельным видом. Но на практике реализовалось самое страшное для подсудимых - фактическое наличие их подписей посчиталось в Омске непрерываемым доказательством прямого соучастия в последних принятых коллегиальных постановлениях.

В конечном результате, 23 марта, к делу бывшего совета министров Сибирского и Российского (А.В.Колчака) правительства были приобщены: 42 номера собраний постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Правительствующего сената; семь томов журналов Административного совета, закрытых заседаний совета министров, заседаний большого и малого советов; три тома копийных журналов совета министров; шесть томов копий докладов и представлений в совет министров; том документов по заседаниям совета министров, а также пакет с шифрограммами прямых переговоров⁵⁰.

10 апреля итог кропотливой кабинетной деятельности, выполненной с завидным школярским усердием, послужил для юриста Попова основанием для обвинений подсудимых в «постоянном» и «спорадическом» соучастии в «преступной» деятельности Временного Сибирского и Российского правительств. Деятельность выражалась: «1) в захвате власти, вопреки воли народа и в ведении Гражданской войны, в целях восстановления дореволюционного режима, 2) в фактическом установлении на территории этих правительств дореволюционного режима, с доведением наихудших проявлений его до небывалых пределов, в частности: а) в упразднении всех политических и социальных завоеваний революции, в особенности по отношению к рабочему классу и беднейшему крестьянству, б) в расхищении прямым и косвенным путем народного достояния, в) в создании целой системы организованных грабежей, вооруженных разбоев и всякого рода насилия над населением, разгромов и выжигания сел и деревень, одиночных и групповых убийств и массового истребления населения»⁵¹.

Определенно постановление К.А.Попова от 10 апреля (как и более ранее от 8-го числа), не отличалось от постановления Чрезвычайной следственной комиссии, принятого 30 января, в главном - в отсутствии «просоветской» оценки политической ситуации в Сибири. В каждом из этих документов о руководящей роли местных большевиков в свержении правительств Временного Сибирского и Колчака не говорилось вовсе, как и о преступлениях «в организации истребительной вооруженной борьбы» против них.

18 апреля 1920 г. арестованные в сопровождении К.А.Попова прибыли в Омск. Представляет интерес тактика сбора вещественных доказательств на «омском» этапе. В «Следственном деле» сохранился лишь единственный документ этого периода, манера составления которого свидетельствует о перенимании членами Сибирского ревтрибунала «поповского» опыта. 28 апреля следователь (фамилия не указана) составил справку, где на основании осмотра журналов заседаний совмина правительства А.В.Колчака, установил участие товарища министра народного просвещения Н.О.Палечека в заседаниях кабинета и длинным списком перечислил принятые на них постановления⁵².

Заключительный этап подготовки процесса начался с публикации в прессе 22 апреля информации о том, что привезенных из Иркутска министров и их товарищей ожидает суд⁵³. Первона-

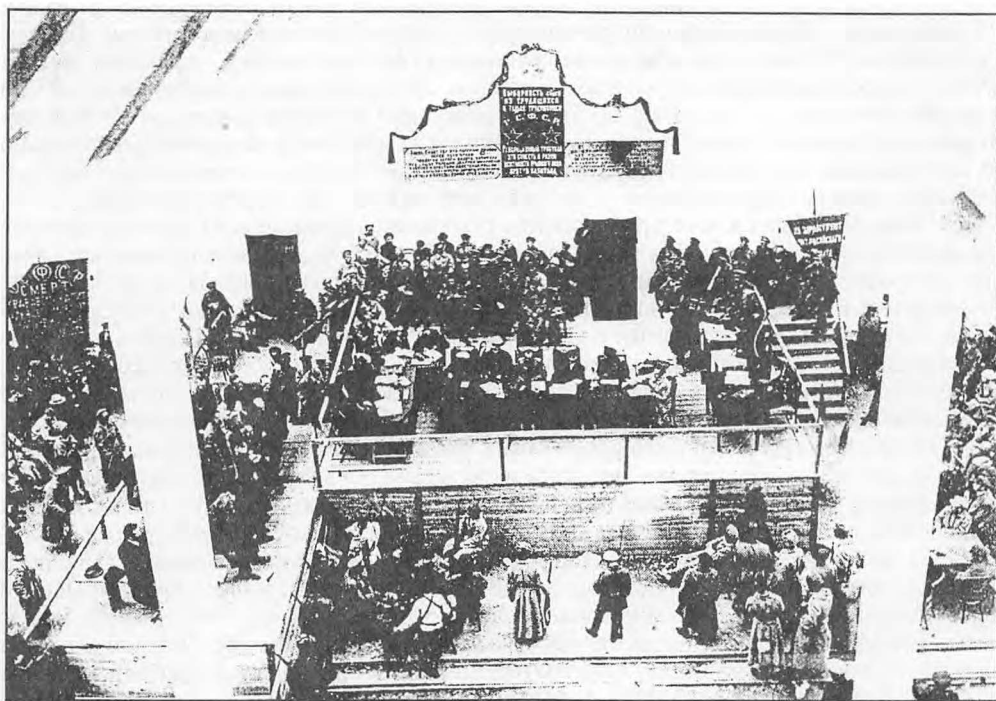
чальный список подсудимых включал в себя 25 фамилий: 1). Болдырев Дмитрий Васильевич, преподаватель Владивостокского университета, 2). Василевский Вячеслав Константинович, товарищ министра труда, 3). Введенский Сергей Авксентьевич, товарищ министра торговли и промышленности, 4). Грацианов Александр Алексеевич, товарищ министра внутренних дел, 5). Гришина-Алмазова Мария Александровна, вдова управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства и командующего Сибирской армией, 6). Дмитриев Николай Васильевич, товарищ министра продовольствия, 7). Жуковский Владимир Григорьевич, товарищ министра иностранных дел, 8). Карликов В.А., помощник военного министра, 9). Клафтон Александр Константинович, директор-распорядитель Русского бюро печати, 10). Краснов Григорий Андрианович, государственный контролер, 11). Ларионов Алексей Николаевич, товарищ министра путей сообщения, 12). Малиновский Михаил Алексеевич, товарищ министра юстиции, 13). Молодых Иннокентий Александрович, товарищ министра продовольствия и снабжения, 14). Морозов Александр Павлович, министр юстиции, 15). Новомбергский Николай Яковлевич, товарищ министра внутренних дел, 16). Палечек Н.О., товарищ министра просвещения, 17). Писарев Л.И., помощник главноуправляющего по делам вероисповеданий, 18). Преображенский Павел Иванович, министр просвещения, 19). Степаненко Георгий Макарович, товарищ министра путей сообщения, 20). Третьяк Спиридон Матвеевич, товарищ министра труда, 21). Хроновский Иван Неронович, товарищ министра финансов, 22). Цеслинский Михаил Николаевич, главноуправляющий почт и телеграфа, 23). Червен-Водали Александр Александрович, и.о. заместителя председателя совета министров, 24). Шумиловский Леонид Иванович, министр труда, 25). Ячевский Михаил Эдуардович, товарищ министра внутренних дел. Позднее из списка исключили Болдырева (роль которого в деятельности колчаковского правительства до сих пор не выяснена), ввиду последовавшей «еще до рассмотрения дела» смерти⁵⁴.

Судить министров и их товарищей было поручено Сибирскому Чрезвычайному революционному трибуналу (ЧРТ) в составе: председатель - представитель ВЧК И.П. Павлуновский, члены от Сиббюро ЦК РКП (б) - В.М.Косарев, рабочих - М.Н.Байков, крестьянских масс - руководители партизанского движения на Алтае и в Енисейской губернии Е.М.Мамонтов и П.Е.Щетинкин (арестованный в декабре 1920 г. органами ВЧК за контрреволюцию). Обвинителем с функциями прокурора Сибревком назначил Александра Григорьевича Гойхбарга.

Обвинительное заключение «по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей», составленное Гойхбаргом, было опубликовано 12 мая 1920 г. в омском органе печати Сибревкома и Сибирского областного бюро РКП(б)⁵⁵. Обвиняемые 23 человека перечислялись в нем в произвольном порядке, без учета занимаемых должностей: Червен-Водали, Шумиловский, Краснов, Морозов, Преображенский, Ларионов, Степаненко, Жуковский, Писарев, Болдырев, Клафтон, Гришина-Алмазова, Цеслинский, Ячевский, Грацианов, Палечек, Молодых, Дмитриев, Карликов, Введенский, Василевский, Третьяк и Новомбергский.

Заключение являлось в большей степени эмоциональным политическим сочинением, нежели судебным документом. Не случайно при прочтении на первом заседании процесса оно сорвало аплодисменты публики. Документ обвинял весь общественный строй, политическую и экономическую системы, сложившиеся к началу 1920 г. в Сибири, но только не каждого подсудимого в отдельности. Аргументация выдвинутых обвинений для юрисдикции составлена была на источниках третьего порядка. В первой части - одном из вариантов стенографической записи (не протоколов) допросов А.В.Колчака, во второй - информации, на 90% извлеченной из осмотров журналов правительств Временного Сибирского и Верховного правителя и всего лишь на 10% из предварительных следственных материалов.

Чрезвычайный ревтрибунал проходил с 20 по 30 мая 1920 г. на Атамановском хуторе, рабочем пригороде Омска. Место суда представляло собой приспособленные под зал огромные новые мастерские вагонного цеха. Его обустройством занимались свыше ста пленных польских офицеров: ровняли землю, возводили трибуны, ставили скамейки. В зале висели лозунги: «Здесь судят тех, кто по горам трупов, через реки крови, пролагал дорогу власти капитала, кто душил голодом десятки миллионов рабочих и крестьян советской России, кто взрывал мосты, дороги, кто разрушал фабрики и заводы. Война этой власти!», «Выборность судей из трудящихся и только трудящихся РСФСР. Революционный трибунал это совесть и разум восставшего трудового люда против капитала», «Нет меры бесчинствам колчаковского правительства, нет казни, могущей воздать за кровь и муки растерзанных им Сибири, Урала и Поволжья. Но пролетариат имеет полномочия суда над этим правительством». Обстановка в зале была неофициальная. В первый день суда собралось свыше восьми тысяч зрителей, в последующие - немного меньше. Из-за плохой акустики с задних рядов публика старалась подойти ближе. Постепенно вокруг трибун образовывался ог-

Зал заседаний суда на Атамановском хуторе в Омске. Фото 1920 г.

ромный людской круг. Зрители с напряженным вниманием слушали дело, иногда аплодисментами демонстрируя приверженность советской власти. Поддерживались тишина и порядок.

Никто из членов трибунала юридического образования не имел, кроме государственного обвинителя Гойхбарга, председателя малого совнаркома РСФСР, профессора. Защиту представляли: Аронов (подзащитные - Шумиловский, Преображенский, Ларионов, Грацианов, Введенский, Василевский, Червен-Водали, Клафтон), Айзин (подзащитные - Морозов, Молодых, Степаненко, Цеслинский, Дмитриев, Жуковский, Писарев, Хроновский, Новомбергский), Бородулин (подзащитные - Карликов, Палечек, Ячевский, Малиновский, Краснов). Подсудимый Третьяк от защитника отказался.

На скамье подсудимых находились: один и.о. заместителя председателя совета министров, три министра (просвещения, труда и юстиции), шестнадцать товарищей министров различных ведомств и министерств, три чиновника высокого ранга и два человека не занимавших никаких постов (оба по разным причинам от уголовной ответственности были освобождены). При опросе о признании своей виновности, все они, за исключением С.М.Третьяка, таковую в последствиях деятельности колчаковского правительства отвергли. Как видно из перечисления должностей, обвиняемых трудно назвать первыми лицами правительства (за исключением четырех). Тем не менее, советская власть придавала процессу важное значение, что видно по должностному положению членов ревтрибунала, относившихся к руководящей партийной элите. Состав судей резко контрастировал с составом подсудимых. Необходимость судить этих людей как правительство Колчака могла определяться, либо потребностью оправдать казнь без суда над А.В.Колчаком и В.Н.Пепеляевым, либо необходимостью создать прецедент на будущее для судов над крупными лидерами «контрреволюции». Процессу пытались придать характер объективного «буржуазного» судопроизводства. Для чего были приглашены профессиональные защитники, и обвинитель, имевший юридическое образование и авторитет в центральных советских правоведческих кругах. В то же время власть не скрывала свою уверенность в виновности подсудимых, о чем красноречиво говорило оформление зала суда, компания в прессе накануне процесса, а также твердая убежденность в достаточности собранных документальных улик и вещественных доказательств.

Анализ тактики судебного разбирательства выявил две особенности: ведущую роль обвинения в судебном расследовании и, в то же время, его недостаточную подготовленность к процессу. Обвинитель А.Г.Гойхбарг не только выбирал, изменял, тасовал тактику и формы судебных

заседаний, но и вызывал большее, нежели защита, количество свидетелей, делал резкие, безнаказанные замечания защите и даже суду. Так, в конце третьего дня, он снял вопрос председателя ЧРТ замечанием: «Когда дойдем до этого вопроса, тогда мы Дмитриева и спросим, а сейчас не допрашивать»⁵⁶. Точно также обвинение превышало свои полномочия, определяя качество и значимость представленных защитой документов: «... все это, написанное в бумажках, абсолютно не исполнялось», «... я считаю было бы искажением процесса ссылаться на бумажки, с которыми никто не считался». Возражение же защиты, ссылавшейся на обвинительное заключение, где разъяснялось, как надо смотреть на все «бумажки», обвинитель использовал для очередного возражения по ходу следствия, усмотрев в нем «замечание... через голову суда»⁵⁷.

Поведение Гойхбарга в некоторые моменты становилось вызывающим. Кульминация наступила на восьмом заседании, когда обвиняемым была предоставлена возможность назвать мотивы своих поступков и действий. В самом начале заседания Александр Григорьевич потребовал, чтобы те объяснялись в совокупности «по фактам и действиям, которые являются, с точки зрения обвинителя, чрезвычайно преступными», а не занимались «биографическими безобидными разглашениями»⁵⁸. В противном случае он считал бы свое присутствие на процессе излишним. Через некоторое время угроза была выполнена. «Ввиду выяснившегося характера, так называемых объяснений подсудимых и... неотложных дел»⁵⁹, Гойхбарг демонстративно покинул зал.

Объективность судебного разбирательства и равноправие сторон были лишь декларируемой формальностью, направление процесса и его задачи определялись только обвинением. С другой стороны, судебные заседания отличались плохой подготовленностью, а линия поведения обвинения была недостаточно четко продумана, что подтверждается на примерах даже казуистического свойства. Так, в обвинительной речи, заключавшейся в формальном оглашении заключения, один из обвиняемых, покойный профессор Болдырев обвинялся в провозглашении на собраниях здравий в честь Верховного правителя. А на пятом заседании ЧРТ, цитируя статью из газеты «Свободная Россия», где автор выступал против «бело-панской» Польши и призывал русских граждан «встать на защиту своего Отечества»⁶⁰, государственный обвинитель дошел до смешного абсурда. Он обвинил Национальный центр и «родственные ему организации» в разложении Красной армии - «похвалями»⁶¹.

Помимо несурзностей, ход процесса изобилует большим количеством накладок. Например в преамбуле обвинительного заключения, при перечислении обвиняемых, не упоминались М.А.Малиновский и И.Н.Хроновский, которые прошли в приговоре. В то же время были названы Д.В.Болдырев и М.А.Гришина-Алмазова. Последняя обвинялась в «орудовании» в военном-промышленном комитете. Однако простой опрос свидетелей и самой подсудимой выявил, что к этому комитету Мария Александровна никакого отношения не имела, а занималась благотворительностью. В результате, уже на четвертый день заседания, А.Г.Гойхбарг, «в интересах не затемнения процесса», вынужден был ходатайствовать об оправдании Гришиной-Алмазовой. При этом он раскрыл источники (сформулированные им как «предположения, давшие повод к обвинению»), ставшие причиной ареста подсудимой - предварительные показания И.А.Молодых.

Краткий анализ следственного дела был бы далеко неполным без освещения позиции защиты. Все адвокаты являлись представителями дореволюционной школы российских юристов, привыкших считать себя равноправной стороной судебных процессов. Однако во время заседаний ЧРТ им неоднократно давалось понять, что их положение близко к положению подзащитных. В своей заключительной речи обвинитель Гойхбарг весьма недвусмысленно охарактеризовал предыдущую адвокатскую практику защитников, как «работавших в царских судах и в судах Керенского и в судах Колчака»⁶². Кроме того, как видно из стенографической записи судебного процесса, защита не имела возможности полноценно подготовиться к процессу.

Несмотря на столь стесненные условия, защита в ряде случаев успешно доказывала несостоятельность отдельных обвинений. 27 мая она смело перехватила инициативу и атаковала трибунал ходатайствами о приобщении к следственным делам подзащитных целого ряда документов, существенно корректировавших навязанную обвинительным заключением мотивацию их деятельности в составе правительства. И если на первых порах обвинитель Гойхбарг не сдерживал этот натиск, то, спустя время, между ним и защитником был начат самый настоящий торг.

В заключительной речи, позаимствовав фразу министра юстиции колчаковского правительства С.С.Старынкевича, видевшего единственный выход для смягчения накалившейся обстановки в сохранении представителей социал-революционной партии в составе правительства в качестве «демократического фигового листочка»⁶³, весь смысл внутрипартийной борьбы в Сибири в 1918-1919 гг. обвинитель свел к следующей схеме. «Фиговый листок» сыграл решающую роль в выдвижении на первый план эсеров и меньшевиков, провозгласивших своим лозунгом демократию и любовь к Родине. Эти «промежуточные партии» приняли к себе на службу целый ряд лиц.

Таким образом, подсудимые проложили дорогу для военных сил и атамановщины. Уничтожив декреты советской власти в Сибири, издав свои законы, они способствовали появлению А.В.Колчака и его преемников. Сгруппировав аппарат, «промежуточные партии» начали постепенно сбрасывать «фиговый листок», для начала «сплавив» двух видных эсеров Н.Д.Авксентьева и В.М.Зензинова, а затем разогнав Директорию. Для сохранения спекуляции, воровства и частной собственности подсудимые способствовали расстрелу меньшевика И.И.Кириенко и эсера И.И.Девятова, вступили в «неразрывные узы» с деятелями военно-промышленного комитета.

Нагнетая атмосферу в зале заседания, напомнив о похоронах в Омске жертв колчаковских застенков («когда гробы растянулись на версту с лишком»), трагической гибели тридцати одного арестованного на Байкале, Гойхбарг, указывая рукою на скамьи подсудимых, обращался к присутствовавшим с вопросом: «Что полагается за страшные преступления лицам их совершившим, лицам, участвовавшим в них, лицам, прикосновенным к ним, лицам, технически подготовившим совершение их?» И в едином порыве зал оглашался криками: «Расстрелять! Расстрелять!»⁶⁴.

Структура построения речи защитника Аронова указывала на явное стремление осмеять громкую патетику обвинителя, показать бездоказательность обвинений и искаженное представление о политических событиях в Сибири в период Гражданской войны. Начав с 12-й статьи основных положений Уголовного права РСФСР, он заострил внимание на причинах, по которым подзащитные («имеющие заслуги перед рабочими и крестьянами») попали в правительство. Подчеркнув очевидный факт, что «данными дела установлена их безучастность» в антибольшевистском движении, Аронов произнес слова, резко направленные против гойхбарговской концепции политической жизни: «Никто из этих лиц не принимал участия ни в каких боевых организациях, поставивших целью свержение советской власти в Сибири. Таких данных на этом суде не было, да и свержение советской власти в Сибири произошло помимо какой-нибудь вооруженной силы»⁶⁵. Выступление чехословацкого корпуса и, как результат, падение советской власти, происшедшие под влиянием стран-членов Антанты, послужили предпосылкой для представителей проэсеровской Сибирской областной думы провозгласить думскую власть. Поддержка широких слоев населения демократических преобразований и стала причиной, подтолкнувшей «правые социалистические и демократические элементы», «прежних служащих различных учреждений» из числа подзащитных, поступить на службу новой власти.

От «общего к частному» защитник выделял политическую нейтральность подзащитных, пришедших в правительство «налаживать ту часть аппарата, с которой они были знакомы и по своим знаниям и по своему практическому опыту». Именно в это время *три силы*: первая - «буйная, разгульная, жестокая атамановщина», вторая - «иностранный вооруженный сила» и третья - «волна беженцев из помещиков и дворянства..., бежавшие в Сибирь, чтобы компенсировать, что потеряли при советской власти»⁶⁶ и *возвели Верховную военную диктатуру*.

Подводя итог судебному разбирательству, Аронов заявил: «Перед вами прошла целая цепь обстоятельств, которые с неоспоримостью свидетельствуют, что обвиняемые не играли руководящей роли в этом правительстве, и если можно говорить об этих лицах как о членах правительства Колчака, то разве только в том смысле в каком эти лица напоминают нам о существовании правительства, с его кошмарными преступлениями и насилиями. Было бы, однако, глубоко несправедливо все злодеяния, все ужасы, которые совершены колчаковским правительством отнести не на счет Михайлова, не на счет Тельберга и Жардецкого, атамановщины, не на счет тех, которые в действительности были руководителями этого правительства, а на счет сидящих на скамье подсудимых. Главных виновников здесь нет»⁶⁷.

Совсем в ином ключе построил свою речь защитник Айзин. Он осторожно давал понять, что преследуемая Гойхбаргом цель - «политически умертвить колчаковщину» - схожа с мотивами «квази-процесса» Верховного правителя по делу А.В.Катанаева и И.И.Красильникова. Адмирал заявлял, что судебное разбирательство призвано «показать перед всем миром полную невиновность, полную справедливость, полную нравственность восхождения его на трон»⁶⁸. Айзин утверждал: приписываемые обвинения к подсудимым не имеют ничего общего с их деятельностью в совете министров, где правила, не раз упоминавшиеся на процессе самим обвинением, И.А.Михайлов, Г.К.Гинс, С.С.Старынкевич, В.Н.Пепеляев и П.В.Вологодский, под идейным прикрытием В.А.Жардецкого и Лопухина, а за границей - М.Н.Бутова. Но даже по отношению к последним нельзя категорически утверждать о повсеместном контроле правительства над всем Сибирским регионом. Ведь территория театра военных действий («целый район к востоку от Иртыша») была изъята из ведения совета министров, и все, что там происходило, шло помимо распоряжений и указаний из Омска⁶⁹.

Останавливаясь на причинах падения советской власти, защитник указывал на непонятную *поспешность ее представителей покинуть Сибирь, сразу после первого вооруженного стол-*

кновения с чехословаками. И уже, как результат, на «очищенную территорию ... кинулись эсеры, люди правых убеждений, кадэ, люди самых разнообразных убеждений, с целью захвата власти и осуществляли те политические идеалы, к которым они всегда, по своим политическим убеждениям, стремились»⁷⁰.

Защитник ставил под сомнение обвинения, назвав их «нелепыми». Ведь, если речь идет о «шайке», полагал адвокат, то число его подзащитных должно было бы несомненно пополниться за счет свидетелей по процессу, машинистов, ремонтировавших паровозы и тысяч других служащих. И далее, деяния совета министров могли бы быть вменены всем сидящим в зале трибунала. Следовательно подписи подзащитных под журналами заседаний вовсе не знаменовали собою их согласие с принимаемыми решениями правительства⁷¹. Защиту своих клиентов (по определению Павлуновского «опереточного характера») адвокат полностью выстраивал на суммированных показаниях, данных подзащитными во время судебного разбирательства, без привлечения дополнительных оправдательных документов.

Защитник Бородулин, откровенно признав свою неподготовленность к участию в «грандиозном историческом процессе», напомнил об основном принципе решения ответственности обвиняемых. Таким «простым и ясным принципом» он называл индивидуальность обвинения. Если расследуется деятельность «шайки», справедливо замечал он, то необходимо выяснить, кто и какие обязанности играл в ней? Адвокат указывал, что в конкретном случае речь должна идти о «шайке особого рода, шайке образцовой... называвшейся Всероссийским правительством»⁷². На суде сошлись два мира: представители отжившего сидели на скамье подсудимых, нового - за судейским столом. Для определения личной степени опасности каждого из подсудимых в условиях советского общественного строя, Бородулин настаивал на изучении «условий места и времени, при какой обстановке совершено то или другое преступление»⁷³. И с этой точки зрения адвокат указывал на не установленный факт - «кто» же, собственно, и был правительством? Отвечая на свой вопрос, значительный для определения степени виновности, он говорил: «правительством был Верховный правитель, совет министров и та кучка министров, которая вертела всем советом министров..., опираясь на военную силу и на торгово-промышленные круги, юридически опираясь на Верховного правителя»⁷⁴.

Подсудимые же, считала защита, были всего лишь служащими и чиновниками, теми, кто недавно составлял строй российского общества. Главной причиной поступления на службу большинства из них («зброшенных в Сибирь волею исторических событий и обстоятельств») защита посчитала житейский и профессиональный принцип - «Я служу делу, а не лицам, я хочу делать любимое дело и совершенно не желаю участвовать в той политической жизни, которая создавалась при современном строе»⁷⁵. Речь Бородулина, так же как и Айзина, базировалась только на устных показаниях подзащитных, высказанных ими на судебном процессе.

После речей защитников, напроць опровергших выстроенную А.Г.Гойхбаргом концепцию политической ситуации в Сибири, государственный обвинитель посчитал необходимым выступить с ответной репликой, желая не допустить «полного искажения процесса», по двум «неверным убеждениям... идеологии правых социалистических элементов»⁷⁶. Первом - о якобы непричастности правых социалистических партий к свержению советской власти и восстанию Чехословацкого корпуса, втором - о невиновности подсудимых. Опасаясь за последствия своего выступления, адвокат Аронов, вынужден был объясняться: «Для меня трагедия, которую пережила Россия, трагедия, которую пережила Сибирь под властью Колчака, не есть случайное явление. Для меня как марксиста, это есть исторический факт к воли личности того или другого образа мысли... Я думаю, что все, кто сам переживал момент свержения, и члены революционного трибунала, которые присутствовали и наблюдали это свержение, знают, что *здесь не было никакой вооруженной силы*»⁷⁷.

Видимо, по совету адвокатов все подсудимые, высказав свои надежды на справедливость ЧРТ, признали чудовищность деяний колчаковского правительства, но не персональную ответственность за них. Только подсудимый Третьяк «тягчайшую вину перед революцией» признал в том, что «современное, благодаря создавшейся обстановке или быть может по слабости своих сил, не взорвал и не пустил на воздух, созданный по указке из Лондона, омский государственный притон»⁷⁸.

Подводя итог по позиции защиты на судебном процессе, необходимо подчеркнуть следующие положения. Так как целью ЧРТ было не выяснение истины, сильная аргументированная защита могла помешать ее осуществлению. Поэтому адвокаты не получили полноценную возможность подготовиться к суду. Кроме того в ходе судебного разбирательства им давали понять, что излишняя активность может привести на скамью подсудимых. Однако профессиональные навыки адвокатов и подсудимых (многие из которых имели юридическое образование) часто мешали устрой-

телям процесса. Защита успешно доказала несостоятельность многих обвинений, избрав в качестве основного тезиса, что главных деятелей колчаковского правительства на скамье подсудимых нет, а обвиняемые являлись лишь технической силой, чиновниками этого правительства.

«Предопределенность» приговора была задана, по словам Гойхбарга, «двумя листочками основных положений Уголовного права советской республики»⁷⁹. В отличие от «социалистического и демократического уголовного листка», прикрывшего «наготу промежуточных партий», «два листочка» помогли государственному обвинителю выдать рекомендации по классификации индивидуального участия каждого подсудимого, их «приспособляемость к существующему общественному порядку... при помощи принудительных работ, при помощи перевоспитания»⁸⁰. В отношении к некоторым из подсудимых, «обладающим... способностями вступать в сношения..., неожиданно могущих появиться в местах, где есть некоторое колебание фронта..., сохранившим до самого последнего времени неразрывные связи с организациями, ведущими и поныне преступную борьбу»⁸¹ - «приспособляемость» признавалась неосуществимой. Исключение составили подсудимые Карликов («попал как кур в эти грязные щи») и Третьяк («содействовал в деле свержения этой преступной шайки с оружием в руках»). Других, «которые в свое время ушли по тем или иным хорошим или даже плохим побуждениям», ожидала изоляция от общества. По этим двум «критериям» и было предложено членам ревтрибунала «провести распределение» подсудимых при вынесении приговора, «необходимого для защиты интересов рабочих и крестьян, не обнаруживая чувства мести»⁸².

30 мая 1920 г., на одиннадцатом заседании, в течение более двух часов, члены ЧРТ обсуждали на закрытом заседании свое решение. После пояснения председателя И.П.Павлуновского присутствовавшим в зале суда: «В настоящее время, когда острый момент Гражданской войны миновал, советская власть нашла возможным, объявленное декретом совнаркома вне закона, правительство Колчака судить»⁸³, член трибунала Косарев огласил приговор. Приняв во внимание, что еще до рассмотрения следственного дела подсудимые Болдырев умер, а Гришина-Алмазова освобождена от ответственности, трибунал признал доказанными все шесть пунктов из обвинительного заключения А.Г.Гойхбарга в отношении к другим подсудимым.

«Считаясь с тем, что как выяснилось из дела, часть подсудимых сохранила связи, которые могут им облегчить повторение преступлений... и стоя на стаже жизни и достоинства трудового населения Советской республики, Чрезвычайный революционный трибунал признает опасными для общественного строя республики подсудимых: Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова и Клафтона, а посему постановляет: подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова и Клафтона подвергнуть высшей мере наказания - расстрелять. Что же касается остальных подсудимых, то, признавая опасным, за исключением подсудимых Карликова, Третьяка и Писарева, их пребывание на свободе, подвергнуть их лишению свободы с применением принудительных работ на сроки: подсудимых Краснова, Грацианова, Степаненко, Морозова, Жуковского и Малиновского - пожизненно, подсудимых Преображенского, Новомбергского и Ячевского - на все время Гражданской войны, подсудимых Цеслинского, Палечка, Молодых, Дмитриева, Введенского, Василевского и Хроновского - на десять лет, подсудимого Карликова - условному лишению свободы сроком на пять лет, с применением принудительных работ, подсудимого Третьяка - в виду его активного участия в борьбе за свержение самозванного правительства Колчака в Иркутске - условному лишению свободы сроком на пять лет, с применением принудительных работ, подсудимого Писарева, в виду не доказанности его душевной болезни и наличности основательных сомнений в его психическом расстройстве, поместить на испытание в психиатрическую лечебницу»⁸⁴.

После оглашения приговора Павлуновский заявил об его окончательности и не подлежащим обжалованию. Обязав С.М.Третьяка и В.А.Карликова явиться на следующий день, председатель ЧРТ закрыл судебный процесс. Сразу после этого защитник Аронов подал прошение о помиловании Л.И.Шумиловского, А.А.Червен-Водали, А.К.Клафтона и А.Н.Ларионова. В результате Павлуновский приостановил срок приведения приговора в исполнение⁸⁵.

30 мая 1920 г., когда в омских газетах было опубликовано обращение Особого совещания при Главкоме «ко всем бывшим офицерам, где бы они не находились» с просьбой, «забыв все обиды, кем бы и где бы они не были нанесены», добровольно идти с «полным самоотвержением и охотой» в Красную армию, по прямому проводу приговоренные к смерти обратились за помилованием к В.И.Ленину, Л.Д.Троцкому, А.Д.Цурюпе и М.И.Калинину. «Даем слово не участвовать в какой-нибудь борьбе против советской власти, относиться к ней с полной лояльностью и, если понадобится, честно служить ей». «Умоляю Вас, теперь, когда кончается Гражданская война против воли людей бросающая их в тот или другой лагерь, сохранить мне и осужденным

вместе со мной... жизни», - писали они в ходатайствах. Телеграмма от президиума ВЦИК задержала на время приведение приговора в исполнение «впредь до особого распоряжения»⁸⁶.

Расстрел подсудимых, согласно «Известиям ВЦИК», производился «дважды». 4 июня в заметке «Меньшевик-колчаковец» писалось: «Бывший барнаульский учитель, член партии меньшевиков Шумиловский был министром (труда) в правительстве Колчака. По некоторым сведениям он в свое время вышел из меньшевистской партии. Но это, разумеется, совершенно не меняет дела; факт остается фактом - меньшевик был колчаковским министром. Теперь этот Шумиловский расстрелян вместе с тремя другими своими коллегами по колчаковскому правительству за тягчайшие преступления против народа». Второй раз - 23 июня. Та же газета, отметив отклоненные президиумом ВЦИК просьбы о помиловании, сослалась на решение ЧРТ при Сибревкоме в ночь с 22 на 23 июня привести приговор в исполнение⁸⁷.

В периодизации истории Октябрьского переворота 1917 г., данной в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде», Ленин выделял в качестве самостоятельного третьего этапа: «Гражданскую войну от чехословаков и «учредилковцев» до Врангеля, 1918 - 1920 годов»⁸⁸. Совершенно очевидно, ограничивая хронологические рамки маем 1918 - ноябрем 1920 гг., он исходил из понимания, что именно в это время война с интервентами и «белогвардейцами» составляла *главное содержание* жизни России. К концу XX века, с молчаливого согласия отечественных историков, «вендом» окончания войны, уже с подачи зарубежных коллег, стал считаться показательный судебный процесс 1922 г. в Москве над политической оппозицией большевиков - партией социалистов-революционеров⁸⁹.

Между тем, уделяя приоритетное внимание крупным публичным процессам, проходившим в центральной европейской части России, не следует пренебрегать «локальными» судебными разбирательствами. Проходившие на местах событий они зачастую имели гораздо более важное значение, чем «столичные». Во-первых, многие видные деятели небольшевистских партий приобрели свой политический опыт в «окраинных» областях России. Во-вторых, позднейшие судебные процессы в практике применения обвинений против подсудимых использовали опыт местных военно-революционных трибуналов, хотя бы потому, что состав обвинителей «стажировался» на ранних аналогичных процессах. В-третьих, применительно к Сибири, отдаленной от центра России, употребление термина «локальный судебный процесс» неприемлемо по причине ее (Сибири) уникального социально-политического и территориального статуса, признававшегося той же центральной советской властью.

Местная советская власть восточной Сибири нуждалась в показательном судебном процессе, чтобы «кукушечьим» приемом подменить собою главных инициаторов антиколчаковского движения в регионе. Предлогом для реализации этого плана и послужило предварительное следствие над бывшими министрами и их товарищами Российского правительства А.В.Колчака. В качестве доказательства этого вывода предлагаем рассматривать установку ревтрибуналу члена Сиббюро, председателя Сибревкома И.Н.Смирнова: «Ведь этот процесс явится большим политическим митингом. После того, что будет о них обнаружено на суде, они уже как политическая партия погибли... Настроение масс переходящее, и это мы должны учесть»⁹⁰. Не случайно, А.Г.Гойхбарг в своих обзорных статьях о процессе, где «судились не только колчаковцы, но и породившие и поддержавшие колчаковщину, партии: кадеты, эсеры и меньшевики», список «преступлений», начинал с роли правых социалистических партий. «Теоретически мы убеждены, - писал он, - что правые социалистические партии, участвуя во власти, являются только прислужниками буржуазии, ее лакеями, что они сейчас необходимы буржуазии и военщине, как демократический фиговый листок, прикрывающий перед трудовыми массами их безобразную наготу. На суде это наше теоретическое убеждение получило себе драматическое подтверждение в смешных и страшных картинах сбрасывания этого фигового листка буржуазией и военщиной»⁹¹.

«Большой политический митинг» был использован иркутскими и омскими большевиками для вымарывания роли народного движения в свержении Верховной военной диктатуры. На основании предварительных следственных материалов, на девяносто процентов созданных ЧСК при Политическом центре, они насадили выгодные для себя оценки политической ситуации в Сибири, однобоко выпятив мнимые заслуги ревкома с дальним прицелом - дискредитировать сибирские небольшевистские социалистические партии.

Заседания Чрезвычайного революционного трибунала на Атамановском хуторе открыли новую страницу в политической истории советского общества. Это была первая попытка перейти от внесудебных, часто тайных расправ с крупными политическими противниками к иной формальной законной форме их уничтожения. Методы борьбы, применявшиеся в период Гражданской

войны, когда система судопроизводства либо вообще отсутствовала, либо существовала в пародийной форме революционной «тройки», уже не устраивала большевистское руководство. Видимо казнь А.В.Колчака и В.Н.Пепеляева вызвала у центрального советского руководства ощущение некоторого «неудобства». Это, по всей вероятности, и послужило одной из причин, что первым процессом нового типа был суд над «министрами колчаковского правительства».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. -Т.39. -С.46.

² См.: Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925 гг.). -М., 1975. - С.444-447; Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Милоков против советской России. -М., 1989. -С.175.; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -М., 1983. -С.261; Колчаковщина. Сб. док. -Екатеринбург; 1924. -С.146-161.

³ Познанский В.С. Суд над министрами Колчака//Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. -Новосибирск, 1990. -Вып.1. -С.44-51.

⁴ Там же. -С.45.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.1р.Оп.1.Д.116.Л.31.

⁶ Там же. Л.30.

⁷ Там же. Л.31.

⁸ Там же. Л.30.

⁹ См.: Дроков С.В. Материалы Следственного дела А.В. Колчака как источник по истории Гражданской войны в Сибири (1918-1920 гг.)//История Белой Сибири. Тез. 2 науч. конф. -Кемерово, 1997. - С.120-123; Он же. Следственное дело А.В.Колчака как источник по истории Гражданской войны в Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Он же. К вопросу формирования новой концепции Гражданской войны в восточной Сибири//История Белой Сибири. Тез. 3 науч. конф. -Кемерово, 1999. -С.6-12; Он же. Некоторые проблемы истории Гражданской войны в Сибири//Вопросы истории. -1999. -№ 6. -С.32-63.

¹⁰ Сибирская правда (Иркутск). -1920. -13 янв.

¹¹ Бюллетень информационного бюро Политического центра (БИБ ПЦ, Иркутск). -1920. -8 янв.

¹² Там же. -13 янв.

¹³ Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Арх. № Н-501.Д.8.Л.3.

¹⁴ Первые историки Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири. Библиографический указатель. -Новосибирск, 1988. -С.73; БИБ ПЦ. -1920. -8,9 янв.; Справка ЦА ФСБ РФ № 10/Н-1828. -1994. -12 апр.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.7.Л. 2.

¹⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39532.Оп.1.Д.43.Л.1.

¹⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.4р.Оп.1.Д.14.Л.4.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.7.Л.4.

¹⁹ Там же. Д.1.Л.8.

²⁰ Сибирская правда. -1920. -24 янв.

²¹ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.6.Л.361.

²² См. напр.: Бурсак И.Н. Конец белого адмирала. Разгром Колчака. Восп. -М., 1969; Ишаев В. Смерть Колчака и Пепеляева. Восп. очевидца//Уральская новь. -1926. -№ 3; Нестеров А.Г. Арест Колчака. Сб. восп./Годы огневые, годы боевые. -Иркутск, 1961; Новокшионов И. Вокруг ареста Колчака. Восп./Из колчаковщины. -М., 1931; Смирнов И. Конец борьбы. Примирение с чехословаками. Сб. ст./Борьба за Урал и Сибирь. -М.-Л., 1926; Чудновский С. Конец Колчака. Сб. восп./Годы огневые, годы боевые; Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака//Сибирские огни. -1924. -№4; Он же. Конец колчаковщины//Борьба классов. -1935. -№1-2 и др.

²³ ГАИО. Ф.42р.Оп.1.Д.92.Л.21.

²⁴ Сибирская правда. -1920. -28 янв.; ГАИО. Ф.42р.Оп.1.Д.92.Л.21.

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.1.Л.156; Д.8.Л.30,32.

²⁶ Допрос Колчака. -Л., 1925. -С.211; ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.1.Л.36.

²⁷ Допрос Колчака. - С. Ш.

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.6.Л.354.

²⁹ Там же. Д.10.Л.2.

³⁰ Советская Сибирь (Омск). -1920. -3 июня.

³¹ Сибирская правда. -1920. -28,29 и 31 янв.

³² ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.2. Пакет с надписью: «Изорванная стенограмма записи показаний Колчака».

³³ Допрос Колчака. -С.1Х.

³⁴ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.1.Л.144.

³⁵ Дроков С.В. Подлинные протоколы допросов А.В.Колчака и А.В.Тимиревой//Отечественные архивы. -1994. -№ 5,6; Он же. Подлинные протоколы допросов А.В.Колчака и А.В.Тимиревой как новый источник по истории «Белой» Сибири//История Белой Сибири. Тез. 1 науч. конф. -Кемерово, 1995. -С.129-131.

³⁶ Сибирская правда. -1920. -6 февр.

³⁷ Там же.

- ³⁸ Там же. -4 февр.
- ³⁹ Там же. -8,13 февр. С нашей точки зрения, 5 февраля 1920 г. и является фактической датой установления местной советской власти в Иркутской губернии.
- ⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.1.Л.41.
- ⁴¹ ГАИО. Ф.42р.Оп.1.Д.146.Л.30.
- ⁴² Сибирская правда. -1920. -14 февр.; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. - Иркутск, 1994. -С.392.
- ⁴³ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.1.Л.47.
- ⁴⁴ ГАИО. Ф.42р.Оп.1.Д.173.Л.111.
- ⁴⁵ Там же. Л.110; ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.1.Л.48.
- ⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.1.Л.45,46,49.
- ⁴⁷ Там же. Д.8.Л.27-29.
- ⁴⁸ Там же. Д.7.Л.91-92,106-108. Допросы посвящены пофамильному выяснению агентурной сети контрразведки в Иркутске.
- ⁴⁹ Там же. Л.63-69,71-79.
- ⁵⁰ Там же. Д.9.Л.180.
- ⁵¹ Там же. Л.181.
- ⁵² Там же. Л.182.
- ⁵³ Советская Сибирь. -1920. -22 апр.
- ⁵⁴ Там же. -2 июня.
- ⁵⁵ Там же. -2 мая.
- ⁵⁶ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.5.Л.110.
- ⁵⁷ Там же. Л.228.
- ⁵⁸ Там же. Д.6.Л.279.
- ⁵⁹ Там же. Л.292.
- ⁶⁰ Советская Сибирь. -1920. -27 мая.
- ⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.5.Л.158.
- ⁶² Советская Сибирь. -1920. -3 июня.
- ⁶³ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.5.Л.57.
- ⁶⁴ Советская Сибирь. -1920. -3 июня.
- ⁶⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.6.Л.330.
- ⁶⁶ Там же. Л.333-334.
- ⁶⁷ Там же. Л.334.
- ⁶⁸ Там же. Л.345.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. Л.345.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Л.348.
- ⁷³ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.6.Л.348.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. Л.349.
- ⁷⁶ Там же. Л.331,350.
- ⁷⁷ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.6.Л.351.
- ⁷⁸ Там же. Л.374.
- ⁷⁹ Советская Сибирь. -1920. -3 июня.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.6.Л.380. 16 августа 1919 г. Совнарком и ВЦИК в обращении к рабочим, крестьянам и всем трудящимся Сибири заявлял: «1. Бывший царский адмирал Колчак, самозванно наименовавший себя «Верховным правителем», и его «совет министров», объявляются вне закона. Все ставленники и агенты Колчака и находящегося в Сибири союзнического командования подлежат немедленному аресту»//Агалаков В.Т. Из истории строительства советской власти в Восточной Сибири. -Иркутск, 1958. -С. 72.
- ⁸⁴ Советская Сибирь. -1920. -2 июня.
- ⁸⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-501.Д.6.Л.380.
- ⁸⁶ Советская Сибирь. -1920. -2,3 июня.
- ⁸⁷ Известия ВЦИК. -1920. -4,27 июня.
- ⁸⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. -Т.44. -С.103.
- ⁸⁹ Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. -М., 1993. -С.7.
- ⁹⁰ Цит. по: Познанский В.С. Суд над министрами Колчака. -С.48.
- ⁹¹ Известия ВЦИК. -1920. -13,25 июня.

ВО ИМЯ РОССИИ: ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Г.А.ВЕРЖБИЦКИЙ

Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке выдвинула много новых имен талантливых и способных военачальников, прошедших большую школу Императорской Русской армии. Они не изменили присяге и встали под знамена Белого движения, а затем занимали видные посты в руководстве военной эмиграции.

Одним из наиболее опытных белогвардейских генералов был Григорий Афанасьевич Вержбицкий. Родился 25 января 1875 года*, по происхождению из мещан г.Летичева Подольской губернии. Не окончив Каменец-Подольской гимназии, в 1893 г. поступил на военную службу рядовым на правах вольноопределяющегося в 45 пехотный Азовский полк, а через год стал младшим унтер-офицером. В 1897 г. Вержбицкий окончил по второму разряду Одесское пехотное юнкерское училище и был выпущен в 30 пехотный Полтавский полк¹. Одновременно с ним закончил училище юнкер Даниил Драценко, впоследствии тоже генерал-лейтенант, командующий 2 армией в войсках генерала П.Н.Врангеля.

Григорий Вержбицкий последовательно проходил все ступени карьеры строевого офицера: занимал должности полкового адъютанта, заведующего мобилизацией полка, начальника команды пеших разведчиков, командира роты, начальника учебной команды, начальника полковой школы подпрапорщиков.

С началом русско-японской войны многие офицеры полков, дислоцированных в Европейской России, изъявили желание принять участие в боях. С 25 ноября 1904 г. поручик Вержбицкий был переведен в 11 Семипалатинский сибирский пехотный полк на театр военных действий в Маньчжурию. Он командовал ротой, за отличия «в делах против неприятеля» получил ордена Св.Анны 4 степ. с надписью «За храбрость» и Св.Станислава 3 степ. с мечами и бантом, был произведен в штабс-капитаны.

По окончании боевых действий полк вернулся в Омск - место своей стоянки. Он числился резервным и при реорганизации Русской армии в 1910 г. сменил наименование. 14 ноября 1910 г. Г.А.Вержбицкий был переведен Высочайшим приказом в 44 Сибирский стрелковый полк. В своей части он «считался одним из самых дельных офицеров...Осторожный, умный, воспитанный, с выдержкой и большими познаниями в области литературы и истории, он пользовался в полку уважением ...»². На протяжении нескольких лет Вержбицкий избирался членом суда общества офицеров. Занимая должность начальника учебной команды полка, 15 марта 1913 г. он производится в чин капитана. В том же году размеренное течение службы было нарушено: Вержбицкий по собственному желанию вошел в состав экспедиционного отряда, отправленного 12 июля в Монголию для охраны коммуникаций во время волнений. Командуя отрядом, 31 августа 1913 г. он занял китайскую крепость Шарасуме³. Через восемь лет русский флаг вновь будет развеваться над этой крепостью, захваченной войсками белого генерала С.Бакича...

С началом Первой мировой войны Вержбицкий неоднократно подавал рапорты с просьбой об отправке на германский фронт, но его ходатайство было удовлетворено только 15 марта 1915 г. Он принял батальон своего 44 Сибирского стрелкового полка, в тяжелых боях при отходе 10 армии на р.Неман возглавлял арьергард в составе частей 44-го и 45 Сибирских стрелковых, 6 Донского и 2 Уральского казачьих полков. Григорий Афанасьевич в боях был дважды ранен и два раза контужен, за боевые заслуги произведен в подполковники и полковники (в октябре 1916 г.), заслужил Высочайшее благоволение. За доблесть он был награжден Георгиевским оружием и

* Все приведенные в тексте даты указаны: до февраля 1918 г. в старом стиле, после февраля - в новом.

**Вержицкий
Григорий Афанасьевич**

орденом Св.Георгия 4 степ., а также орденами Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом и Св.Анны 2 степ. с мечами⁴.

10 января 1917 г. полковник Г.А.Вержицкий стал командиром вновь разворачивавшегося в Могилеве 536 пехотного Ефремовского полка. Как подавляющее большинство частей «четвертой очереди», полк отличался высокими боевыми качествами. Свидетельство тому - донесение командира в штаб 134 пехотной дивизии: «Не доверяя офицерам, солдаты в то же время готовы слушать каждого случайного агитатора, если тот будет проповедовать о диктатуре пролетариата, о заговорах офицеров, о мире и проч., а таких агитаторов и притом неуловимых множество»⁵. Начальство делало попытки как-то бороться с подобными явлениями. К концу июля по приказу Главнокомандующего армиями Западного фронта 536 пехотный Ефремовский полк был частично расформирован⁶.

Тем не менее авторитет полковника Вержицкого среди подчиненных стоял высоко. За бои под Сморгонь-

Крево в 1917 г. он был удостоен солдатами полка награждения солдатским Георгиевским крестом с пальмовой веткой. Г.А.Вержицкий руководил действиями отряда из 536 Ефремовского и 534 Новокиевского (командир - полковник Б.М.Зиневич) пехотных полков и частей 54 пехотной дивизии. 1 сентября 1917 г. он вступил в командование бригадой 134 пехотной дивизии. К этому времени уже наступил развал фронта: агитация за прекращение войны сделала свое дело. Части утратили всякую боеспособность.

После захвата власти большевиками и перехода фактического командования к войсковым комитетам, не желая подчиняться выборному началу в армии, Г.А.Вержицкий отказался от предложенной ему должности начальника 134 пехотной дивизии. Он не мог служить тем, кого считал врагами Родины и разрушителями Великой России. За это полковник был судим общим собранием комитетов корпуса и приговорен за неповиновение советской власти к смертной казни, но, спасенный преданными ему солдатами 536-го и 534 полков, бежал⁷. 8 декабря ему удалось уехать в Омск. Затем он скрылся в Усть-Каменогорске и какое-то время занимался пчеловодством.

Очень похоже складывались судьбы многих других боевых офицеров Русской армии. Подвергаясь беспричинным арестам, издевательствам со стороны дезертиров и новых властей, срыванию заслуженных кровью погон и орденов, они возвращались к своим семьям, на старые полковые стоянки. Не имея пенсии или какого-либо пособия, офицеры были вынуждены, по выражению того времени, «обращаться в первобытное состояние». Многие из них ждали своего часа, перебиваясь случайными заработками, вступая в тайные антибольшевистские организации. И дело вовсе не в жажде мести (хотя были и такие), и стремлении восстановить порядок. Мало кто мог остаться равнодушным, наглядевшись на ужасы «великой и бескровной» революции.

После переворота в своем городе полковник Г.А.Вержицкий организовал Усть-Каменогорский офицерский отряд. Формируемой в Омске 1 Степной Сибирской дивизии нужен был новый начдив вместо нераспорядительного генерал-майора М.Н.Фукина. Кандидатура Вержицкого была более предпочтительной. Он ответил согласием на предложение комкора Степного П.П. Иванова-Ринова и 20 июня 1918 г. прибыл в Омск. На следующий день Вержицкий с отрядом в 348 человек выступил на фронт в сторону Ишима. Усиленная притоком добровольцев дивизия дала первый бой красным у с.Гольшманово и одержала победу.

Решительное наступление по железной дороге на Тюмень принесло новый успех. 20 июля белые взяли город, и в тот же день Временное Сибирское правительство произвело Г.А.Вержицкого в генерал-майоры. По очищении района реки Туры 31 июля он был назначен уполномоченным правительства «с правами генерал-губернатора по насаждению государственного порядка и организации государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири»⁸. Вместе с тем, начальник дивизии был оставлен во главе подчиненных ему ранее войсковых частей (его собственная колонна, колонна полковника Панкова, отряды полковника Киселева и капитана Казагранди). Они составили Западно-Сибирский отряд⁹.

Суровое время требовало жестких мер. Еще 27 июля 1918 г. приказом № 84 по Степному Сибирскому корпусу почти вся Сибирь была объявлена на военном положении. Сферой деятельности генерала Вержицкого являлась территория военных действий, т.е. на запад и север от

рек Тобола и Исети. В его приказе говорилось: «Всяким активным выступлениям должен быть положен конец, и я с беспощадной строгостью пресеку все, как революционные, так и контрреволюционные выступления, откуда бы таковые не исходили и каким бы способом они не проводились, т.е. путем ли активного выступления, призывом ли на словах или печатным словом. Ни революция, ни контрреволюция!»¹⁰. Многим фронтовикам импонировала «твердая власть» и потому впоследствии приходил к власти адмирал А.В. Колчака был воспринят без эксцессов.

26 августа 1918 г. дивизия Вержбицкого была переименована в 4 Сибирскую стрелковую. Осенью, командуя Западно-Сибирским отрядом, генерал выбил большевиков из бассейна р.Тавды, Алапаевска, Нижнего Тагила и Верхотурья, очистил Горнозаводский район. «Маленький, весь сплошной нерв», начальник отряда стоял со штабом у самых передовых частей. Он проявил себя очень энергичным командиром и хорошим организатором. «Наши интенданты - красные, - говорил Вержбицкий приезжавшим офицерам. - Что от них заберем в боях, то и имеем, с тыла ничего еще не получали»¹¹. Совместными действиями вместе с корпусом генерала А.Н.Пепеляева 25 декабря была взята Пермь.

1 января 1919 г. Григорий Афанасьевич был назначен командующим вновь созданным 3 Степным Сибирским армейским корпусом (4 Сибирская полковника И.С.Смолина и 7 Сибирская полковника Черкасова стрелковые дивизии) заново сформированной Сибирской армии. Начальником штаба корпуса и ближайшим помощником генерала стал Генерального штаба полковник Аполлон Яковлевич Крузе. В феврале за боевые отличия по овладению Уральским хребтом Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В.Колчак произвел Вержбицкого в генерал-лейтенанты.

Приказом от 4 июля 1919 г. командующий 3 Степным Сибирским армейским корпусом был награжден орденом Св.Георгия 3 степ. «за то, что во время Кунгурской операции 22 января - 7 марта 1919 года лично руководя войсками вверенной ему группы, принял решение энергичным ударом разбить сильную 23000-ю группу красных, угрожающую городу Кунгуру и левому флангу армии. Блестяще исполнив этот удар с силами почти в два раза меньшими, генерал-лейтенант Вержбицкий своей операцией очистил 200-верстное пространство от противника, захватил ряд укрепленных позиций с городом Оса, 3500 красных, 9 орудий и много других трофеев»¹².

Вся Сибирская армия генерала Р.Гайды в марте перешла в наступление, бывшее частью общего плана Ставки адмирала Колчака. Корпус Г.А.Вержбицкого после упорных боев овладел Воткинским заводом, а 13 апреля его войска взяли Ижевск (по сути повторив Пермскую операцию, только на этот раз до основания была потрясена не 3-я, а 2 армия красных)¹³.

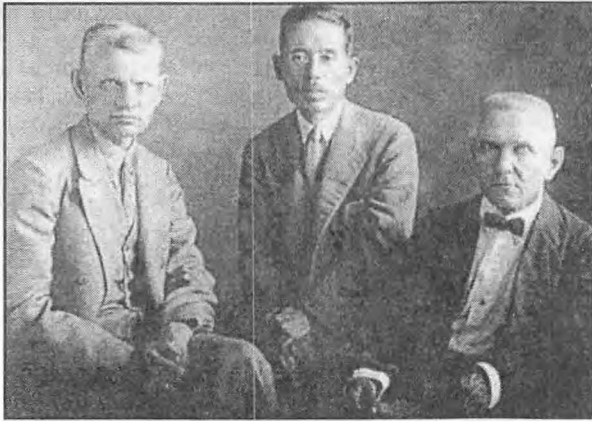
Ввиду местных условий и для придания большей самостоятельности войсковым начальникам приказом от 25 апреля 1919 г. Сибирская армия была разделена на две армейских группы, с правами неотдельных армий. Группа генерала Вержбицкого (3 Степной Сибирский и 4 Сибирский корпуса) составляла левый фланг армии и получила задачу наступать на Сарапул-Казань. Группа генерала А.Н.Пепеляева продвигалась на Глазов и Вятку.

Стратегическая инициатива к лету уже перешла к красным, располагавшим почти неограниченными людскими резервами и жестокой волей для их сплочения.

После оставления Урала в конце июля 1919 г. группа генерала Вержбицкого стала именоваться Южной группой войск 2 армии Восточного фронта¹⁴. В это время в нее входили 4-я и 18 Сибирские стрелковые дивизии и Штурмовая бригада 3 Степного корпуса. Ряд соединений был выведен из состава группы.

Белые армии Восточного фронта продолжали отступление. В Великом Сибирском походе в конце 1919 г. Г.А.Вержбицкий был назначен начальником колонны, на правах командующего армией, в составе Южной и Тобольской групп. Переходы по заснеженной тайге были очень тяжелыми. Оказалась брошенной почти вся артиллерия. Тиф массами косил выбившихся из сил людей. После Красноярска армия стала вновь добровольческой, не желавшие продолжать борьбу и идти в неизвестность, сдались в плен. Среди плененных был и начальник штаба группы генерал-майор Крузе¹⁵. На совещании старших начальников в Нижнеудинске 23 января 1920 г. главнокомандующий фронтом генерал В.О.Каппель поручил командование 2 армией генералу Вержбицкому. В его колонну несколько ранее были влиты и остатки частей 1 армии¹⁶.

Сибирский Ледяной поход Григорий Афанасьевич закончил в Чите 11 марта. Здесь солдаты и офицеры получили возможность отдохнуть. Главнокомандующий войсками Российской Восточной окраины атаман Г.М.Семенов сохранил структуру и форму каппелевцев. 22 февраля 1920 г. из-за сократившейся численности 2 армия Вержбицкого была сведена во 2 Отдельный стрелковый корпус. С 30 марта по 4 июля он вел борьбу с красными в Нерчинско-Сретинском районе.

Слева направо: Генерального штаба генерал-майор П.П.Петров, японский переводчик Судзуки и генерал-лейтенант Г.А.Вержицкий. Фото 1935 г.

22 августа 1920 г. генерал Г.А.Вержицкий временно принял Дальневосточную армию у выбывшего в командировку генерал-лейтенанта Н.А.Лохвицкого, а 23 октября был утвержден в должности командующего¹⁷. За день до этого армия оставила Читу. Бои в Забайкалье окончились неудачей. Белые отступили в Маньчжурию. В Цицикаре генерал-лейтенант Вержицкий отдал приказ № 251, в котором объявил борьбу с большевизмом законченной, а армию перевел на трудовое положение, хотя и сохранил четкую военную структуру¹⁸. Видимо это было сделано под влиянием недавнего поражения. Вооружение и большую часть имущества отобрали китайские власти. В начале 1921 г. по договору с представителями Примор-

ского облуправления части разместились в Гродеково, Никольск-Уссурийском, Раздольном и Владивостоке¹⁹. В январе состоялись выборы в Учредительное собрание Дальневосточной республики. В число избранных депутатов вошли генералы Г.А.Вержицкий и В.М.Молчанов, причем за них отдали свои голоса не только чины армии, но и часть населения Забайкалья. Вот только принять реальное участие в работе парламента не было никакой возможности: каппелевцы в красную (вернее, розовую) Читу не поехали.

На плечи командующего легла нелегкая обязанность по изысканию средств для содержания солдат, офицеров и их семейств. Отношения с Г.М.Семеновым дошли до полного разрыва. Денег атаман не выделял.

26 мая 1921 г. с помощью каппелевцев во Владивостоке произошел переворот, приведший к власти Временное Приамурское правительство С.Н.Меркулова. 31 мая Г.А.Вержицкий стал командующим войсками правительства. В Хабаровском походе оперативное руководство армией было передано генералу В.М.Молчанову. Григорий Афанасьевич занимался вопросами организации и тыла, работая в контакте с правительством, Народным собранием и японским командованием, с помощью которого удалось наконец получить оружие. 12 октября указом Временного Приамурского правительства за № 47 Вержицкий был назначен управляющим Военно-морским ведомством с правами военного министра Российской империи²⁰.

В условиях кризиса власти и раскола армии на враждующие группировки авторитета командующего уже не хватало. 4 июня 1922 г. братья Меркуловы попытались изменить положение, назначив новым командующим всеми вооруженными силами контр-адмирала Г.К.Старка²¹. Но и ему справиться с ситуацией не удалось. Наконец на созванном Земском соборе верховная власть в Приморье была передана генерал-лейтенанту М.К.Дитерихсу. Летом - осенью генерал Г.А.Вержицкий не занимал официальных постов в армии.

После поражения под Спасском Земская Рать (бывшая Дальневосточная армия) частью сил 1 ноября перешла китайскую границу у Хунчуна. Солдат и офицеров китайцы разместили в лагерях в Гирине. Внутренний порядок в группах беженцев поддерживался прежним начальством, которое сначала не отделялось от солдат. Только в мае 1923 г. были удалены из лагерей генералы Дитерихс, Вержицкий, Молчанов²².

За Гражданскую войну Григорий Афанасьевич был награжден также орденом Св.Владимира 3 степ. с мечами, знаком военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1 степ. и французским орденом Военного креста 2 степ.

В эмиграции Г.А.Вержицкий проживал в Харбине, где зарабатывал на жизнь как владелец дамской шляпной мастерской²³. Но основная деятельность генерала заключалась в сплочении чинов бывших Белых армий - офицеров, солдат, казаков. Граница с СССР была рядом, а за нею - ненавистная и чуждая власть. До эмигрантов доходили сведения о раскручивании маховика репрессий, подминавшего казачество, крестьянство, другие слои населения. Жили надеждой на новый поход.

После своего назначения в 1930 г. на пост начальника Дальневосточного отдела Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) генерал М.К.Дитерихс обратился с призывом к эмиграции в Китае сплотиться для борьбы против советской власти. Учитывая свою непопулярность среди некоторых военных организаций, он выдвинул в качестве помощника генерала Г.А.Вержбицкого. Последнему удалось добиться частичного объединения эмиграции, собрав вокруг РОВС отдельные группировки, до того державшиеся в стороне²⁴. Откликнулись многие полковые и кадетские объединения. Особое внимание было обращено на молодежные организации, как на воспитание смены и резерв. Вержбицкий «знакомился с их начальниками, посещал праздники и их парады и при их желании посылал своих инструкторов, которые организовывали курсы урядников или унтер-офицеров при этих организациях. Этот подход со временем помог ему создать Военно-Учебный отряд, а еще позднее и Военно-Училищные курсы РОВС, куда могли поступать все успешно окончившие курсы при организациях ... У всех у них оказалась общая платформа - Национальная Россия и надежда на ее спасение с оружием в руках»²⁵.

После того, как оккупировавшие Маньчжурию японцы создали марионеточное государство Маньчжоу-Го, русским эмигрантам было предложено сформировать дивизию. Но и Дитерихс, и Вержбицкий проявили независимость, выставив неприемлемые для оккупантов условия. Даже необходимые переговоры с главой Японской военной миссии генералом Комацубара Вержбицкий вел не лично, а через своего помощника, полковника Гриневского. В ответ японское командование предложило Вержбицкому покинуть в короткий срок пределы Маньчжоу-Го²⁶.

РОВС был закрыт, а затем переименован в Дальневосточный союз военных. В 1934 г. Григорий Афанасьевич выслали в Тяньцзинь, где он проживал на Английской концессии. Некоторое время Г.А.Вержбицкий занимал должность председателя комитета старшин Русского Национального клуба и возглавлял местное отделение РОВС. Как писал сподвижник генерала хорунжий А.Н.Князев, «с занятием японцами Северного Китая и образования так называемого «Русского Дома» в Тяньцзине, который провел принудительную мобилизацию русских эмигрантов, положение генерала опять стало серьезным, и только его смерть, может быть, избавила его от дальнейшей преследования»²⁷.

О том, как это произошло, сообщила газета «Возрождение Азии»: «В воскресенье, 20-го декабря 1942 года, в 9 часов утра скоростижно скончался у себя на квартире Георгиевский Кавалер генерал-лейтенант Григорий Афанасьевич Вержбицкий. Без стона, тихо и мирно отошел в вечность боевой офицер, отдавший всю свою жизнь служению Родине, человек отзывчивый, уважаемый и любимый как своими друзьями, так и подчиненными. Еще за несколько минут до смерти покойный был на ногах в кругу своей семьи и собирался пойти в церковь. Он жаловался на боль в груди, но полагал, что это случайное явление и скоро пройдет ...»²⁸.

После отпевания в Свято-Покровском храме ветерана трех войн, кавалера многих боевых орденов, пробовавшего в офицерских чинах 45 лет, похоронили в Русской части международного кладбища Тяньцзина. В сопровождении оркестра и почетного караула всю дорогу офицеры несли гроб на руках. Среди множества провожавших были представители различных эмигрантских организаций, в том числе председатель Антимоунистического комитета Е.Н.Пастухин. В памяти знавших его генерал остался скромным и доступным для всех человеком, всегда готовым помочь советом, в поиске работы, оказать срочную материальную помощь.

Через некоторое время на могиле был поставлен памятник с инициалами РОВС. Судьба монумента неизвестна, но оснований для оптимизма немного. Так закончил свой жизненный путь русский генерал и защитник Великой России.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.400.Оп.9.Д.37375.Л.14-16: Князев А.Н. Генерал-лейтенант Григорий Афанасьевич Вержбицкий // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны (Сан-Франциско). -1984. -Март. -№ 247. -С.21.

² Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход стетных полков. -Шанхай,1934. -С.33.

³ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы. -Шанхай,1932. -Кн.1. -С.58.

⁴ Там же.

⁵ Смольников М.М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. - Минск.1981. -С.48.

⁶ Там же. -С.19.

⁷ Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. -С.33-34.

⁸ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы. -Кн.1. -С.58.

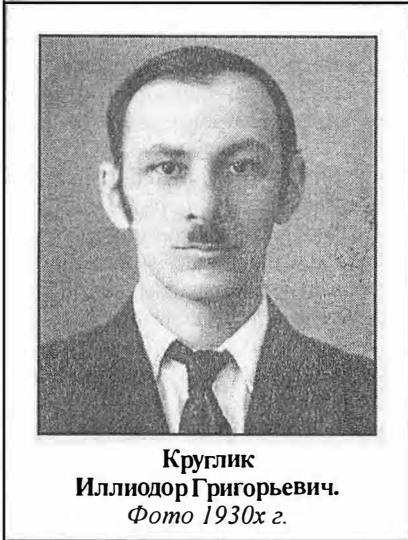
⁹ Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. -С.147.

¹⁰ Цит. по: Роцевский П.И. Борьба крестьян Тобольской губернии против контрреволюции летом и осенью 1918 года // Ученые записки Тюменского гос. педагогического института. Кафедра истории. -Тюмень,1958. -Т.5. -Вып.2. -С.72.

- ¹¹ Сахаров К.В. Белая Сибирь. -Мюнхен,1923. -С.27.
- ¹² Русская Армия (Омск). -1919. -12 июля. -Офиц. отдел к № 147. -С.1.
- ¹³ Езеев А.К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности» ... (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918-1919 гг.)// Военная Быль (Москва). -1993. -№ 4(133). -С.14.
- ¹⁴ Путеводитель по фондам Белой армии. -М.,1998. -С.60.
- ¹⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.185.Оп.3.Д.1191.Л.149
- ¹⁶ Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 гг. -Калифорния,1975. -С.255,260.
- ¹⁷ Дело России (Иокогама-Токио). -1920. -декабрь. -№ 30. -С.4.
- ¹⁸ Левкин Г. Волочаевка без легенд. -Хабаровск,1999. -С.180-181.
- ¹⁹ Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). -Хабаровск,1996. -С.36-37.
- ²⁰ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы. -Кн.1. -С.59.
- ²¹ Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). -С.147
- ²² Петров П.П. От Волги до Тихого Океана в рядах белых (1918-1922 гг.). -Рига,1930. -С.233.
- ²³ Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. -Владивосток,1987. -С.23.
- ²⁴ Балакшин П.П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. -Сан-Франциско-Париж-Нью-Йорк.1958. -Т.1. -С.120.
- ²⁵ Князев А.Н. Генерал-лейтенант Григорий Афанасьевич Вержбицкий. -С.22.
- ²⁶ Балакшин П.П. Финал в Китае. -Т.1. -С.120-121.
- ²⁷ Князев А.Н. Генерал-лейтенант Григорий Афанасьевич Вержбицкий. -С.29.
- ²⁸ Возрождение Азии (Тяньцзин). -1942. -23 дек.
-

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...: СУДЬБЫ НЕИЗВЕСТНЫХ ОФИЦЕРОВ БЕЛОЙ АРМИИ

История России первой половины XX века, несмотря на многочисленные современные исследования, продолжает сохранять немало «белых пятен». Одним из таких «пятен» являются судьбы многих участников Белого движения. Настоящая публикация продолжает начатый в шестом номере альманаха рассказ о малоизвестных широкому кругу исследователей Гражданской войны и истории Российского Зарубежья офицерах Белой армии.

Круглик Иллиодор Григорьевич¹

Родился 20 июля 1889 г. в Киеве в дворянской семье. Отец Круглика был крупным помещиком и имел тридцать тысяч десятин земли в Черниговской губернии. В раннем детстве Иллиодор побывал с родителями на Дальнем Востоке (отец служил во Владивостоке чиновником железной дороги) и в Японии. Затем он был отдан учиться в Харьковское коммерческое училище, по окончании которого в 1906 г. выехал в Англию, где поступил на учебу в Кембриджский университет. В 1910 г. И.Г.Круглик был удостоен ученого звания бакалавра математических наук. Возвратившись в Россию, Иллиодор Григорьевич продолжил учебу, сразу поступив на четвертый курс Харьковского технологического института. В 1913 г. он окончил институт с дипломом инженера-технолога, однако служить по специальности не стал, а решил попробовать себя на военном поприще. В 1913-1914 гг. И.Г.Круглик обучался в Александровском военном училище, по окончании которого в чине подпоручика был

направлен в Лейб-гвардии Кексгольмский полк. Вскоре в составе полка подпоручик Круглик отбыл на фронт. За годы войны он великолепно проявил себя в военных кампаниях, был трижды ранен, награжден всеми орденами для обер-офицеров, включая Георгиевское оружие, и к концу 1917 г. удостоен звания полковника гвардии.

В декабре 1917 г. Иллиодор Григорьевич выехал во Владивосток по командировке полка, но назад не возвратился, а отправился в относительно спокойную от революционных потрясений русскую полосу отчуждения в Маньчжурии, где до июня 1918 г. служил переводчиком на ст.Ханьдаохэцзы. В июне 1918 г. И.Г.Круглик возвратился в Россию и вновь поступил на военную службу - командиром взвода в школу по переподготовке офицерских кадров на о.Русский, недалеко от Владивостока. В декабре он в составе группы офицеров был командирован в Екатеринбург в инструкторско-учебную школу, где занял должность командира учебной роты. В марте 1919 г. Екатеринбургская школа начала с боями отступать на восток. Полковник Круглик в это время командовал батальоном. Некоторое время школа базировалась в Томске, затем двинулась к Иркутску (из Томска отступали с боями и И.Г.Круглик со своей частью прикрывал отход) и дальше в Читу. В конце 1919-1920 гг., согласно биографическим данным, приводимым самим Кругликом, он являлся командиром 1 Егерского полка, а затем 1 Образцовой егерской бригады. В мае 1920 г. полковник оказался прикомандирован к штабу атамана Г.М.Семенова и даже две недели занимал пост начальника личного состава ведомства иностранных дел Семенова. Являясь хорошим рисовальщиком, И.Г.Круглик участвовал в разработке ордена «Св. Михаила» и медали «За Сибирский поход». В условиях развала фронта и полной дезорганизации Белого движения полковник Круглик с семьей (его жена, урожденная маркиза де Сент-Клер, и два сына) в июле 1920 г. выехал в Китай.

В Харбине Иллиодор Григорьевич, великолепно знавший несколько иностранных языков, до 1922 г. преподавал английский язык в 1 Харбинском реальном училище, в то время лучшем в городе. В 1922 г. он открыл собственную английскую школу - «Harbin Business School» и одно-

временно с этим преподавал английский язык на открывшихся Юридическом факультете и в Политехническом институте. Интересно отметить, что будущий вождь фашистского движения в Маньчжурии, К.В.Родзаевский в 1925-1926 гг. работал секретарем в школе И.Г.Круглика, но из-за плохого почерка был уволен.

Во время сильного наводнения 1931 г. в Харбине почти все имущество школы Круглика погибло, к тому же японцы, установившие полный контроль над Маньчжурией, заняли враждебную позицию к англо-саксонскому влиянию в регионе, что сказалось и в отношении образования. Все это стало причиной закрытия в 1932 г. И.Г.Кругликом своей школы. В это же время у Иллиодора Григорьевича произошел разрыв с женой, которая, забрав двух сыновей, выехала в Шанхай.

После закрытия «Harbin Business School» И.Г.Круглик давал частные уроки, работал в нескольких учебных заведениях. Свое имущественное положение в это время он определил фразой: «один крест на груди». Несколько месяцев в 1941 г. он служил в Маньчжурской телеграфно-телефонной компании, подчиненной непосредственно Японской военной миссии, но был уволен за неодобрительное высказывание о деятельности японцев на Филиппинах, а в 1942-1943 гг. работал в Японско-русском институте, где проходили обучение русскому языку японские военнослужащие, а в 1944 г. являлся секретарем начальника районного отделения 6-го отдела Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) по учету офицерских кадров и сбору взносов. В конце 1944 - 1945 г. бывший полковник служил сторожем при Харбинском городском управлении и давал частные уроки.

И.Г.Круглик принимал достаточно активное участие в общественно-политической жизни эмиграции. С начала 20-х гг. он входил в различные объединения бывших офицеров: Общество гвардейских офицеров Дальнего Востока, Союз Георгиевских кавалеров, Союз окончивших Александровское военное училище, позднее в Харбинское отделение Русского Обще-Воинского Союза (членский билет № 200). Считая себя убежденным монархистом и человеком, пострадавшим от большевиков, Иллиодор Григорьевич крайне негативно относился к советской власти, что хорошо прослеживается в его эмоциональных ответах на вопросы БРЭМовских анкет. Так, на вопрос о круге знакомых он ответил: «советских знать не желаю», а на вопрос о возбуждении ходатайства о советском подданстве - огромными буквами «никогда» и т.п.

В 1932 г. И.Г.Круглик вступил в Союз легитимистов, руководителем которого являлся генерал В.А.Кислицин. При штабе союза он возглавил кавалерийский отдел, однако через несколько месяцев разошелся во мнениях с руководством и вышел из организации. В 1933 г. И.Г.Круглик подал заявление о приеме в Российскую фашистскую партию. Причиной тому было не увлечение фашистскими идеями, а надежда получить должность военного или спортивного инструктора в рамках партии, так как он в это время находился без работы. Однако, не получив никакой должности, Иллиодор Григорьевич в партию так и не вступил.

В 1934 г. полковник Круглик был включен в Дальневосточный союз военных, где некоторое время преподавал на офицерских курсах.

Обладав вспыльчивым и неуравновешенным характером, отличаясь прямоотой в суждениях и прозападной ориентацией во взглядах, И.Г.Круглик был малоудобной фигурой для кругов, претендующих на руководящую роль в среде российской эмиграции после японской оккупации Маньчжурии. Так в справке о личности, составленной одним из отделов БРЭМ, отмечалось, что «в политическом отношении о Круглике неблагоприятных сведений не имеется, в моральном же и уголовном отношении он является человеком, к которому следует относиться осторожно».

И.Г.Круглик был задержан советской контрразведкой «Смерш» 7 сентября 1945 г. в Харбине и впоследствии отправлен в Востураллаг, где был осужден на десять лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Вместе с ним в лагере находился и его младший сын Владимир, арестованный за службу в Японской военной миссии г. Сахалин. В 1955 г. Иллиодор Григорьевич был освобожден и отправлен в Тихоновский дом инвалидов Караганды, откуда в 1956 г. его забрал сын. Реабилитирован И.Г.Круглик был в 1989 г.

Протопопов Николай Александрович²

Родился в 1890 г. в Муроме Нижегородской губернии в семье служащего. После окончания Муромского реального училища в 1910 г. Н.А. Протопопов поступил в Московское Алексеевское военное училище. Из училища Николай Александрович был выпущен в 1912 г. в звании подпоручика и направлен в 1 Лейб-гренадерский Екатеринославский императора Александра III полк, где сначала командовал ротой, а позднее батальоном. В мае 1914 г. полковой адъютант Протопопов выдержал экзамены при штабе Московского военного округа для поступления в

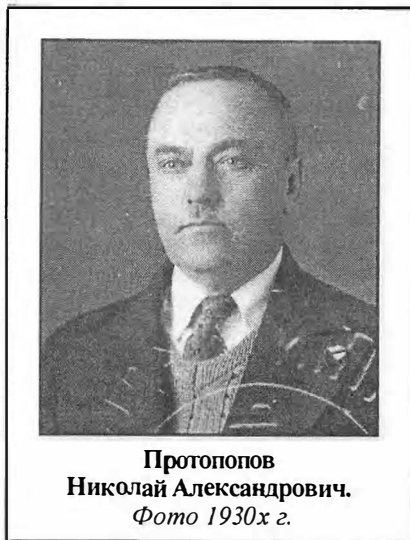
Академию Генерального штаба, но начавшаяся война не позволила ему учиться. Со своим полком Николай Александрович был направлен на Северо-Западный фронт, где в боях получил два ранения и контузию. За годы войны Протопопов был неоднократно награжден орденами Св. Анны 4 степ., 3 степ. с мечами и бантом, 2 степ. с мечами, Св. Станислава 3 степ., 2 степ. с мечами, Св. Владимира 4 степ. с мечами. К концу войны капитан Протопопов занимал должность старшего адъютанта по квартирному довольствию войск при штабе Московского военного округа.

После демобилизации в марте 1918 г. он выехал к родственникам в Пермь. С началом военных действий летом 1918 г. Н.А.Протопопов с группой офицеров, которую возглавлял полковник Милоков, попытался пробиться к белым частям, но сделать это не удалось и Николай Александрович возвратился в Пермь, где установил связи с местной организацией эсеров и принял участие в издании антисоветских листовок и прокламаций, а также агитации в частях Пермского гарнизона. В декабре 1918 г.

с группой эсеров Н.А.Протопопов присоединился к «Ишимскому офицерскому отряду» капитана А.А.Куренкова, который после взятия Соликамска вошел в состав армии адмирала Колчака как 27 Сибирский Верхотурский стрелковый полк. Капитан Протопопов получил должность заместителя командира полка, командиром являлся капитан А.А.Куренков. С февраля 1919 г. 27 полк постоянно участвовал в тяжелых боях (Южный Кнауфский завод, с. Горы, г. Оса), в одном из которых был ранен Куренков, и Н.А.Протопопов принял командование полком на себя. В конце августа - начале сентября 1919 г. он был ранен под Тавдой и вывезен в санитарном эшелоне в Томск, а затем Читу. После выздоровления Николай Александрович сначала был прикомандирован в качестве адъютанта к штабу атамана Г.М.Семенова, а позднее служил на бронепоезде «Истребитель». В феврале 1920 г. Протопопов перешел в 3 корпус армии адмирала Колчака преподавателем в штаб-офицерский учебный отряд, где вскоре получил чин подполковника, а затем - полковника. В июле 1920 г. он заразился тифом и был вывезен в Харбин, где находился до октября на излечении в госпитале для беженцев.

Оказавшись в Харбине без средств к существованию и родственников, Н.А.Протопопов первые несколько месяцев после выздоровления работал чернорабочим в механических мастерских КВЖД, а позднее устроился помощником дегустатора на табачную фабрику. В 1924 г. бывший полковник выехал на ст. Эхо для работы в опытном хозяйстве КВЖД. Чтобы получить это место, он принял китайское подданство. Начав чернорабочим, ему за четыре года удалось дослужиться до помощника селекционера и одновременно конторщика, но тяжелая болезнь в 1928 г. вызвала увольнение из хозяйства. В декабре 1928 г. Протопопов получил место преподавателя математики в Харбинском реальном училище. Заработная плата преподавателя была невысока и после провозглашения государства Маньчжоу-Го в северо-восточном Китае Николай Александрович пошел на службу в городскую полицию, куда охотно брали бывших русских офицеров.

Поступив в полицию, Н.А.Протопопов получил должность заведующего одного из паспортных пунктов, а позднее перешел в цензурный отдел на должность цензора. Цензурный отдел проверял всю издававшуюся в Харбине и поступающую из-за рубежа печатную продукцию в отношении политической лояльности, также цензуре подвергались театральные постановки, кинофильмы и т.п. Именно в этот период у Н.А.Протопопова начались трения с Российской фашистской партией (РФП). Причиной тому стало участие Николая Александровича в раскрытии махинаций РФП по расходованию средств на реализацию программы политической агитации, направляемой на территорию СССР. В 1939 г. Н.А.Протопопов был арестован японской жандармерией по обвинению в просоветской деятельности, к чему без сомнения приложили руку фашисты. Ни служба в полиции, ни принадлежность в прошлом к командному составу Белой армии не являлись спасительным аргументом, и человек вполне мог бы бесследно исчезнуть в подвалах Харбинской жандармерии. Поэтому бывший полковник вынужден был дать согласие на предложение работать информатором на жандармерию. В качестве информатора Н.А.Протопопов занимался выявлением политических настроений еврейской и польской общин Харбина.

После ареста Николай Александрович был назначен техническим редактором журнала «Друг полиции», издававшегося Биньцзяньским управлением полиции. Примерно в это же время (1938 г.) он выпустил в свет свой первый сборник рассказов «По Закамским лесам», а в 1942 г. - повесть «Воткинцы», написанные на основе воспоминаний о периоде Гражданской войны.

С приходом советских войск в Харбин в августе 1945 г. Н.А.Протопопов в числе многих российских эмигрантов был арестован органами «Смерш» и отправлен впоследствии на Урал. С сентября 1946 г. в Свердловске по его делу велось следствие, результатом которого стал приговор от 8 февраля 1947 г. по статье 58 УК РСФСР, присудивший лишение свободы на двадцать лет с содержанием в исправительно-трудовом лагере. Сведений о дальнейшей судьбе Н.А.Протопопова нет, известно только, что постановлением президиума Верховного совета СССР от января 1989 г. он был полностью реабилитирован.

Шиковский Август Юльевич³

Родился в 1891 г. на хуторе Гоноровка Волынской губернии в семье мелкого польского дворянина. Закончив в 1909 г. Житомирскую гимназию А.Ю.Шиковский в качестве вольноопределяющегося поступил на службу в 20 Галицкий пехотный полк, где затем остался на сверхсрочной службе в должности командира взвода. В 1912-1914 гг. Август Юльевич учился в Чуковском военном училище, после окончания которого в чине подпоручика был направлен в 1 Лейб-гренадерский Екатеринославский полк. С началом Первой мировой войны А.Ю.Шиковский выбыл на Западный фронт и был прикомандирован к 11 Финляндскому полку. После ранения в конце 1915 г. штабс-капитан Шиковский назначен начальником одной из учебных команд. Летом 1916 г. он получил чин капитана и вскоре вновь оказался на передовой, командуя батальоном. В июне 1917 г. с началом формирования ударных частей А.Ю.Шиковский возглавил «батальон смерти» 1 Гренадерской дивизии.

После демобилизации в январе 1918 г. он выехал в Минск, а позднее в Барнаул, где летом 1918 г. получил должность коменданта ст. Барнаул, а через некоторое время - помощника командира Барнаульского запасного полка. В октябре 1918 г. подполковник Шиковский возглавил 7 Сибирский кадровый полк и командовал им до декабря того же года, когда был направлен на курсы четвертой очереди Генерального штаба в Томск. После окончания курсов в апреле 1919 г. Август Юльевич возглавил 43 Верхнеуральский стрелковый полк, участвовал в боях, получил ранение. В июне 1919 г. ему присвоили звание полковника. С августа 1919 г. Шиковский - командир 41 Уральского стрелкового полка, в этой должности он участвовал в боях в районе Петропавловска, Кургана и Бузулука. В сентябре 1919 г. полковник был тяжело ранен и вывезен в Сибирь, а оттуда в Харбин.

В Харбине на протяжении 1920-1921 гг. А.Ю.Шиковский формально числился штабным офицером управления снабжения Дальневосточной армии, одновременно выполняя функции бухгалтера. В конце 1921 г. он получил должность заведующего приютом инвалидов и предприятиями Дальневосточного общества помощи инвалидам, которую и занимал вплоть до преобразования общества в 1925 г. В том же году Август Юльевич поступил на службу в Управление Китайско-Восточной железной дороги, но, так как по советско-китайскому соглашению 1924 г. только граждане СССР и Китая могли работать на КВЖД, вынужден был принять китайское подданство. За время службы в Управлении дороги А.Ю. Шиковский работал счетоводом, вековщиком и конторщиком, и был уволен по сокращению русских штатов в 1931 г. С 1931 по 1935 г. он являлся представителем чайной фирмы «Коровин», а после ее закрытия остался без работы. В 1935 г. А.Ю.Шиковский подал заявление в БРЭМ о предоставлении работы и вскоре был принят в 3 административный отдел бюро. Здесь он до 1942 г. являлся начальником паспортного стола, затем конторщиком и с 1944 г. - заведующим административно-трудовой частью 3 отдела. Вплоть до создания в 1934 г. Дальневосточного союза военных, куда автоматически включались все бывшие офицеры Белых армий, А.Ю.Шиковский не входил ни в одну из политических организаций эмиграции, стараясь держаться вне политики.

После вступления в Маньчжурию советских войск Август Юльевич в числе многих служащих БРЭМа оказался задержанным органами «Смерш» и в дальнейшем этапирован в Востураллаг, где по приговору особого совещания при МГБ СССР получил десять лет исправительно-трудового лагеря. Его дальнейшая судьба по документам органов не прослеживается. Указ о реабилитации А.Ю.Шиковского, как и других жертв незаконных репрессий, вышел в январе 1989 г.

Рясенцев Борис Иосифович⁴

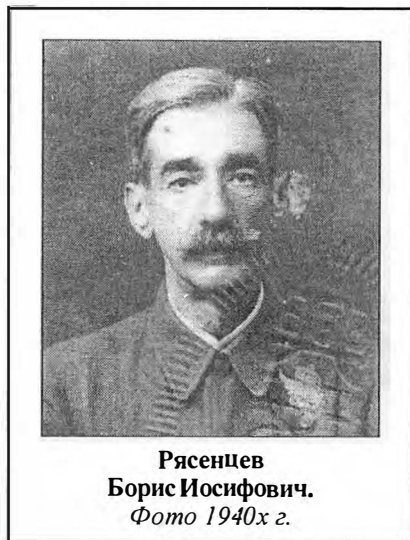
Родился в 1887 г. в г. Темир-хан Шура в Дагестане в семье врача. В 1904 г. Борис Иосифович уехал в Санкт-Петербург, где поступил в Институт путей сообщения и успешно его окончил в 1908 г. Однако гражданская служба не привлекала, и он сдал экзамены в Тверское кавалерийское училище. По окончании училища в 1910 г. Б.И.Рясенцев в звании корнета был направлен для прохождения дальнейшей службы в 11 Рижский драгунский полк. В период Первой мировой войны он воевал на Юго-Западном фронте в армии генерала А.А.Брусилова, где командовал кавалерийским полком (последний чин подполковник). Получив четыре ранения, Б.И.Рясенцев в июне 1916 г. был зачислен в резерв чинов Одесского военного округа.

В декабре 1918 г. Борис Иосифович с несколькими офицерами выехал в Стамбул, а оттуда морским путем во Владивосток. В июле 1919 г. он прибыл в Омск, где вступил в армию адмирала А.В. Колчака, с которым был знаком еще с начала 1914 г. Б.И.Рясенцева определили в управление военных сообщений армии заведующим отдела военных перевозок. С началом эвакуации войск в октябре 1919 г. он был прикомандирован к корпусу генерала Г.А.Вержибского, с которым в конце 1920 г. отступил на территорию Маньчжурии. Здесь подполковник Рясенцев заболел тифом и не последовал вместе с белыми частями в Приморье.

После выздоровления в начале 1921 г. Борис Иосифович подал просьбу управляющему КВЖД инженеру Б.В.Остроумову в предоставлении какой-либо работы. Просьба была удовлетворена, и Б.И. Рясенцев получил должность смотрителя железнодорожных зданий. Однако в связи с переходом железной дороги в совместное советско-китайское владение, он в 1924 г. был уволен, так как не имел ни китайского, ни советского гражданства. Через некоторое время, в том же году Б.И.Рясенцев, благодаря своему знакомому доктору А.М.Спасскому, который являлся издателем «Русского слова», поступил хроникером в эту газету. В ведении Бориса Иосифовича находилась подборка материала по КВЖД и Харбину. Несмотря на то, что Б.И.Рясенцев по политическим убеждениям считал себя монархистом, он не примыкал ни к одной из политических организаций эмиграции. Его отталкивало то, что, сильно увлекшись борьбой за власть, эти организации выхолостили Белую идею и ослабили антибольшевистское движение.

В 1931 г. Б.И.Рясенцев перешел в газету «Харбинское время» (государственный официоз), где была выше заработная плата. В «Харбинском времени» он вел железнодорожный отдел. В период военных действий на Халхин-Голе Борис Иосифович в июле 1939 г. в качестве репортера находился на фронте для освещения событий. За четыре дня пребывания на месте боев он все материалы для газеты составлял на основе сведений, предоставляемых штабом японских войск. По возвращении Рясенцев несколько раз выступал с докладами перед русскими эмигрантами о ходе событий на Халхин-Голе, причем тексты докладов проходили предварительную цензуру. Через несколько лет за эту поездку бывший подполковник был награжден японской медалью.

В 1940 г. Бориса Иосифовича направили специальным корреспондентом газеты в г.Хайлар, один из центров русской казачьей эмиграции. Здесь он оказался в тесном соприкосновении с генералом А.П.Бакшеевым, которого знал еще со времени Первой мировой войны. Генерал Бакшеев возглавлял Захинганское районное бюро российских эмигрантов и давал различные сведения в «Харбинское время». В июле 1944 г. по приказу А.П.Бакшеева Рясенцев полгода являлся исполняющим обязанности коменданта Хайлара и начальником культурно-просветительского отдела Захинганского районного бюро. Затем вновь возвратился к своим журналистским обязанностям.

В ходе массовых арестов, проводимых частями «Смерш», Б.И.Рясенцев был арестован в конце сентября 1945 г. и вывезен на Урал, в Востураллаг. Согласно приговору Особого совещания при МВД СССР он был осужден на десять лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере, этапирован в Сосьвинский лагерь МВД, где и скончался в декабре 1950 г. от туберкулеза. Указ о реабилитации Бориса Иосифовича Рясенцева вышел в 1994 году.

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф.1. Оп.2. Д.39453.

² Там же. Д.40158.

³ Там же. Д.41602.

⁴ Там же. Д.48433.

АРХИВЫ

ПЕСНЯ «АДМИРАЛ КОЛЧАК»

Реют мачты над волнами,
Вьется гордый русский флаг:
То идет на бой с врагами
Славный адмирал Колчак.
 Волны пеняются и плещут,
 Все безмолвно, всюду мрак,
 Только грозно пушки блещут -
 Берегись, коварный враг!
Вдруг вдали раздался выстрел
И снаряда громкий вой;
Флот построился наш быстро
И с германцем принял бой.
 А на мостике суровый
 Острым взглядом режет мрак,
 Умереть за Русь готовый, -
 Славный адмирал Колчак.
Рвутся с грохотом снаряды,
И в [дали огонь]* блестит
И достойного награды
Адмирала Бог хранит.
 Флот Германский отступает,
 Гибнут недругов суда,
 И погибших накрывает
 Набежавшая вода.
Снова грозно над волнами
Вьется гордый Русский флаг:
Так расправился с врагами
Славный адмирал Колчак.

8 апреля 1919 г. с. Николаевка.

Адъютант уланского Симбирского полка
поручик Ключарев

ГАРФ. Ф.341. Оп.1. Д.52. Л.207-208.

* в тексте документа эти слова написаны не вполне разборчиво.

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

ВОЕННЫЕ ОБЩЕСТВА И СОЮЗЫ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ В 1920-1939 ГГ.*

Российская военная эмиграция 1920-30х гг. являлась существенным фактором не только отечественной, но и мировой истории. С наличием на их территории контингентов российских военных беженцев вынуждены были считаться правительства Франции, Болгарии, Бельгии и многих других стран, а органы советской разведки ИНО ОГПУ-НКВД и Разведуправление РККА пристально следили за Русским Обще-Воинским Союзом (РОВС) и действиями военных организаций.

Неблагоприятные условия эмиграции грозили российским военным беженцам полным распылением в странах проживания, а военно-политическим организациям - прекращением их существования.

Перед командованием Белых войск встала трудная задача: сохранить армию в сложных условиях изгнания, адаптировать военных беженцев в странах размещения, организовать постоянную связь между штабом Русской армии в изгнании и воинскими кадрами.

В начале 1920х гг. Русская армия генерала П.Н.Врангеля существовала по принципу «армии на трудовом положении», т.е. большая часть воинских контингентов сохраняла свой численный состав, воинскую организацию и выполняла трудовые работы, надеясь в ближайшее время вернуться на Родину.

Если в 1920е гг. РОВС основное внимание уделял проблеме сохранения воинских частей и соединений, их трудоустройству и оказанию помощи остро нуждающимся и инвалидам, то в 1930е гг. акцент сместился в сторону повышения политической активности: РОВС и военные организации стремились превратиться в антибольшевистскую военно-политическую оппозицию.

Особую сложность представляла проблема финансирования армии. Казна не располагала достаточными для содержания войск денежными средствами, и с 1922 года воинские контингенты были вынуждены переходить на «самоснабжение» путем осуществления платных работ по постройке шоссе дорог в Югославии, на сельскохозяйственных участках во Франции и Болгарии и др. Эмигрантским «бизнесом» считалась работа русских офицеров на парижских такси. РОВС и военные союзы содействовали формированию «рабочих групп» из состава солдат и офицеров. Такие группы из состава казаков и офицеров-эмигрантов формировались в основном в европейских странах (Болгарии, Франции, Бельгии) и использовались в сельскохозяйственной области - на лесопилках, сборе урожая, виноградниках и т.п. Их ценность в глазах руководства РОВС заключалась в том, что они позволяли военным эмигрантам сохранять привычный им полувойенный образ жизни - дисциплину, проживание в казармах, военную форму и т.п. Начиная с 1924 года, военная казна Русской армии генерала П.Н.Врангеля практически прекратила все виды финансирования военных эмигрантских структур, за исключением оплаты небольшого управленческого аппарата (канцелярии правления РОВС и региональных отделов), а также отдельных разовых пособий инвалидам-ветеранам. В 1930е гг. процесс адаптации российских военных эмигрантов в целом завершился: большинство солдат и офицеров освоили новые, гражданские специальности, которые давали им минимальные средства существования.

Военные организации и РОВС заявляли в своих программных документах о «готовности к непримиримой борьбе с большевизмом». В 1930е годы в среду военной эмиграции приходит увлечение «политическим активизмом», то есть диверсионными актами против советских дипломатов и деятелей ВКП(б) и спецслужб. Эту тенденцию выражала так называемая «внутренняя линия» - секретное активистское направление внутри РОВС. Сторонниками «внутренней линии» в РОВС являлись генералы А.П.Кутепов и П.Шатилов, пытавшиеся создать на территории

* Окончание. Начало см.: Белая армия. Белое дело. -1999. -№6.

СССР сеть конспиративных белогвардейских организаций, которые можно было бы использовать как базы для групп боевиков, задачей которых являлась дестабилизация внутреннего положения в Советском Союзе. Однако после ряда провалов и разоблачений деятельность «внутренней линии» в 1938 году была осуждена военным руководством и запрещена.

В эмиграции создавались многочисленные фонды в поддержку нуждающихся инвалидов и безработных, а также для секретной подрывной работы на территории СССР. Например, в 1930е годы существовал Фонд имени великого князя Николая Николаевича, которому в отдельных случаях выделялась денежная поддержка из сумм военного командования и РОВС.

Руководство военных обществ и союзов уделяло внимание поддержанию военно-профессиональных знаний солдат и офицеров на уровне мировых стандартов. С этой целью как при РОВС, так и в других военных обществах создавались кружки и курсы повышения квалификации, проводились занятия по военной теории. В 1927-1939 гг. в Париже и Белграде действовали Высшие Военно-научные курсы профессора генерала Н.Н.Головина. Руководство военных обществ и союзов обязывалось проводить «систематические занятия по ознакомлению чинов РОВС с главнейшими явлениями военной, политической, экономической и социальной жизни как на Родине, так и в главнейших иностранных государствах». В большинстве программных документов РОВС подчеркивалась необходимость сохранения воинской дисциплины в среде военной эмиграции и поддержания военно-профессиональных знаний на уровне мировых стандартов.

К сожалению, запрет на изучение данной темы в 1920-1980е гг. в нашей стране, закрытость документов и литературы в «особых» архивах и «спецхранах» превратили историю военной эмиграции в „белое пятно» отечественной истории XX века. Данная публикация призвана приоткрыть информационный занавес над проблемой Российского военного Зарубежья.

Материалы по истории российской военной эмиграции 1920-30х гг., составившие данную публикацию, находятся в настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в составе комплекса фондов Русского заграничного исторического архива, так называемого «Пражского архива».

Публикуемые документы вводятся в научный оборот впервые.

* * *

Документ 8

**Памятная записка руководства РОВС о размещении воинских контингентов
Русской армии в Балканских странах, адаптации военнослужащих
в условиях эмиграции и образовании Русского Обще-Воинского Союза, 1926 г.**

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

С прекращением вооруженной борьбы в Крыму, Русская Армия была эвакуирована и размещена в районе Галлиполи, Лемноса и Кабаджи. В состав Русской Армии, сохранившей к этому времени всю свою организацию, были включены лишь строевые части и их штабы. Военнослужащие, принадлежащие к составу различных тыловых учреждений Армии, а равно и все гражданские лица были тогда же направлены в Сербию, Болгарию, Румынию. Несколько тысяч человек осело в районе Константинополя.

Пребывание Русской Армии в указанных выше пунктах не могло быть длительным уже в силу чисто экономических причин. Содержание ее за счет Главного Командования являлось задачей непосильной. Найти платную работу в местах расположения было невозможно. Французские власти, выдававшие «паек» на чинов Армии, постепенно сокращали таковой, заявляя о своем намерении в будущем совершенно прекратить его выдачу. Выход был лишь в переселении Армии в другие страны, где бы члены ее могли содержать себя собственным трудом. Возможность эта, однако, оказалась трудно осуществимой: западноевропейские государства совершенно закрыли доступ в свои пределы. Балканские страны, приняв к себе первую волну беженцев в несколько десятков тысяч человек и пойдя на большие материальные жертвы для помощи им, в дальнейшем приеме также отказывали.

После длительных переговоров, Главному Командованию к концу 1920 года удалось добиться разрешения от Болгарского и Сербского Правительств на прием части Армии в эти страны, но с обязательством не возбуждать никаких ходатайств о материальной помощи этим категориям. Начавшаяся с начала 1921 года перевозка Армии в Сербию и Болгарию была закончена лишь в 1922 году.

Одновременно с перевозкой, Главным Командованием принимались меры к устройству чинов ее на работы, но несмотря на все затраченные усилия, несмотря на самое широкое содействие местных властей, выполнение этого намерения натолкнулось на большие трудности. Экономически слаборазвитые Балканские государства имели избыток собственных рабочих рук, почему массовое устройство на работу русских являлось задачей неразрешимой. Только благодаря сохранению войсковой организации и всего аппарата управления Армии, удалось наладить разного рода подрядные работы, лесные и дорожные разработки, дававшие заработок большей части Армии. Содержание же безработных, больных, женщин и детей и инвалидов Армии, Главное командование вынуждено было принять на свои средства. По мере того, как чины Армии в массе своей не привыкшие к физическому труду и физически ослабевшие от постоянного недоедания в Галлиполи и Лемносе, втягивались в работу, сфера работы расширялась и количество безработных чинов Армии уменьшалось, но положение продолжало оставаться тяжелым. Переполнение рабочего рынка сказывалось на неустойчивости заработка и на слабой оплате труда, дававшей возможность лишь вести полуголодную жизнь. Все это вместе взятое выдвигало на очередь вопрос о перевозке Армии в какие-либо промышленные страны. Переговоры по этому вопросу велись с 1922 года, но только в 1923 году удалось направить первые небольшие партии на запад.

Суровая школа физического труда, взаимной спайки и выручки, пройденная Армией в Галлиполи, Лемносе, а затем в Балканских странах, облегчила выполнение этой последней задачи. Первая партия рабочих, отправленная из состава Армии на работы во Францию и Бельгию, зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Организованность и дисциплинированность их, в связи с добросовестным отношением к своим профессиональным обязанностям, выгодно выделяли русских рабочих из среды всех других, что позволило расширить перевозку, зачастую при поддержке администрации предприятий. Суровая школа, пройденная Армией, сказалась и в другом отношении: чины Армии, осознав на опыте все значение своей организации и пользу собственной организованности, по мере переезда в другие страны, немедленно создавали на местах свои общества, союзы, объединения разного рода. Через последние они держали связь со своими боевыми товарищами в других странах и улучшали общее свое положение, создавая при объединениях заемные и другие капиталы, библиотеки, кружки самообразования, организуя собственные церкви, а иногда и собственные клубы. Стремление к объединению, проявленное чинами Армии, захватило в свою сферу и бывших военнослужащих всех других фронтов войны. Последние приняли живейшее участие в общей работе по созданию на местах подобных объединений, входя через таковые в состав Армии и образуя единую воинскую семью.

Таким образом, численность входящих в состав Армии чинов, не только не уменьшалась, но, наоборот, увеличивалась. Организация бывших русских военнослужащих, возникшая первоначально лишь в странах Европы, впоследствии стала создаваться и в других государствах: Соединенные Штаты Сев. Америки, Южно-Американские республики, Дальний Восток, Северная Африка и т.д....

Процесс создания таких организаций продолжается до настоящего времени. причем увеличение количества этих организаций и их разбросанность привели к 1924 году к переименованию Русской Армии в Русский Обще-Воинский Союз, насчитывающий в своих рядах около 40 тысяч человек. Русский Обще-Воинский Союз делится на Отделы. В каждый из Отделов входят организации бывших военнослужащих одной или нескольких стран. Во главе Отделов стоят начальники Отделов, коим и подведомственны все организации данного Отдела...

Функции Начальников Отделов - помощь во всех видах своим бывшим соратникам, как-то:

- а). устройство на работы, включая сюда как само устройство на работы, временно лишившихся таковой, так и организацию перевозки из одной страны в другую, в тех случаях, когда вследствие экономического кризиса подыскивание работы на местах становится невозможным;
- б). оказание юридической помощи своим членам во всех тех случаях, когда возникают конфликты на почве выполнения контрактов;
- в). оказание материальной поддержки в особо острых случаях тем группам, кои не успели еще организовать и не создали своих капиталов;
- г). оказание содействия при устройстве клубов, читален и библиотек;
- д). исполнение ходатайств отдельных военнослужащих, находящихся в провинции (перевод денег в Россию, исхлопотание виз для членов их семейств, наведение справок и содействие по устройству детей военнослужащих в различные учебные заведения и т.д.);
- е). наконец, отсутствие во всех странах русских официальных установлений, ведающих вопросами труда и правовой защиты, побуждает военнослужащих обращаться в Управление Начальника Отдела по самым разнообразным поводам. Сюда идут за справками, за советами, за

материальной помощью, за содействием в вопросах получения виз, паспортов, устройства в лечебные заведения, получения разного рода рекомендаций, получения справок для представления в официальные учреждения и т.д.

Ниже приводится годовой отчет Управления Начальника 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза, т.е. Отдела, охватывающего Францию, Бельгию, Чехию, Польшу и Прибалтийские государства, из коего виден характер выполняемой работы.

Всего за истекший 1925 год в Управление Начальника 1-го Отдела обратилось за помощью и содействием разного рода около десяти с половиной тысяч человек, из коих вновь прибывшие составляли около 35% этого числа, остальные 65% были повторные.

Всем обращающимся оказана за это время помощь в следующих видах:

1). отправлено на работу, с выдачей соответствующих письменных рекомендаций:

а). в Париж и его окрестностях 5800 лиц.

б). в провинцию 830 лиц.

2). устроено через железнодорожные управления льготных проездов по жел. дороге для выезжающих на работы в провинцию и для больных 160 лиц.

3). выдано мелких пособий для оплаты проезда до места работы на сумму 2500 франков 310 лиц.

4). выдано денежных пособий остро нуждающимся (больным, выздоравливающим, безработным) на сумму 11937 франков 540 лиц.

5). выдано бесплатных обедов нуждающимся на сумму 4,6 франков 1875 лиц.

6). предоставлено бесплатное помещение или за льготную плату нуждающимся военнослужащим (содержание общежитий обошлось Управлению в 17500 франков)..... 8569 койко-дней.

7). устройство во французские лечебные учреждения бесплатно 60 лиц.

8). устройство в русский хирургический госпиталь для операций с внесением половинной платы за содержание 80 лиц.

9). устроены через Русское Сестричество похороны неимущих с принятием на себя части расходов на сумму 1400 франков 26 лиц.

10). возбуждены ходатайства перед русскими или французскими благотворительными организациями для получения материальной помощи остро нуждающимся..... 680 лиц.

11). оказано в особо трудных случаях, путем возбуждения специальных ходатайств, содействие в получении разрешений на въезд во Францию родных и родственников..... 180 лиц.

12). то же для продления виз и нужных документов 160 лиц.

13). выдано официальных справок из архива:

а). для представления французским властям в разных случаях..... 380 лиц.

б). по непосредственным запросам Французского Военного Министерства и других французских официальных учреждений 220 лиц.

14). возбуждено ходатайство перед французскими и русскими учреждениями об определении детей военнослужащих в школы, приюты, лицеи..... 180 лиц.

Таким образом, Управление Отдела помимо своих прямых функций, в силу сложившихся известных условий, вынуждено было выполнять и функции гуманитарного порядка. Работа эта была выполнена при исключительном содействии русских и французских благотворительных организаций, пошедших широко навстречу Управлению Отдела в материальной помощи.

Помимо этой работы, выполненной по Парижу, Управлением Отдела выполнена следующая работа по провинциям:

1). за 1925 год для перевозки чинов Армии из других стран было получено около 4000 сертификатов, с выдачей взаимообразных пособий на переезд - около 20000 франков, из коих 10000 франков были получены взаимообразно через Российское Общество Красного Креста от Лиги Наций.

2). выдано безвозвратных пособий 3900 фр.

3). выдано взаимообразных пособий остро нуждающимся..... 26150 фр.

4). оказано содействие при устройстве трех клубов и 24 библиотек.

Всего к настоящему времени в состав 1-го Отдела входит около 80 различных организаций бывших военнослужащих, включающих в свой состав около 12000 человек.

Аналогичная работа по оказанию помощи своим бывшим соратникам выполнялась и во всех других Отделах Р.О.В. Союза.

Из всего вышесказанного видно, как постепенно совершался переход Армии на трудовое положение и превращение ее в Русский Обще-Воинский Союз. Последний в настоящее время имеет разветвления во всех странах, выполняя функции не только гуманитарного порядка, о коих было сказано выше, но и являясь воспитательной школой для своих сочленов, удерживая многих из них в настоящих, исключительно тяжелых условиях, от морального и культурного перерождения и духовного опустошения.

По мере перехода Армии на трудовое положение, сокращался постепенно и общий расход на нее.

В 1922 году, когда Армия только что начала становиться на работы, месячный расход на нее исчислялся в 4000000 динар или около 800000 франков, в 1925 году месячный расход по всему Русскому Обще-Воинскому Союзу был сведен до 50000 франков. Такого крупного сокращения расходов можно было достигнуть лишь постепенно по мере постановки на работы всех чинов Армии вплоть до командиров войсковых частей и высших военных соединений.

Обеспечивая личным трудом собственное существование, все чины Армии, в то же время, путем определенных отчислений от своих заработков, в пользу своих частей, дают возможность последним покрывать наиболее острые их нужды: поддержание постоянной связи между всеми своими чинами, посильная помощь своим больным, безработным, инвалидам и т.д.

Главное Командование в настоящее время несет расходы лишь:

- 1). на содержание Штаба Главнокомандующего, состоящего из двух лиц;
- 2). на содержание Управлений Начальников отделов (расходы почтовые и канцелярские, на информацию подведомственных им частей, на помощь остро нуждающимся и отдельным лицам);
- 3). небольшие отпуска на части войск для покрытия их почтовых расходов и расходов по информации.

Все перечисленные расходы идут на содержание лишь самого остова организации РОВС, без этого остова не может существовать РОВС как единое целое.

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 25. Л. 34-41.

Документ 9

Приказ председателя РОВС генерала А.П.Архангельского по результатам проверки комиссией 3-го отдела РОВС и с запрещением деятельности «внутренней линии»

Не для печати

**П Р И К А З
РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ**

Брюссель

№ 10

12 апреля 1939 г.

§ 1.

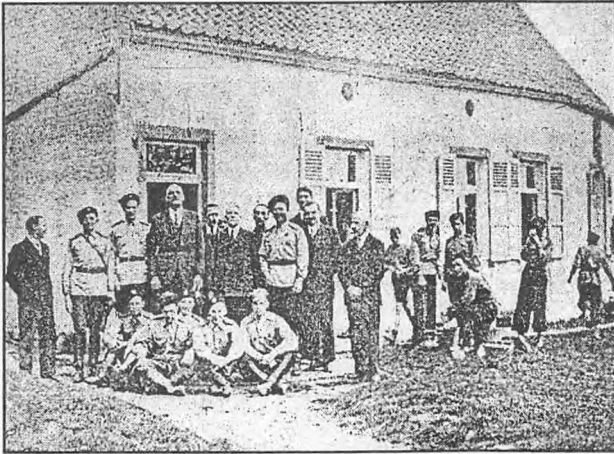
17-27 марта я провел в Болгарии, причем большая часть этого времени была мною посвящена ознакомлению с Управлением III Отдела и центральной Группой Отдела в Софии, меньшая - с Группами на Пернике, в Пловдиве и Бургасе.

Мною были приняты подробные доклады как старших Начальников, так и рядовых работников Русского Обще-Воинского Союза и заслушаны мнения по ряду вопросов представителей русской общественности в Болгарии.

Я присутствовал на ряде объединений и собраний воинских и общественных организаций, посетил очередные занятия учрежденных при III Отделе военных курсов и курсов военно-политической подготовки, видел работу с молодежью, как состоящей в рядах Русского Обще-Воинского Союза, так и привыкающей к нему.

Во всех без исключения представившихся мне организациях я отметил примерную организованность и большую налаженность работы, проводимой при наличии основной службы или занятий каждого, исключительно в часы отдыха. С чувством полного удовлетворения свидетельствую, что вся эта работа, как руководителей, так и обучающихся, проникнута идеей жертвенности и глубоким сознанием необходимости борьбы до конца с поработителями нашей Родины.

Результаты подготовки двух осмотренных мною юношеских организаций, численностью до 50 - 70 человек каждая и руководимых, соответственно, Полковником Петриченко и Подпоручиком Александровым, Полковником Румянцевым и Капитаном Яренко, - прекрасны. Первая из них, носящая название роты генерала Кутепова, сумела наглядно показать, что ведущаяся в ней

1939 г. Председатель РОВС генерал А.П.Архангельский, князь С.Г.Романовский и герцог Лейхтенбергский проводят смотр «Русской стрелковой дружины» - воинского формирования, сохранившего свой кадр и существовавшего в эмиграции в виде «рабочей группы»

строевая, военно-политическая и спортивная подготовка молодежи поставлена на должную высоту, - вполне современно и в духе тех усилий, которые потребуются от борцов за Россию в решительный момент.

Отмечаю полную доброжелательность к Русскому Обще-Воинскому Союзу со стороны большинства русских организаций в Софии, взаимное понимание и поддержку на путях к достижению наших общих задач, что ярко вывилось как при моих отдельных беседах с представителями организаций, так и на том большом собрании, которое состоялось в Софии 19 марта и объединило вокруг знамени Русского Обще-Воинского Союза свыше 600 человек.

Все изложенные достижения должны быть поставлены в большую заслугу энергичному и не-

поколебимому Начальнику III Отделения, Генерал-Лейтенанту Абрамову, которого и прошу принять мою глубокую благодарность.

Считаю своим долгом, от лица дела, которому мы служим, сердечно поблагодарить и всех как по III Отделу Русского Обще-Воинского Союза, так и по Донскому Корпусу сотрудников Генерала Абрамова - Начальников частей, воинских и армейских групп, Председателей союзов и обществ и Руководителей юношеских организаций.

§ 2.

Во время пребывания в Болгарии я ознакомился как по трудам «Особой Комиссии», образованной в 1937 году Начальником III Отдела, под председательством Полковника Петриченко, в составе членов Подполковников Машинского и Кедринского, так и лично - с деятельностью лиц, работающих в так называемой «внутренней линии».

Организация эта, образованная генералом Кутеповым в 1926 году, с целью отбора людей, способных вести активную борьбу с большевиками, и получившая впоследствии название «внутренней линии», приняла, как известно, во Франции, в силу различных условий, уродливые формы. Вследствие этого она была в 1938 году осуждена Комиссией Генерала Эрдели и закрыта приказом Начальника I Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

В Болгарии деятельность этой организации, в некоторых случаях конспиративная, была под постоянным контролем Начальника III Отдела и заключалась в наблюдении за агентурой большевиков и проникновением последней в русские организации, в укреплении Русского Обще-Воинского Союза изнутри, в инструктировании и развитии кадров, агитации, информации и т.п. С 1934 года работа шла исключительно в среде Русского Обще-Воинского Союза.

Работа эта во многих случаях дала прекрасные результаты и продолжение ее представляется совершенно необходимым, но она должна быть впредь реорганизована и поставлена в нормальные рамки существующих воинских организаций и частей, входящих в состав Русского Обще-Воинского Союза.

Ввиду сего п р и к а з ы в а ю:

а). действия так называемой «внутренней линии» в III Отделе Русского Обще-Воинского Союза и там, где вопреки данных ранее указаний, эта организация еще осталась, - п р е к р а т и т ь и «внутреннюю линию» уничтожить;

б). всю политическую работу, информацию, пропаганду среди чинов Русского Обще-Воинского Союза вести открыто, исключительно по командной линии, пользуясь для сего имеющимися при Начальниках Отделов аппаратами и придав Начальникам частей и групп в помощь для сего лиц из более молодого и энергичного состава, назначая и утверждая их в установленном порядке;

в). работу курсов военно-политической подготовки и работу с молодежью, уже давшую пре-

красные результаты, продолжать вести в III Отделе на тех же основаниях, как она велась и до сего дня; г). принять все меры к улучшению добрососедских отношений и усилению связи и доброжелательства с теми организациями, которые ведут общее с нами дело и у которых, в силу тех или иных причин, возникавших ранее и приписываемых действию так называемой «внутренней линии», могло сохраниться недоверчивое к нашему Союзу отношение.

Никакой розни, а, тем более, вражды между нами и ними, быть не должно, и я очень рад, что за последнее время в III Отделе сделано очень многое для улучшения отношений между Отделом Русского Обще-Воинского Союза и различными организациями.

§ 3.

Объявляю благодарность Комиссии под председательством Полковника Петриченко, в составе Подполковников Машинского и Кедринского за большой и основательный труд по проверке деятельности так называемой «внутренней линии», а также по расследованию дела Николая Абрамова и по проверке последнего, и вообще за отличное выполнение поставленных ей задач.

Генерал-Лейтенант А.П.АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.25. Л.17.

Документ 10

**Рапорт генерала П.Н.Шатилова главнокомандующему Русской армией
генералу П.Н.Врангелю о формировании во Франции и Бельгии
рабочих групп и поддержании с ними связи**

№ 212

24 января 1925 года

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РУССКОЙ АРМИЕЙ

РАПОРТ

Почти двухмесячный перерыв в перевозке во Францию наших контингентов из Болгарии и Сербии позволил ныне существующим армейским рабочим группам выкристаллизоваться и закончить свою организацию.

С другой стороны, ныне можно подвести итоги той работе, которая легла на меня и на вверенное мне Управление и детали которой вырабатывались постепенно, в связи с требованиями самой жизни.

Как общее правило, можно отметить трудность установления связи с партиями, прибывающими из Балканских государств. По прибытии в Туль, партии эти обычно разбиваются на несколько групп и направляются в различные предприятия; большинство старших рабочих партий, разъезжающихся из гор. Туля по разным городам Франции, очень легко забывают о полученных инструкциях донести мне о месте своего назначения, составе партии и о своем почтовом адресе.

Мне приходилось и, надо думать, придется и в будущем применять особую сноровку к установлению связи с отдельными группами, причем неизбежно, всякий раз, старший группы выражал искреннюю радость установлению связи и далее уже все шло гладко. Объяснять это явление можно чисто психологическими переживаниями. Уезжая из Болгарии и Сербии во Францию, чины наших контингентов, с грустью констатировали свой окончательный уход из рядов Армии и превращение в рядовых беженцев, ничем не связанных друг с другом.

По прибытии во Францию, эти лица устраивались на новых местах, чувствовали себя оторванными от всех и вся, видели вокруг себя типичную рабочую среду, типичную рабочую жизнь с ею беспросветностью и отсутствием перспектив в личной жизни. Установление связи со мной, осведомление о существовании воинской организации, возможность обратиться за поддержкой и советом в нужную минуту - все это заметно подбадривало наших воинских чинов и устанавливалась между мной и ими - живая связь, целью которой являлось, с одной стороны, приобщение их вновь к жизни Армии, а с другой - обслуживание их, хоть и небольших, но все же неотложных нужд.

Способы, применявшиеся мною для установления связи с различными группами во Франции, носили самый различный характер: опросы различных лиц, прибывающих по личным де-

лам в Париж; частная переписка моих многочисленных знакомых, живущих в Париже, с провинцией; специальные командировки начальников армейских рабочих групп из мест своего жительства в соседние торговые или промышленные центры и т.д.

После обнаружения сколько-нибудь крупного числа русских военнослужащих в каком-либо городе мною наводились справки - кто из них является старшим, проверялись сведения о личности последнего и, наконец, ему предлагалась от моего имени должность начальника группы.

Как общее правило, начальнику рабочей группы давались определенные и подробные инструкции о порядке формирования группы: в частности, обращалось внимание на то, чтобы при формировании галлиполийской, донской и кавалерийской партий не был бы нанесен ущерб единству группы.

Для точного определения прав и обязанностей начальствующих лиц было составлено особое «Положение о функционировании и организации органов Русского Обще-Воинского Союза во Франции и Бельгии».

По окончании формирования рабочей группы начинается работа по спайке ее в одно целое, причем главным средством для этого обычно служат реальные доказательства выгоды единения не только в отношении нашей Армии, но и в смысле отстаивания своих интересов перед Французской администрацией.

Начальники рабочих групп единогласно отмечают то исключительно сильное и благоприятное впечатление, которое производит на Французскую администрацию организованностью и дисциплинированностью русская рабочая группа. Является совершенно обычным явлением, что просьбы отдельных чинов группы, заявленные через начальника группы, почти не встречают отказа, в то время как единоличная просьба, поданная от моего имени, удовлетворяется редко.

Администрация французских предприятий, видя организованность русских рабочих групп, очень часто выражает готовность идти на значительные материальные траты, если только таковые имеют своей целью улучшить общую обстановку для всей группы. Уже теперь известны два случая, когда администрация предприятий, исполняя просьбу начальника группы, ассигновывала достаточно крупные суммы на пополнение русских библиотек новыми книгами, когда оборудовались православные церкви, а православному священнику давалось от завода довольствие и квартира.

Выше указывалось, что одним из средств спайки рабочих групп является реальное демонстрация выгод существования не в виде распыленных единиц, а в виде организованного целого. Разрешение последней задачи достигалось возможно полным обслуживанием всех нужд чинов рабочей группы, выдвинутых и выдвигаемых жизнью.

До настоящего времени последняя работа выразилась в следующем:

1. Изданием специальных информационных бюллетеней, содержание коих приурочено для освещения всех вопросов, интересующих личный состав армейских рабочих групп. В информационные бюллетени включаются также ответы на все вопросы, задаваемые на месте и имеющие общее значение.

2. В устройстве клубов-читален и библиотек. До настоящего времени на средства, отпущенные мною, организовано 9 библиотек при группах, наиболее многочисленных с одной стороны, и устойчивых, в смысле нежелания разъезжаться, с другой. При отпуске денег на организацию библиотек я всегда ставил непременным условием установление обязательного ежемесячного вычета на поддержание и дальнейшее развитие библиотеки и на обязательность подчинения выборного библиотекаря начальнику рабочей группы. Для устройства клубов-читален очень часто служит помехой отсутствие подходящих помещений, но постепенно этот вопрос разрешается в благоприятную сторону, отчасти благодаря помощи администрации предприятия, а отчасти - наймом нужного помещения.

3. В помощи по устройству на новом месте работ по окончании контрактов; очень часто, первоначальное место работ совершенно не удовлетворяет элементарным требованиям удобства жизни, а самая работа, несмотря на тяжесть, оплачивается слишком мизерно; в этих последних случаях начальник группы за две - три недели до окончания контракта обычно обращается ко мне с просьбой об устройстве на новое место работ, с более лучшими условиями жизни и оплаты. Располагая всеми нужными справками, я сообщаю то последнее начальникам рабочих групп, как желающей переменить место работы, так и той, куда я направляю на работы. Обычно меняют места работ небольшими партиями, почему устройство их на новом месте не представляет особых трудностей, особенно, принимая во внимание хорошую репутацию, которую везде и всюду во Франции завоевали русские рабочие. В отдельных случаях поступают ходатайства об устройстве на легкие работы инвалидов или слабосильных.

4. В оказании юридической помощи нашим военнослужащим, в тех конфликтах, которые возникают часто на почве разного толкования заключенных контрактов или же явного желания различного рода контрагентов по перевозкам эксплуатировать наших чинов путем несоразмерно большого назначения стоимости перевозки, подлежащей возмещению: во всех перечисленных случаях чины наших рабочих групп, будучи незнакомы с местным законодательством, оказываются в совершенно беспомощном состоянии.

5. В оказании материальной поддержки в особо важных случаях чинам рабочих групп и членам их семей. В целях справедливого распределения пособий между чинами, проживающими в Париже - с одной стороны, и лицами, живущими в провинции - с другой стороны, я разделил имеющуюся у меня сумму на пособия на две части, из коих одна предназначается для Парижа, а другая - для провинции.

6. В исполнении отдельных ходатайств чинов рабочих групп, как-то: а). переводы денег в Советскую Россию на особо льготных условиях; б). выполнение разного рода формальностей при выписке семей из Советской России, Болгарии и Сербии во Францию; в). наведение справок в разных учреждениях по устройству молодежи в учебные заведения, по устройству в санатории и т.п.

7. В праздничные дни и, во всяком случае, каждое воскресенье я выезжаю в провинцию для личного осмотра рабочих групп, знакомства с жизнью и нуждами и личной беседы со всеми чинами. Обычно я предупреждаю заблаговременно о своем приезде, дабы можно было бы оповестить всех, нанять специальное помещение для общего собрания.

До настоящего времени я посетил 100 рабочих групп. Мои общие впечатления от непосредственного соприкосновения с чинами рабочих групп, в общем, чрезвычайно благоприятны. Всюду, без исключения, можно наблюдать удовлетворение от результата своей тяжелой работы: люди постепенно приобретают себе приличные костюмы, приобретают предметы первой необходимости, изучают французский язык, ориентируются в местной обстановке, дабы иметь возможность устроить свою личную жизнь, после окончания контракта, возможно лучше и удобнее. Решительно везде с полным единодушием, искренностью и даже горячностью мне выражались знаки преданности Армии, беспредельной веры в ее Главнокомандующего и Верховного Вождя Великого Князя Николая Николаевича. Не могу не отметить своего впечатления о том энтузиазме, который проявляют чины контингентов, прибывших из Польши, в отношении Вас, как Главнокомандующего Русской Армией; для этих чинов, несмотря на то, что они никогда не имели чести Вас видеть лично - Ваше имя окружено ореолом легендарности.

Обращаясь к подведению цифровых итогов, я должен отметить, прежде всего, тенденцию к постепенному сосредоточению в больших центрах. Небольшие группы по окончании контрактов все, почти без исключения, стремятся переехать в Париж, Лион, Марсель и другие большие города. В общем, со времени моего личного доклада Вам в Париж, таким образом расформировалось ... уже армейских рабочих группы. Самый процесс расформирования неизменно проходит в обстановке, которая ясно показывает иную дисциплинированность и привычку к порядку, которые свойственны только регулярной армии. Мне аккуратно доносится о постепенной сдаче должности начальника группы от старшего к младшему и, наконец, последний уезжающий доносит не только о своем отъезде, но и о порядке уничтожения оставшихся документов и переписки.

Всего в настоящее время на территории Франции и Бельгии имеется 73 армейских рабочих группы; общей численностью в 3750 человек.

Список армейских рабочих групп прилагается.

Генерал от кавалерии П. ШАТИЛОВ.

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 24. Л. 16-22.

СПИСОК
Русских армейских рабочих групп на территории Франции и Бельгии
(по данным к 25/1-1925 г.)

Фамилия старшего группы	Место работы	Численность группы
1. Генерал-майор Сулейман-Улановский	Кнютанж	180
2. Генерал-майор Оприц	Париж	70
3. Генерал-майор Хрипунов	Деказвиль	40
4. Полковник Шестаков	Деказвиль	45
5. Генерал-майор Алпатов	Деказвиль	25
6. Генерал-майор Упорников	Тарб	49
7. Полковник Павлов	Крезо	90
8. Полковник Титов	Крезо	121
9. Капитан Борделиус	Жоффкур	85
10. Войсковой старшина Сальников	Каэн	110
11. Полковник Людоговский	Юс	82
12. Полковник Аверьянов	Омэкур	220
13. Капитан Станевич	Омэкур	15
14. Ген. штаба полковник Ефремов	Аррас	40
15. Подполковник Прокопенко	Лион	80
16. Полковник Кисилев	Варэнн	35
17. Капитан Невструев	Имфи	60
18. Полковник Федорков	Безансон	40
19. Подполковник Капанжи	Ромбас	140
20. Полковник Малахов	Сен-Амандэн	87
21. Полковник Нефедов	Ла-Рошель	60
22. Штабс-капитан Данилевич	Потиньи	13
23. Генерал-майор Бородин	Десять групп в разных пунктах Франции	340
24. Чиновник военного времени Копылов	Журнэ	41
25. Капитан Сковородников	Фюмэль	25
26. Генерал-майор Мельницкий	Буко (район Байонны)	51
27. Полковник Егоров	Монтебра	25
28. Капитан Вишневский	С-ть Кантэн	12
29. Капитан Будаев	Аржан	30
30. Войсковой старшина Попов	Санс	22
31. Генерал-майор Фок	Париж, в 14 разных партиях	700
32. Полковник Эрдели	в разных пунктах Франции 5 групп	75
33. Полковник Шани	Туркуэн	40
34. Войсковой старшина Чикин	Мейере	10
35. Капитан Молодцов	Анжер	18
36. Полковник Ушаков	Марсель	25
37. Капитан Миончинский	Дюнкерк	10
38. Полковник Швех	Монбар	150
39. Полковник Елисеев	Мариньяк	40
40. Полковник Осипов	Гранвиль	47
41. (вакансия)	Монтаржи	120
42. Гражданский чиновник Коломенский	Бельфор	120
43. Подполковник Худокормов	Брюссель	45
44. Подполковник Удовицкий	Льеж	42
45. Штаб-ротмистр Юрасов	Льеж	15
46. Капитан Грилевский	Монтины (Бельгия)	45
47. Полковник Жаданов	Сент-Этьен	15

Всего - 73 группы, общей численностью - 3750 человек.

ГАРФ. Ф.5826. Оп. 1. Д.24. Л.23.

**Заявление председателя РОВС генерала А.П.Архангельского
о необходимости поддержки Фонда спасения Родины**

ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТ
ФОНДА ИМЕНИ ВЕЛ.КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

15 ноября 1938 г.

Начальникам Отделов Русского Обще-Воинского
Союза, Местным Комитетам, Уполномоченным
и Сборщикам Главного Комитета Фонда Имени
Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Считаю необходимым отметить, что обслуживаемая Фондом Спасения Родины «особая работа» непрерывно ведется с момента основания Фонда Спасения Родины при Почившем Великом Князе Николае Николаевиче, претерпевая, в зависимости от тех или иных условий, различные изменения в порядке ее осуществления.

В свое время, неоднократно Фонд Спасения Родины пополнялся значительными ассигнованиями из общих сумм Главного Командования.

Однако ныне, вследствие истощения этих последних сумм, «особая работа» может обслуживаться исключительно суммами, собираемыми путем добровольных взносов Фондом Спасения Родины.

Поэтому возможность дальнейшего ведения, развития и расширения, в связи с происходящими и назревающими событиями, «особой работы» находится в прямой и непосредственной зависимости от тех сумм, которыми будет располагать Фонд, следовательно, исключительно от жертвенной настроенности и готовности помочь этой работе со стороны национально мыслящих Русских людей.

Ведение этой работы представляется совершенно необходимым, в зависимости от наличных средств, каким бы сокращениям она ни подвергалась.

На состоявшемся в сентябре сего года в г. Белграде съезде старших начальников Русского Обще-Воинского Союза было признано, что «особая работа» должна продолжаться, не взирая на встречаемые препятствия. Вместе с тем, было подтверждено, что взносы в Фонд Спасения Родины для чинов Русского Обще-Воинского Союза являются добровольными, но морально обязательными, ибо ими обслуживается «особая работа».

Необходимо признать, что взносы в Фонд Спасения Родины должны почитаться морально обязательными и для всех русских людей, жаждущих освобождения нашей Родины, и Главный Комитет вновь обращается ко всем своим сотрудникам, воинским чинам и вообще ко всем национально настроенным Русским людям с горячим призывом обратить на эти сборы особое внимание, имея в виду, что успешное ведение «особой работы» зависит ныне от нас самих, от нашей жертвенности, от нашей готовности не на словах, а на деле помочь общему нашему Русскому делу.

Главный Комитет настоятельно просит озаботиться присылкой собранных сумм и принять меры к дальнейшему ведению и развитию сборов в Фонд Спасения Родины.

Собираемые в Фонд суммы подлежат направлению либо в местные Комитеты и Уполномоченным, либо непосредственно в адрес секретаря-казначей Гл. Комитета В.В.Попова.

V. POPOFF
59, rue Boileau - Paris (16)

Председатель Главного Комитета,
Генерал-лейтенант А.П.АРХАНГЕЛЬСКИЙ.
Секретарь, член Главного Комитета В.ПОПОВ.

ГАРФ. Ф.5826. Оп. 1. Д.21. Л.14.

**Приказ № 23 председателя РОВС генерала А.П.Архангельского
об укреплении сплоченности военных эмигрантов**

Не для печати

**П Р И К А З
Русскому Обще-Воинскому Союзу**

№23
Брюссель

15 апреля 1938 г.

1.

В связи с назревающими событиями у нас на Родине мы должны быть более чем когда-либо готовы, дабы, когда пробьет долгожданный и желанный час, вложить все силы, знания и большой опыт, приобретенный нашей прежней службой и долгим пребыванием в чужих странах, в огромную работу по восстановлению России и возвращению Ей былого величия, мощи и славы.

Чтобы выполнить это высокое назначение, мы прежде всего должны быть единым, мощным и сплоченным воинским организмом, основанным:

- 1). на строгой дисциплине, принятой на себя добровольным, во имя спасения Родины, вхождением и состоянием в Русском Обще-Воинском Союзе;
- 2). на самом высоком культе чести и достоинства, которыми всегда отличался Корпус Офицеров Российской Императорской Армии, естественным наследником и продолжателем коей явились Армии, боровшиеся за освобождение России от большевиков;
- 3). на беззаветном выполнении своего служебного долга;
- 4). на неуклонном соблюдении во всех взаимоотношениях, как между собой, так и с другими организациями, борющимися за Россию, самой безукоризненной офицерской этики;
- 5). на жертвенной бескорыстной готовности служения Родине, завещанной нам вождями Белого Движения

Такой воинский организм, в единении со своими начальниками, стойко преодолет все препятствия на нашем пути, а на Родной Земле явится мощным идейным ядром возрождающейся России и которое послужит естественной живой связью между нею и славным тысячелетним прошлым великой России с ее вековыми устоями и заветами.

2.

Для успешного выполнения нашего долга перед Россией мы раньше всего должны быть готовы к продолжению нашей службы ей по прямому нашему назначению, как офицеры.

Циркулярным предписанием моего предшественника, генерала Абрамова от 5-го Марта сего года за № 93, уже предложено Начальникам Отделов Русского Обще-Воинского Союза организовать повторительные курсы по освежению воинских знаний чинов Русского Обще-Воинского Союза, по усвоению последними строевых уставов Красной армии, а также тактики броневых войск и воздушного флота.

Подтверждаю к исполнению это предписание.

Предлагаю также Начальникам Отделов Русского Обще-Воинского Союза организовать, сообразно местным условиям и возможностям, систематические занятия по ознакомлению чинов Р.О.В.Союза с главнейшими явлениями военной, политической, экономической и социальной жизни как у нас на Родине, так и в главнейших иностранных государствах, в особенности тех, в которых наметились новые пути возрождения и социальных реформ.

Основной целью этих занятий ставить не разработку каких-либо программ или доктрин, которые могут быть выработаны только на Родной земле, при соприкосновении с действительной русской жизнью и в соответствии с духовной и материальной обстановкой, какая скажется после свержения большевиков, а только дать понятия об основных принципах и направлениях, в которых ныне работает мысль военных и государственных деятелей и о тех практических мерах, которые принимаются в различных странах для проведения этих принципов в жизнь, в зависимости от их исторических, политических и бытовых основ.

3.

Организацию и посещение занятий по изучению политических и социальных вопросов нельзя смешивать с политической деятельностью и работой в составе политических организаций и партий.

Долгий опыт убедил нас в мудрости нашего Главнокомандующего, генерала Врангеля, воспретившего приказом 1923 года № 82 вхождение чинов Русского Обще-Воинского Союза в состав политических партий и обществ.

Этот приказ, по примеру своего предшественника, генерала Абрамова, подтверждаю к твердому и неуклонному исполнению, руководствуясь своевременно изданными дополнениями и разъяснениями.

Каждый член Русского Обще-Воинского Союза может и должен выбрать между организацией воинской - Русским Обще-Воинским

Союзом и организациями политическими, в зависимости от того, где он считает для себя более соответственным и более полезным для дела работы на Россию приложить свои силы.

Уход таких лиц из Русского Обще-Воинского Союза для работы в организациях политических (кроме, разумеется, пробольшевистских) не может считаться изменой нашему делу, а исключение их из организаций Русского Обще-Воинского Союза вследствие состояния их в политических организациях и партиях - наказанием их за желание работать на политическом поприще.

Эти лица могут всегда возвратиться в ряды Р.О.В.Союза, по представлению соответствующих начальников и председателей обществ и организаций, если, конечно, за время состояния вне Русского Обще-Воинского Союза они ничем не запятнали себя в смысле нарушения офицерской этики.

4.

Многочисленные приветствия, полученные мной после вступления моего в должность Начальника Русского Обще-Воинского Союза и от воинских организаций и от отдельных г.г. генералов и офицеров, а равно и от общественных деятелей и организаций, ярко подчеркивают, насколько наш Русский Обще-Воинский Союз дорог его чинам и ценится всей национальной общественностью.

Докажем, что мы достойны этой любви и высокой оценки.

Призываю всех чинов Русского Обще-Воинского Союза сплотиться еще теснее около своих частей, союзов и объединений и напрячь все свои силы для сохранения и укрепления Русского Обще-Воинского Союза и для дружной работы по осуществлению важных задач, стоящих перед нами.

Наша сила в единении, в сознании правоты нашего Белого Дела и в горячем стремлении и решении довести его до конца.

1938 г. Группа офицеров Алексеевского полка в Париже. РОВС и военные общества проводили встречи однополчан и ветеранов Белого движения

Генерал-лейтенант А.П.АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ГАРФ. Ф.5826. Он.1. Д.20. Л.8-10.

Публикацию подготовил Ершов В.Ф.

НЕЗАМЕЧЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОХИЩЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА РОВС ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА: ВЕРСИЯ

Событийная сторона похищения советскими спецслужбами начальника Русского Обще-Воинского Союза генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера (1867-1939), происшедшего 22 сентября 1937 г. в Париже, весьма подробно освещена рядом авторов. Однако они базировались при этом на эмоциональных материалах эмигрантской периодики, официальных отчетах, а зачастую - и на работах своих предшественников. Поэтому интерпретация фактов повторялась почти дословно, а ее центром были разоблаченные как агенты ИНО НКВД «старейший корниловец» генерал-майор Николай Владимирович Скоблин и его жена, известная певица Надежда Васильевна Плевичка. Остальные участники тех драматических событий выпадали из поля зрения.

Между тем текстually-фактологический анализ имеющихся данных неожиданно представляет всю картину в новом свете. Рассматривая последствия исчезновения Миллера, обратим внимание на помощника начальника военной канцелярии РОВС полковника Сергея Александровича Мацылева (1893-1954). Источники позволяют усомниться в той, второстепенной по официальной версии, роли, которую он сыграл 22-23 сентября.

Участник Первой мировой войны, одним из первых ставший Георгиевским кавалером в 1914 г., революцию встретил командиром 1 саперного батальона в чине капитана. В Добровольческой армии находился с 1918 г., сражаясь в рядах Алексеевского пехотного полка. Затем эмигрировал в Галлиполи, Болгарию, Францию. С 1934 г. - служащий штаба РОВС¹. Казалось бы, биография типичного белого офицера... Но современники эмигранты характеризовали его двояко. С одной стороны, «был он человек бескорыстный, никогда ничего не имел, нередко нуждался...», всегда «считал РОВС наследником Добровольческой армии», все «сердечно любили» его². По другим же свидетельствам, полковник «весьма скептически» заявлял в узком кругу: вся деятельность РОВС - «толчея воды в ступе». Участвуя в работе Союза, С.А.Мацылев уже не верил в высказываемые, по его определению, «штампованные белые мысли»³. В таком случае потеря прежних ценностей и смысла борьбы из-за отсутствия долго и страстно ожидавшихся перемен сделали психологию полковника сходной с настроением Н.В.Скоблина накануне вербовки в 1930 г. Поэтому неожиданно на первый взгляд предположение о его сотрудничестве со спецслужбами СССР имеет право на жизнь; более того, оно косвенно подтверждается фактами. С этой точки зрения несложно объяснить поведение Мацылева ночью с 22 на 23 сентября и в последующие дни.

Не зная о записке Е.К.Миллера, указывавшей на свидание со Скоблиным и неизвестными⁴, он получил приказ найти генерала-корниловца, поехал в отель «Пакс» и привез Скоблина в штаб РОВС. Последний все отрицал, ему предъявили роковую записку, но он продолжал запертость. Когда же вице-адмирал М.А.Кедров предложил отправиться в полицию, Скоблин, сославшись на недомогание, прошел на лестницу. В своем «Разъяснении», опубликованном в журнале «Часовой» (см. приложение), Мацылев заявил: генерал «стал по ней спускаться впереди нас»⁵. Но никто не мог видеть этого, так как М.А.Кедров и генерал-лейтенант П.А.Кусонский «решили наедине обменяться мнениями», а сам Мацылев, если бы он находился на лестнице, мог видеть поднимавшегося вверх Скоблина. Многие источники подтверждают: подозреваемый скрылся этажом выше, у промышленника С.Н.Третьякова, тоже советского агента⁶. Следовательно, Мацылев указывал заведомо ложный путь.

Более того, в своей заметке полковник полностью воспроизвел версию оправданий Скоблина. В частности то, что якобы его именем могли воспользоваться для завлечения Миллера в ловушку, присовокупив: и после исчезновения «не было уверенности в бегстве, а следовательно и предательстве»⁷. Впоследствии ложность оправданий выдала запись о каком-то свидании в одно время со свиданием, упоминаемым Миллером, обнаруженная в блокноте Скоблина при обыске его дома. Далее именно Мацылев, вместо поиска генерала-корниловца в ближайшем районе, подал мысль, «что, взволнованный, он поехал к себе в отель»... И верхушка РОВС тут же помчалась за ним в «Пакс». Такая недогадливость, учитывая знания о подозрениях Миллера и само намерение направиться со Скоблиным в полицию (а отнюдь не его одного в отель), поразительна и по меньшей мере настораживает.

Учитывая, что «ГПУ имело десятки агентов в разных группах РОВС»⁸, маловероятно его замыкание на Скоблине и Плевницкой с Третьяковым, вообще не состоявшими в Союзе. Поэтому предложенная здесь версия не является чем-то сверхъестественным. В то же время она в значительной степени гипотетична, не претендует на завершённую истинность и в настоящее время документально не подтверждена.

Не менее любопытно участие С.А.Мацылева в подписании обращения к немцам с благодарностью за «освобождение России» вскоре после начала Великой Отечественной войны, в первых числах июля 1941 г., когда он был как русский временно помещен в германский концлагерь в Компьене⁹. Сей факт не противоречит нашему предположению и может объясняться либо соображениями конспирации, либо, напротив, желанием порвать с чекистами под впечатлением крупных успехов вермахта, которые, как казалось тогда многим эмигрантам, уничтожат СССР как политический режим.

До сих пор незаметная «тайна Мацылева» покоится на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа и вероятно в недрах спецархивов, ожидая дальнейшего исследования.

Приложение

РАЗЪЯСНЕНИЕ

Издающиеся за рубежом русские газеты и журналы разных направлений посвятили вопросу о похищении генерала Миллера ряд статей и заметок.

В целом ряде из них, многия лица, никакого отношения к РОВС не имеющие, высказывают свои соображения, одобряют действия одних начальников, порицают других, дают советы, оценивают обстановку и зачастую неверно излагают весь ход событий, который довольно точно был изложен в иностранной прессе.

Такого рода заметки, кроме вреда общему нашему национальному делу ничего принести не могут. Опираясь неверными фактами, легко внести смятение в умы читающих, направить их мысли по неправильному пути и в конечном счете это лишь выгодно для наших врагов - большевиков.

Настоящим считаю своим долгом исправить главнейшие искажения истины, допущенные волно или невольно, в русской зарубежной прессе:

1. Оставленная ген. Миллером в запечатанном виде записка, была вскрыта генерал-лейтенантом П.А.Кусонским не в 12 часов ночи, а в начале десятого часа вечера.

2. Уходя на роковое свидание 22-го сентября и передавая записку ген. Кусонскому, ген. Миллер просил ее вскрыть лишь в том случае, если возникнет беспокойство, не указывая точно часа и не давая определенного срока. Записка была вскрыта, когда выяснилось, что ген. Миллер не вернулся домой к обеду и не присутствовал на собрании Общества Северян, которое состоялось в 8 часов вечера и на котором он должен был присутствовать. Тогда-то и возникло беспокойство, заставившее ген. Кусонского вскрыть оставленную ему записку.

3. Скоблина стали разыскивать, думая узнать от него, на основании записки, где находится ген. Миллер, а отнюдь не от того, что его в то время хотели задержать, подозревая в предательстве.

4. По поручению адмирала М.А.Кедрова, я поехал за Скоблиным в отель «Пакс», где он ночевал, в уверенности, что его вызывают на совещание, как лицо близко стоящее к ген. Миллеру и могущее дать необходимые указания о возможном пребывании ген. Миллера.

5. Во время разговора адмирала Кедрова и ген. Кусонского со Скоблиным в управлении РОВС на рю Колизе, записка ген. Миллера не была ему показана. На все вопросы адмирала Кедрова, обращенные к Скоблину, не виделся ли он в этот день с ген. Миллером, не знает ли он что-либо о свидании, которое ген. Миллер должен был иметь - Скоблин отвечал абсолютным незнанием. Если в этот момент и могло зародиться подозрение против Скоблина, то все же оно было далеко от мысли о предательстве, так как, во-первых, разговор был кратким (необходимо было торопиться ехать в полицию сделать заявление об исчезновении ген. Миллера, раз последняя надежда узнать что-либо от Скоблина отпала); во-вторых, записка, указывая, что свидание устраивается Скоблиным, и что он на нем будет, не исключала возможности допустить, что ген. Миллера завлекли в ловушку, пользуясь именем Скоблина, но что сам Скоблин в этом не участвовал.

6. В эту минуту, ни адмирал Кедров, ни я, не подозревали Скоблина в предательстве. В противном случае нам не нужно было бы «хитро заманивать его в комиссариат», как советуют теперь некоторые, ни приставить «часового к двери», как рекомендуют другие, а просто мы бы его не выпустили из рук.

7. Выяснив, что Скоблину ничего не известно об имевшемся днем свидании, было решено ехать в полицию для заявления об исчезновении ген. Миллера, о чем адмирал Кедров и заявил Скоблину.

8. Скоблин не бежал из управления РОВС, а по окончании разговора вышел первым на лестницу, правда быстрым шагом, и, не сказав ни слова, стал по ней спускаться впереди нас. Только выйдя на улицу мы увидели, что он исчез, но тогда еще не было уверенности в его бегстве, а следовательно и предательстве. Можно было предположить, что взволнованный, он поехал к себе домой предупредить жену об исчезновении ген. Миллера. Поэтому, не найдя его на улице, мы сразу на такси помчались в отель «Пакс», в надежде там найти Скоблина.

9. Предположим, что лицам, состоящим в партиях и организациях, естественно видеть в сочленах возможного предателя. В офицерской среде взаимоотношения иные. Там отношения основаны на взаимном доверии и предательство Скоблина, к нашему горю и стыду, принадлежавшему к этой среде, расценивается как чудовищное и невероятное, именно потому, что он был офицером. Заподозрить его мы смогли только тогда, когда он сам расписался в предательстве, а именно бежал неизвестно куда.

10. Назначенная приказом адмирала Кедрова, комиссия ген. И.Е.Эрдели, занята выяснением роли Скоблина в РОВС, установлением обстоятельств исчезновения ген. Миллера и бегства Скоблина, «Внутренней линией» и пр. Необходимо ждать результатов ее работы. Но уже теперь можно сказать, что те зарубежные организации, которые хотят представить РОВС, как находившийся всецело в руках ГПУ, жестоко ошибаются и своими скороспелыми заключениями отнюдь не помогают ни русскому воинству, ни русскому делу вообще. Если бы то, о чем кричат некоторые «общественные деятели» было правдой, то спрашивается, какой смысл большевикам похищать ген. Миллера.

Именно потому, что русское зарубежное воинство, несмотря на все попытки разложить его и превратить в эмигрантскую пыль, сохранило свой дух, иерархическое подчинение начальникам и представляло собой силу, большевики вторично похитили его главу.

Ответом им в эти тяжкие дни будет наша спайка, доверие к начальникам, единение, готовность пожертвовать своими интересами и самолюбием ради общего дела, и признать все наши ошибки с твердой верой в правоту нашей идеи и в конечную победу.

Полковник С.МАЦЫЛЕВ.

Часовой (Париж). -1937. -№197. -С.20.

¹ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. -М.,1997. -С.155.

² Колтышев П.В. На страже русской чести (Париж, 1940-1941 гг.)//Русское прошлое (Санкт-Петербург). -1992. -№3. -С.204.

³ Цит. по: Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. -М.,1969. -С.134.

⁴ Млечин Л.М. Сеть: Москва - ОГПУ - Париж. Сокращенная стенограмма 32 допросов, а также некоторые дополнительные документы, предназначенные исключительно для служебного пользования. -М.,1992. -С.193.

⁵ Часовой. -1937. -№197. -С.20.

⁶ Млечин Л.М. Сеть: Москва - ОГПУ - Париж. -С.193.

⁷ Часовой. -1937. -№197. -С.20.

⁸ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. -Ставрополь,1992. -Т.1. -С.240.

⁹ Колтышев П.В. На страже русской чести. -С.214.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

Вишняков М.Е.

ЗОЛОТО КОРОНЫ

«Я сочинял и сочинил,
Чтоб замолить великий грех.
Вот из бумаги и чернил
Лампадка памяти для всех»

1. ЛЮДИ БЕЛОЙ ИДЕИ

На висках поседела вьюга русских дорог.
Люди Белой Идеи, да поможет вам Бог:
Вам, на тайных вечерах посвятившим детей
Золотому свеченью православных церквей.
На незримых ступенях вас пока меньшинство.
Но великим терпеньем перемелется зло.

Не просить Христа ради вы пришли на порог:
Бог не в силе, а в правде, да поможет вам Бог.
Венценосное солнце не в алмазном венце.
Ржавых оспин масонства нет у вас на лице.
О России радея, каждый сделал что смог.
Люди Белой Идеи, да поможет вам Бог.

2. ПОСЛЕДНЯЯ СТАНЦИЯ

Лошади. Слякоть. Кровища.
Сбились составы с пути.
- Барышня! Вы что-то ищете?
- Эй, человек, посвети.

Свет зажигалки дрожащий,
Венчик живого огня.
- Вынести этих пропащих.
- Чур, не меня, не меня!

- Что же вы свет погасили?
- Я не оставлю их здесь.
- Нет милосердия в России.
- Вы ошибаетесь - есть.

С крыши посыпались льдинки,
Взрывы снарядов шальных...
Барышня в белой косынке
Мечется между больных.

Две-три подводы к вокзалу.
- Раненых надо бросать.
- Я доложу генералу.
- Раненых будут спасать.

Встали полки штурмовые.
Сколько в степи воронья.
- Кто Вы? Святая Мария?
- Русская женщина я.

3. УТРО ИСХОДА

В эту ночь костры не горели.
Все сожгли - и с мертвых шинели,
И последний столб вестовой.
И последний прошел конвой.

На снегу заря пламенела,
Божий свет для красных и белых,
А тому, кто обрел покой,
Мертвый юнкер грозил рукой.

Путь исхода вслед за метелью
Бронепоезд накрыл шрапнелью,
Прорубили сквозь тальники
Забайкальские казаки.

Им приказ: не жалеть патроны,
Сохранить не себя - икону.
Божью Матерь русских сынов
Внес в Хайлар казак Иванов.

Так осталось за дальней далью
Промороженное Забайкалье.
Белый край и белый народ.
Завершился русский исход.

В тишине никто не стрелялся.
Белый узел не развязался.
Туго свиты в казачью плеть
Жизнь и воля, слава и смерть.

4. ГРОЗА НАЧИНАЕТСЯ

Сказалесаул:
- На сопках багул
Огнем разливается.
Хорунжий сказал:
- Нет, это - гроза,
Гроза собирается.
Молчал атаман.
Он знал, что туман
В долину опустится.

Спасет казаков
Лишь цокот подков,
Пурга да распутица.
Ушли за Онон,
За желтый кордон,
Где путь обрывается.
Хорунжий сказал:
- Вот это - гроза.
Гроза начинается.

5. ВЬЮГА РОДОМ ИЗ РОССИИ

За немеряным пространством
Русской мысли, в сизой мгле -
Алый венчик вольтерьянства,
Как повязка на челе.

Дальше света длятся тени.
И бегут, как в степь, столбы,
Как затмение на темя,
Опыт вьюги и судьбы.

Вьюга родом из России.
Перед нею наг и бос,
И растерян, и бессилен
Бог Отец и Сын Христос.

Не поймут они друг друга -
Нимбы замкнуты чертой.

Вот и носится над вьюгой
Дух Святой, как звук пустой.

Пугачевская свобода,
Стеньки Разина челны.
Муки русского исхода
Откровенны и страшны.

Встать раздегым и разутым,
Опереться на тесак.
У кордона снежным утром
Смертен только ты, казак.

Тот, кто видел это лично,
Знает, как и отчего
Венчик красен и коричнев
Лег на русское чело.

6. Я ПРОМАХНУЛСЯ

В осатаневшей от смуты стране
Встретил небесного и ужаснулся.
Он прохрипел, наклонившись ко мне:
- Я промахнулся. Я промахнулся.

Змий уползал, воплощая свое
Зло мировое, набравшее силу.

И мимо цели со свистом копье
Колом осиновым в землю входило.

Рушилось небо и слепли глаза.
То, что я видел, к чему прикоснулся -
Дар провиденья иль Божья гроза?
- Я промахнулся. Я промахнулся.

7. ПАМЯТЬ И БОЛЬ

Время отголосило, откричало навзрыд.
Воин Белой России, ты убит и забыт.
Петр Сергеевич Думнов, офицер и поэт.
И никто не бедует, что в Чите тебя нет.

Никакой не спаситель, просто штабс-капитан,
Воин Белой России, ты скончался от ран.

Ни креста. ни ограды. Ров зарос будыльем.
Белый домик разграблен пролетарским жульем.

И от жизни короткой, двадцати шести лет,
У двоюродной тетки сохранился портрет:
Молодой и красивый, да с несчастной судьбой.
Воин Белой России, наша память и боль.

8. ЗОЛОТОЙ ПОГОН

- Белый мой конь - дневной,
А ночной - вороной.
Белый мой скачет сквозь белый май,
А вороной - сквозь собачий лай.

Русь моя - синий взор,
Кровь и красный террор,
Черный террор над белой страной.
Скачет и скачет конь вороной.

Белый мой конь - дневной,
А ночной - вороной.
Белый мой скачет сквозь белый май,
А вороной - сквозь собачий лай.

Что нам теперь Харбин?
Шашка да карабин.
Желтая грусть, золотой погон,
Пули вдогон, колокольный звон.

Белый мой конь - дневной,
А ночной - вороной.
Белый мой скачет сквозь белый май,
А вороной - сквозь собачий лай.

Помнишь ли ты, браток,
Чей кружевной платок

Ты сохранил, пронес сквозь огонь?
Скачет и скачет проклятый конь.

Белый мой конь - дневной,
А ночной - вороной.
Белый мой скачет сквозь белый май,
А вороной - сквозь собачий лай.

9. СЛЕД ГАНДЖУРА

Птица ночная, сова,
Хищница серо-седая,
Что ж ты нам в души рыдаешь
В ночь, когда вянет листва?

В час, когда над головой
Носится гулкое «пу-гу»,
Унгерн, очистив округу,
В путь снаряжает конвой.

Круг восходящей луны
Красен, как шар абажура.
Тайные выюки с Ганджуром
Стрелами испещрены.

Мрачен безумный барон,
Но ошибается редко:
Вслед за британской разведкой
Красный идет эскадрон.

Знают и эти, и те
Ценность тибетской укладки,

Той, где в священном порядке -
Шелковый лист на листе.

Тайна не любит молвы.
Пали монголы от страха.
Дваулястайских монаха
«Вынули» след из травы.

Унгерн руки не пожал.
Перед дорогою дальней
Молча, церемониально
Брызнула кровь на кинжал.

Птицу ночную сову
Сбили серебряной пулей.
В перья копыта обули
И, как дымок, в синеву.

Утром примчались сквозь сон
Цырики Сухэ-Батора.
Вечность синела, в которой
Спал, усмехаясь, барон.

10. ВОЛЧЬЯ СОТНЯ

Что звенит, что гудит в этом поле?
Страх какой настигает конвой?
Та ли воля, что пуще неволи,
Раздувает пожар мировой?

Третий год, уходя от погони,
Вперхлест сыромятных ремней.
Затянули нас дикие кони,
Мы ли сами загнали коней?

Пар курится под следом подталым,
Роковая цепочка подков.
Под седлом только сотня осталась
От когда-то железных полков.

За Баргой на высотах и сопках
Ветер в белых костяшках гудит.

Никуда не глядит волчья сотня,
Лишь один все на север глядит.

Слышь, браток, с ним опасно в атаку,
Обернется, уйдет в темноту.
Зарубить его, что ли, собаку,
Отпустить ли с повинной в Читту?

Слышь, браток: потревожились птицы
И кричат, и на север летят,
Там, где бабы в сожженных станицах
Нарожали нам красных волчат.

Спой, браток, на последнем привале,
Собери на помин голоса -
Как меня на заре расстреляли.
Как мне резало солнце глаза...

11. ПАМЯТЬ

«Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
Здесь построим русский город.
Назовем Харбин.»

А. Н.

Вечер без выстрелов редок, тянется сном золотым.
Желтая сыпь контрразведок, серого опия дым.
Был и исчез, и неважно, чей выполнялся приказ.
Словно фонарик бумажный в мелкой лавчонке погас.

Всеэмигрантская свалка. Мутный поток Сунгари.
В общем-то, крупная ставка жизнь эта, черт побори!
Дальнее видится ближним. Память, как ветер, горчит.
Белой идеи подвижник, думает, курит, молчит.

В храме дней обветшалых мстительна затхлая пыль.
Дразнит змеиное жало - яд в нем и горечь, и гниль.
Мысли кипят и мнутуются между сумой и тюрьмой.
Важно не просто вернуться, а возвратиться домой.

Все испытай полной мерой, каждый ли в сердце несет
Тяжесть познания и веру в Родину, в русский народ?
Сколько их честных и смелых тайно покинули стан???
- Это для белого дела сделано, штабс-капитан.

12. ПРОПОВЕДЬ. 1925 г.

Что для грядущих столетий
Лет наших страшных излет?
Только погибший ответит,
Только ушедший поймет.

После паденья и смуты
Вот они - тысячи рук,
Солнце, харбинское утро,
Русские лица вокруг.

Тем, кто пропал на дорогах,
Смерть не зачтется виной.
Для постижения Бога
Нужен владыка земной.

Голос, донесшийся свыше,
Креп, окрылялся и рос.
Тот, кто священника слышал,
Клятву в душе произнес.

Дымкой легенды повиты
Святость короны и крест,
Инициация свиты,
Белые платья невест.

Так повенчались с бессмертьем
Избранность, жертвенность, честь.
Встаньте, идите и верьте:
Есть Государь у нас. Есть!

13. ДЫМ ЭМИГРАЦИИ

Русских красавиц фамильное золото
Жарко блистает в ночных кабачках...
- Боже, поручик! Вы были так молоды...
Вальс при свечах, соболя на плечах...

Желтые гроздья маньчжурской акации
Ветер осыпал и в окна занес...
Сладок на родине дым эмиграции,
Здесь же, в Харбине, он горек до слез.

Мертвых забыла, а вспомнив, заплакала,
Нитка кораллов краснее рябин.
Дышит метель или веером ласковым
Ласково веет вечерний Харбин.

- Что ж ты, Россия, нам - мать или - мачеха?
- Кто там, непьющие, возле окна?
- Молодость наша, российские мальчики.
- Штабс-капитан, закажите вина!

Скрипка запела, ликуя и радуя, -
Что там осталось за вьюжной Читой?
- Долг и присяга. - О Белая Гвардия!
Тлен золотой или плен золотой!

- Кончилась наша борьба изначальная.
- Следом другие продолжают поход.
- Белое дело на нас не кончается!
...Скрипка, рыдая, поет и поет.

14. ДОЖИВЕМ ДО ЗАРИ

В. Кибиреву

Белый шиповник на брошенной даче
От одичания поздно цветет.
Ветер шумит или девочка плачет,
Или Вертинский об этом поет?

И в кулаке, в нервномсятой бумажке
Адрес Н.Н., что осталась в Чите.

Теплая осень в заречной станице
Благоухает, забвенья полна.
Словно последняя императрица,
Русская мысль, ты осталась одна.

С темным эфесом и лезвием синим
Спит есаульская шашка в ножнах.
Бьется в Гулаге все та же Россия:
Страх в теремах и бесстрашие в умах.

Гаснет былое, как нервная качка.
Надо пожить и подумать всерьез
Возле шиповника, в маленькой дачке,
Около бело-прохладных берез.

Дерзкая молодость снова читает
Энциклопедии и буквари.
Что-то в ней дышит, сверкает, светает.
- Штабс-капитан, доживем до зари.

Свечи оплыли, и горько, и тяжело
Гвозди ржавеют в распятом Христе.

Будет заря и гроза. И сольется
Все, что по капле дрожит на ветру.
Белое дело закатного солнца -
Восстановить этот свет поутру.

(Продолжение следует)

ИРКУТСК ПОМНИТ АДМИРАЛА

Иркутск. Памятный крест на месте расстрела А.В.Колчака и В.Н.Пепеляева.

Фото 21 ноября 1999 г.

21 ноября 1999 г. в Иркутске на мысу при впадении р.Ушаковки в Ангару, напротив Знаменского собора, по инициативе местного отдела Русского Обще-Национального Союза был установлен памятный Крест. Он воздвигнут в ознаменование 125-й годовщины со дня рождения Верховного правителя России А.В.Колчака на том самом месте, где восемьдесят лет назад, в ночь на 7 февраля 1920 г., адмирал был расстрелян большевиками вместе с премьер-министром его правительства В.Н.Пепеляевым.

Это не первый подобный шаг отдела. Еще летом 1991 г. у ст.Танхой на оз.Байкал был сооружен Крест в память воинов Средне-Сибирского корпуса, в августе 1918 г. ведших под командованием полковника А.Н.Пепеляева бои с красными мадьярами и красногвардейцами. Тогда же патриотическая общественность и казаки Иркутского войска заручились поддержкой мэра города (ныне губернатора) Б.А.Говорина и известных местных предпринимателей братьев Голышевых по вопросу установки памятного знака на месте успокоения мучеников в водах Ангары. Однако по ряду причин инициатива не получила закономерного продолжения.

Авторы проекта не собираются останавливаться на достигнутом. Они заручились согласием известного скульптора В.М.Клыкова, обещавшего со временем изваять памятник адмиралу А.В.Колчаку. Уже стали традиционными шествие и молебен по убиенным в феврале каждого года. Иркутский отдел Союза планирует в перспективе установить памятные Кресты в местах ожесточенных боев Белых войск в Восточной Сибири и смерти их видных военачальников - генералов В.И.Волкова, В.О.Каппеля, С.Н.Войцеховского, подполковника Б.Ф. Ушакова.

* * *

ЗАГАДКИ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

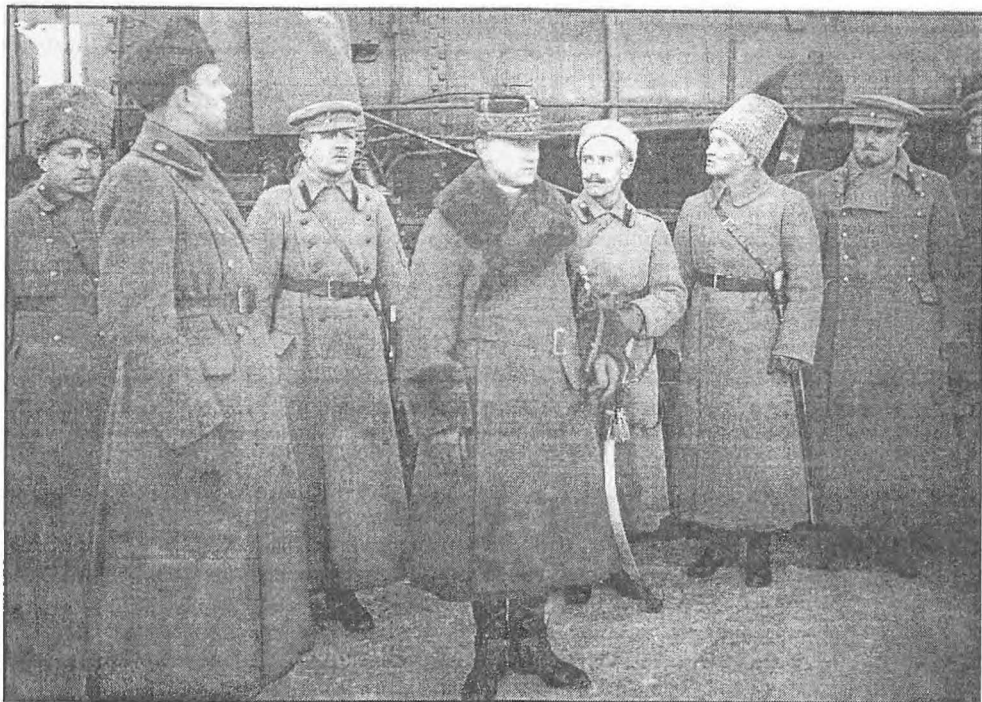
17 февраля 1919 г. Екатеринбург. Штаб Сибирской армии. Сидят слева направо: командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р.Гайда, Верховный правитель России адмирал А.В.Колчак, начальник штаба Сибирской армии генерал-майор Б.П.Богословский, уполномоченный по охране государственного порядка в Пермской губернии полковник С.А.Домонтович. Стоит четвертый слева - личный адъютант Верховного правителя России ротмистр В.В.Князев.

В Государственном архиве Свердловской области хранится ряд фотодокументов времен Гражданской войны на стеклянных негативах. На одном из них запечатлен адмирал А.В.Колчак в окружении генералов и офицеров Сибирской армии во время своего приезда в Екатеринбург в феврале 1919 г.

Эту фотографию опубликовал во втором номере альманаха на с.127 профессор И.Ф.Плотников в своей работе об адмирале А.В.Колчаке. В подписи под фотографией значилось, что на ней в первом ряду сидят генерал-лейтенант Р.Гайда, адмирал А.В.Колчак, генерал-лейтенант М.К.Дитерихс и генерал-майор Домонтович.

В четвертом номере альманаха в разделе «Хроника» на странице 167 историк А.Ю.Бушин выразил сомнение, что на фото мы видим М.К.Дитерихса. А.Ю.Бушин предположил, что вместо него на документе присутствует начальник штаба Сибирской армии генерал-майор Б.П.Богословский.

Заинтересовавшись этими противоречивыми высказываниями, мы решили выяснить, кто же на самом деле изображен на данной фотографии. Сразу же можно твердо сказать, что это не генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. Сидящий по левую руку от Верховного Правителя офицер с аксельбантами Генерального штаба - генерал-майор: на его погонах хорошо видны две звездочки, да и портретное сходство с М.К.Дитерихсом весьма относительное. Видимо следует согласиться с предположением А.Ю.Бушина, что рядом с адмиралом находится начальник штаба Сибирской армии генерал-майор Борис Петрович Богословский. Это подтверждается сравнением данной фотографии с другой, хранящейся в фонде Свердловского государственного областного историко-краеведческого музея. На музейной фотографии запечатлен момент встречи в Екатеринбурге военного министра Чехословацкой республики генера-

**8 декабря 1918 г. Приезд генерала М.Р.Штефаника в Екатеринбург.
Слева направо: второй - генерал Р.Гайда, далее - майор Гусарик, генерал
М.Р.Штефаник, генерал Б.П.Богословский, полковник Р.Медек,
член Чехословацкого Национального совета Б.Павлу**

ла М.Р.Штефаника. Справа от него, опираясь на характерную, сильно изогнутую саблю, с башмаком на ножнах, стоит Б.П.Богословский. Точно такая же сабля у генерал-майора, сидящего рядом с А.В.Колчаком. Есть у этих людей и портретное сходство. Еще одним подтверждением того, что генерал-майор, находящийся рядом с адмиралом, - это Б.П.Богословский, служит то, что на левой стороне груди, над карманом, у него приколоты ордена Св.Георгия 4 степ. и французский Военный крест с пальмовой ветвью, которые начальник штаба Сибирской армии получил в январе 1919 г. за Пермскую операцию.

Можно также попытаться определить точную дату, когда была сделана эта фотография. По правую руку от Верховного правителя располагается командующий Сибирской армией генерал-лейтенант русской службы Радола Гайда. Этот чин был присвоен ему в начале января 1919 г. У сидящего крайним справа уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии Сергея Алексеевича Домонтовича погоны полковника Екатеринбургского уланского полка. Известно, что чин генерал-майора он получил 17 февраля 1919 г. За этот период адмирал А.В.Колчак был в Екатеринбурге только один раз - с 16 по 18 февраля.

На фотографии (за плечом стоящего слева капитана) читается надпись на двери: «...АБИНЕТ ...ЮЩАГО А...», то есть «КАБИНЕТ КОМАНДУЮЩАГО АРМИЕЙ», что указывает на то, что снимок сделан в штабе Сибирской армии, который располагался тогда в здании управления Пермь-Тюменской железной дороги на Покровском проспекте Екатеринбурга. По сообщениям местных газет, прибыв в город 16 февраля в час дня, А.В.Колчак на следующий день, 17 февраля, посетил штаб Сибирской армии, после чего провел смотр Екатеринбургского уланского полка на Монастырской площади, где и состоялось производство С.А.Домонтовича в генерал-майоры.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что данная фотография сделана 17 февраля 1919 г.

На этой фотографии есть еще один известный нам офицер. Он стоит во втором ряду между адмиралом и генералом Б.П.Богословским - это личный адъютант А.В.Колчака ротмистр Владимир Васильевич Князев.

Наверное, с ростом наших знаний о том времени мы еще не раз вернемся к этой фотографии, тем более, что на ней остается еще много загадок. Например, кто эти стоящие за генералом Р.Гайдой и Верховным правителем два полковника Генерального штаба, или что за экзотичный семилучевой шейный орден у Б.П.Богословского?

Публикацию подготовили Кручинин А.М., Неуймин Н.Б.

* * *

В редакцию альманаха поступило письмо от сотрудника Государственного архива Пермской области Д.А.Лобанова. Он пишет: «В пятом номере альманаха была опубликована статья Абиныкина Р.М. «Добровольческая революционная армия» 1917 года». Соглашаясь в целом с главным тезисом статьи, что ударные батальоны являлись предтечей Добровольческой армии, хочу все же отметить некоторые неточности допущенные автором.

Во-первых, автор постоянно путает ударные батальоны, сформированные из фронтовых частей и революционные ударные батальоны из волонтеров тыла, между тем это были разные формирования, о чем указывалось в приказе Верховного Главнокомандующего №547 от 27 июня 1917 г.¹

Во-вторых, штурмовые группы в 1917 г. уже не являлись новостью. Первое подобное подразделение было создано весной 1915 г. в Германской армии приказом Oberste Heeresleitung от 2 марта 1915 г.² К 1917 г. штурмовые подразделения существовали в армиях практически всех воюющих государств. В Русской армии такие команды стали формировать в конце 1915 г., а с начала 1916 г. было положено иметь при каждом пехотном и стрелковом полку по взводу гренадер³. Кстати штурмовыми являлись только ударные батальоны, сформированные из добровольцев действующих частей (большое количество пулеметов в них обуславливалось особенностями их тактики, а не какими-то особыми внутренними функциями), а ударные батальоны из волонтеров тыла являлись в организационном плане обычными пехотными частями, и согласно штатов, в них положено было иметь четыре пулемета, т.е. как в стрелковых полках мирного времени⁴.

В-третьих, упоминаемый автором Славянский добровольческий отряд - это видимо тот же Корниловский ударный полк, который в сентябре 1917 г. был прикомандирован к 1 Чехословацкой дивизии, а 30 сентября 1917 г. получил название Славянский⁵. Хотя я могу и ошибаться: в 1917 г. было столько различных «революционных» формирований, вряд ли возможно установить их точный список.

В-четвертых, единственной женской частью, прибывшей на фронт, стала 1 Женская команда смерти Марии Бочкаревой, но ее действия нельзя назвать малоэффективными. В бою под Крево 8 июля 1917 г. команда взяла две линии германских окопов, но не поддержанная соседями была вынуждена отступить. Командира отряда Бочкареву за этот бой произвели в подпоручики и представили к награждению Георгиевским оружием, которое она так и не получила⁶.

И последнее. Утверждение, что ни один офицер-ударник не служил в Красной армии, справедливо лишь в отношении ударных батальонов из фронтовых частей. Что касается аналогичных батальонов из волонтеров тыла, то, например, в октябре 1917 г. в 1 батальоне Юго-Западного фронта «Свобода, Равенство и Братство» существовала одна из самых мощных ячеек РСДРП(б) из 42 человек. А один из инициаторов формирования батальонов капитан М.А.Муравьев в 1918 г. командовал Восточным фронтом Красной армии⁷.

¹ Росс Н.Г. Ударные части в Русской армии. Весна и лето 1917 г. // Новый Часовой (Санкт-Петербург). -1994. -№2. -С.133.

² Солдаты кайзера. Штурмовые отряды Германской армии 1914-1918 гг. -Рига,1997. -С.6.

³ Корнаков П. , Юшко В. Второе рождение grenader. Штурмовые отряды Русской армии 1915-1917 гг. //Цейхгауз (Москва). -1995. -№4. -С.20.

⁴ Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 г. //Цейхгауз. -1998. -№ 8. -С.34-41.

⁵ Росс И.Г. Ударные части в Русской армии. -С.132.

⁶ «Мой батальон не осрамит России...». Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. -1993. -№ 8-9. -С.79.

⁷ Кибовский А. Революцией призванные. -С.34-41.

* * *

В Томске в издательстве местного университета вышли в свет три выпуска сб. док. **«Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. - 1920 г.): законодательная деятельность белых правительств Сибири»**. Издание содержит законодательные акты Западно-Сибирского Комиссариата, оказавшегося в роли Верховной власти в Сибири после чехословацкого восстания, и Временного Сибирского правительства, которому комиссариат передал власть 1 июля 1918 г. Публикуемые документы отражают политическую и социальную направленность деятельности белых властей, демонстрируют борьбу идей и политических взглядов в правительственных кругах, позволяют проследить генезис органов управления, раскрывают приоритетные направления внутренней и внешней политики, дают представление о правовой основе антибольшевистских государственных образований в Сибири.

* * *

В Челябинске выпущена книга **Н.С.Шибанова «Зеленая» война: исторические очерки**. В ней освещаются трагические события второй половины 1920 г., когда в сельских районах Челябинской губернии на пути насилия и узаконенного грабежа станиц встали отряды казаков-партизан под руководством авторитетных лидеров Я.Г.Луконина и С.А.Выдрина. Казаки занимали поселки, по приговорам сходов судили коммунистов и продотрядовцев, избирали вместо советов атаманское правление. Выступление было жестоко подавлено, но вместе с крестьянскими восстаниями на Украине, в Тамбовской губернии, других районах Урала и Сибири заставило большевиков пересмотреть свою губительную социально-экономическую политику и заменить продрозверстку продналогом.

* * *

В Екатеринбурге научно-исследовательским центром «Белая Россия» опубликована **монография А.М.Кручинина «Российский полк с финским именем: очерки истории Оровайского полка (1811-1920)»**. Работа написана на основе широкого круга источников, в основном неизвестных архивных документов, с привлечением богатого иллюстративного материала и продолжает дореволюционную традицию написания полковых историй. Автор очерков - председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит» - в течение многих лет занимался сбором и изучением самой разной информации, позволившей воссоздать историю не только Оровайского полка, но и трех его предков - батальонов, и на их примере показать славный боевой путь и трагедию Российской Императорской армии на полях сражений русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, проследить судьбы провинциального армейского офицества.

* * *

В Санкт-Петербурге в издательстве «Дмитрий Буланин» вышла **монография А.В.Смолина «Белое движение на Северо-Западе России»**. Автор работы, не стремясь к глубоким обобщениям и выводам, поставил и решил более скромную, но отнюдь не менее значимую задачу - проследил историю зарождения, становления и гибели Белого движения на Северо-Западе страны в 1918-1920 гг. В противовес традиционному подходу историографии, рассматривающему Белое движение в регионе как второстепенное, он доказал, что Северо-Запад России имел не только внутрисоссийское, но и международное, геополитическое значение. Историк вскрыл ряд специфических черт Белого движения на Северо-Западе: отсутствие собственной территории для возникновения, особую роль иностранной поддержки со стороны Германии и Эстонии, затем стран Антанты; открыто монархический характер движения и другие. При подготовке работы автор использовал широкий круг документов и источников, извлеченных как из российских хранилищ, так и архива Гуверовского института войны, революции и мира и Бахметьевского архива русской и восточноевропейской истории университетов США.

* * *

В Смоленске в издательстве «Русич» увидела свет книга **В.Г.Черкасова-Георгиевского «Генерал Деникин»**. В историографии XX века генерал А.И.Деникин наиболее известен выдающимся полководцем Белой армии, в то время как он являлся и замечательным военным деятелем императорской России, заслуженным офицером на фронтах русско-японской и Первой

мировой войн. Подробно освещая эти стороны натуры военачальника, автор раскрывает также образ Деникина-публициста и писателя. Благодаря архивным исследованиям, личной встрече автора биографии с дочерью генерала М.А.Деникиной во Франции читатель имеет возможность познакомиться с совершенно новыми фактами из жизни и деятельности бывшего Белого главнокомандующего в эмиграции.

* * *

В Москве в Российском отделении Ордена св.Константина Великого при участии журнала «Наше наследие» вышла книга **«Узники Бизерты»**, включившая в себя две редкие документальные повести **В.фон Берга «Последние гардемарины»** и **Н.Кнорринга «Сфаят»**. Авторы - участники драматических событий ухода белых моряков из Крыма вместе с армией генерала П.Н.Врангеля в 1920 г. рассказывают о жизни русских эмигрантов в течение последующих пяти лет в африканском Тунисе. Воспоминания моряков дополнены интересными приложениями, в которые включены воспоминания П.Н.Врангеля «О Крымской эвакуации», П.А.Варнека «Поход в Бизерту», Н.Аленниковой «Что было потом, после Бизерты», поименные списки выпускников Морского корпуса в Бизерте. Удачно дополненная многочисленными фотографиями книга проливает свет еще на одну малоизвестную страницу истории Белого движения в России.

* * *

В Санкт-Петербурге в издательстве государственного университета выпущена в свет книга **В.Г.Бортневского «Избранные труды»**. Она представляет собой собрание работ недавно ушедшего из жизни известного петербургского историка. Публикуемые научные и публицистические труды ученого посвящены различным проблемам отечественной истории XIX - середины XX веков. Однако большая часть избранных материалов охватывает тему Белого движения в России. Несомненный интерес представляют главы из неоконченной книги о начале движения, формировании его государственно-политической программы в июне 1917 г. - августе 1918 г.; о разведке и контрразведке Белого Юга; красном и белом терроре; статьи, посвященные видным деятелям Белого движения - В.О.Каппелю, М.Г.Дроздовскому, А.В.Туркулу и др. Среди документальных материалов, подготовленных к публикации ученым, внимание читателя привлечет переписка выдающегося русского мыслителя И.А.Ильина с не менее выдающимся генералом П.Н.Врангелем.

* * *

В Москве в издательствах «АСТ» и «Гея итэрум» вышла книга **атамана Г.М.Семенова «О себе: воспоминания, мысли и выводы»**. Она представляет собой переиздание мемуаров знаменитого генерал-лейтенанта, лидера Забайкальского казачьего войска, написанных им в китайском Дайрене в 1936-1938 годах. Воспоминания не только воскрешают перед глазами читателя многие интереснейшие эпизоды Гражданской войны и Белого движения, но и избобилуют размышлениями о грядущих судьбах России и россиян - размышлениями глубокими, неординарными, а зачастую - пророческими.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

АБИНЯКИН Роман Михайлович, аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета, автор ряда публикаций по истории Добровольческой армии.

БУШИН Александр Юрьевич, преподаватель Уссурийского государственного педагогического института, действительный член Общества изучения Амурского края (Приморского отделения Русского географического общества), автор ряда публикаций по истории Первой мировой войны и Белого движения на востоке России.

ВИШНЯКОВ Михаил Евсеевич, пресс-секретарь губернатора Читинской области, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, автор десяти книг, выпущенных издательствами Москвы и Сибири, постоянно печатается на страницах различных литературных журналов («Дальний Восток», «Сибирь», «Наш современник», «Москва» и др.).

ГЛЕЗЕРОВ Сергей Евгеньевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета культуры, занимается изучением издательского дела Белого движения на Северо-Западе России, автор ряда публикаций по теме, а также по истории Санкт-Петербурга.

ДРОКОВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, исследователь личности А.В.Колчака, автор многих научных публикаций по истории Гражданской войны в Сибири.

ЕРШОВ Виталий Федорович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Отечественной истории новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета (Москва), специалист по истории Российской военной эмиграции, автор ряда научных работ и коллективных монографий.

КРУЧИНИН Александр Михайлович, инженер-технолог Свердловской железной дороги, председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит» занимается историей Русской армии первой трети XX в., автор научных публикаций и монографии.

НОВИКОВ Павел Александрович, аспирант Иркутского государственного университета, автор нескольких научных публикаций по истории антибольшевистской борьбы в Восточной Сибири.

СМИРНОВ Сергей Викторович, аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург), занимается изучением проблем, связанных с историей российской эмиграции в Китае.

ТАСКАЕВ Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Отечественной истории института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар), автор более 50 научных публикаций.

ФОМИН Владимир Николаевич, доктор исторических наук, академик Академии военных наук, профессор кафедры истории, заместитель председателя диссертационного совета по Отечественной истории Московского автомобильно-дорожного института (Технического университета), занимается изучением истории Гражданской войны, борьбы политических партий за власть на Дальнем Востоке, русской эмиграции в Китае, автор более 100 научных публикаций и ряда монографий.

ФОМИН Константин Владимирович, соискатель кафедры истории Московского автомобильно-дорожного института (Технического университета), занимается изучением истории казачьей эмиграции в Китае.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Объявление	4

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 г.)	5
Гаскаев М.В. Подполковник Николай Орлов	18
Фомин В.Н., Фомин К.В. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921-1922 гг.: дислокация, численный и командный состав	36

В БЕЛОМ ТЫЛУ

Глезеров С.Е. Издательское дело Белого движения на Северо-Западе России. 1918-1920 гг. ...	43
--	----

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Хронология жизни генерала Радолы Гайды. Перевод с чешского и подготовка публикации Кручинина А.М.	58
Дроков С.В. Суд на Атамановском хуторе	64

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Бушин А.Ю. Во имя России: генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий	81
Смирнов С.В. Чтобы помнили...: судьбы неизвестных офицеров Белой армии	87

АРХИВЫ

Ключарев. Песня «Адмирал Колчак»	92
--	----

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

Военные общества и союзы зарубежной России в 1920-1939 гг. (окончание). Публикация Ершова В.Ф.	93
Абинякин Р.М. Незамеченные обстоятельства похищения начальника РОВС генерала Е.К. Миллера: версия	106

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

Вишняков М.Е. Золото короны	109
-----------------------------------	-----

ХРОНИКА

Иркутск помнит адмирала	113
Загадки старой фотографии. Публикация Кручинина А.М., Неуймина Н.Б.	114
Несколько слов об авторах	119

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО. Исторический научно-популярный альманах № 7.
Ответственный редактор Дмитриева Т.В.
Художник Сакнынь Ю.П.
Компьютерная верстка Пряхина Н.Н.

Подписано в печать 11.04.2000. Формат бум. 70x108 1/16.
Бумага книжно-журнальная. Офсет. Усл. печ. листов 16,0. Тираж 800 экз. Заказ № 79.
Отпечатано ООО «Издательство УМЦ УПИ». 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 17.

